

Г. А. ГОНЧАРОВ, Л. Д. РЯБЕВ

О СОЗДАНИИ ПЕРВОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АТОМНОЙ БОМБЫ

29 АВГУСТА 1949 ГОДА

Граммитария всех стран, социалистическая
Союзная Коммунистическая Партия (большевистическая)

ПРАВДА
Центрального Комитета и МК ВКП(б)

23 СЕНТЯБРЯ 1949 г., № 259 (1137)
Сообщение ТАСС

23 сентября изданию США Тудман | 1947
и о том, что во многих обстоятельствах США
показали откровенный волюнтаризм
в отношении

ФГУП «РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЯДЕРНЫЙ ЦЕНТР –
ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ФИЗИКИ»

Г. А. ГОНЧАРОВ, Л. Д. РЯБЕВ

О СОЗДАНИИ ПЕРВОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АТОМНОЙ БОМБЫ

Саров, 2009

ББК 31.4(2)
Г65
УДК 623.454.8(09)

О создании первой отечественной атомной бомбы/ Г. А. Гончаров, Л. Д. Рябев. – Саров: ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», 2009. – 108 с. – ил.
ISBN 978-5-9515-0114-1

Конец тридцатых – начало сороковых годов XX столетия ознаменовались выдающимися открытиями в области физики: деление тяжелых ядер и возможность цепной реакции деления. Эти открытия указывали на возможность практического использования человечеством нового мощного источника энергии – энергии деления ядер. Однако политическая обстановка в мире в тот период предопределила то, что усилия ученых ряда стран мира по поиску путей использования ядерной энергии вскоре оказались направленными в первую очередь на создание атомных бомб. Первые атомные бомбы были созданы в Соединенных Штатах Америки и применены США в войне с Японией уже через шесть с половиной лет после открытия деления. Еще через четыре года СССР создал и испытал свою первую атомную бомбу. Достижение ядерного паритета, важным шагом к которому явилось создание первой отечественной атомной бомбы, сказалось на судьбах человечества, способствуя глобальной стабильности и миру на Земле.

Книга подготовлена на основе документальных источников периода 1939–1953 гг. В ней рассмотрены истоки и становление физических идей, положенных в основу конструкции первой отечественной атомной бомбы, важнейшие события и факты, связанные с ее созданием.

ISBN 978-5-9515-0114-1

© Гончаров Г. А., Рябев Л. Д., 2001
© ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», 2009, с изменениями

РДС-1 и РФЯЦ-ВНИИЗФ	4	9. МЕТОД ИМПЛОЗИИ. «ЭТОТ МЕТОД СЛЕДУЕТ ПРЕДПОЧЕСТЬ “МЕТОДУ ВЫСТРЕЛА”»	57
ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ НА ПУТИ К ПЕРВОМУ ЯДЕРНОМУ ВЗРЫВУ	8	10. ОБРАЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО КОМИТЕТА И ПЕРВОГО ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ	63
1. СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В СССР ПО ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД	11	11. И. В. КУРЧАТОВ ПРОДОЛЖАЕТ БОРЬБУ ЗА ПРИВЛЕЧЕНИЕ К РАСЧЕТАМ АТОМНЫХ БОМБ Л. Д. ЛАНДАУ	69
2. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ОТНОШЕНИЕ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ К ВОЗМОЖНОСТИ СОЗДАНИЯ АТОМНОЙ БОМБЫ	17	12. СОЗДАНИЕ КОНСТРУКТОРСКОГО БЮРО № 11 ПРИ ЛАБОРАТОРИИ № 2 АКАДЕМИИ НАУК СССР. ПЕРВЫЕ ЗАДАЧИ КБ-11: РАЗРАБОТКА АТОМНОЙ БОМБЫ РДС-1 ИМПЛОЗИВНОГО ТИПА С ПЛУТОНИЕМ И АТОМНОЙ БОМБЫ РДС-2 ПУШЕЧНОГО ТИПА С УРАНОМ-235	73
3. РЕШЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР О ВОЗБНОВЛЕНИИ РАБОТ ПО ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ	25	13. ЯДЕРНЫЙ РЕАКТОР Ф-1 – ПЕРВЫЙ В СССР, ПЕРВЫЙ В ЕВРОПЕ И АЗИИ. ПРИЕМ И. В. СТАЛИНЫМ УЧАСТНИКОВ РАБОТ НАД СОВЕТСКИМ АТОМНЫМ ПРОЕКТОМ	79
4. НАЗНАЧЕНИЕ И. В. КУРЧАТОВА НАУЧНЫМ РУКОВОДИТЕЛЕМ РАБОТ ПО УРАНУ. ОРГАНИЗАЦИЯ ЛАБОРАТОРИИ № 2 АКАДЕМИИ НАУК СССР	31	14. ПЕРВЫЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ ЯДЕРНЫЙ РЕАКТОР СССР	83
5. УРАНОВАЯ БОМБА И БОМБА ИЗ «НЕЗЕМНОГО» МАТЕРИАЛА	35	15. РАБОТЫ ПО СОЗДАНИЮ АТОМНЫХ БОМБ РДС-1 И РДС-2. НАЧАЛО РАБОТ НАД УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫМИ АТОМНЫМИ БОМБАМИ	87
6. НАЧАЛО РАБОТ ПО АТОМНОЙ БОМБЕ В ЛАБОРАТОРИИ № 2 АКАДЕМИИ НАУК СССР	39	16. ЗАВЕРШЕНИЕ РАЗРАБОТКИ И ИСПЫТАНИЕ ПЕРВОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АТОМНОЙ БОМБЫ РДС-1	93
7. «ВОЗЛОЖИТЬ НА Т. БЕРИЯ Л. П. НАБЛЮДЕНИЕ ЗА РАЗВИТИЕМ РАБОТ ПО УРАНУ»	43	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	104
8. Ю. Б. ХАРИТОН – НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ РАБОТ ПО АТОМНОЙ БОМБЕ	53	ЛИТЕРАТУРА	106

РДС-1 И РФЯЦ-ВНИИЭФ

Эта книга посвящена событию исторического масштаба в жизни нашей страны – созданию первой атомной бомбы РДС-1.

Прошло 60 лет со дня испытания 29 августа 1949 года РДС-1, которое подтвердило, что СССР стал обладателем ядерного оружия. Значение этого события состоит в том, что оно заложило основы ядерного щита нашей страны, щита, который обеспечивает безопасность России до сих пор.

Создание РДС-1 потребовало настоящего научно-технологического и промышленного переворота, в котором родились атомная отрасль, атомная наука, атомные технологии. В основе этого лежит героический труд многих десятков тысяч человек – ученых, инженеров, технологов, производственников, испытателей.

Представляемая книга написана замечательными специалистами на основе архивных материалов, вошедших в подготовленное под их руководством и при их участии многотомное издание «Атомный проект СССР. Документы и материалы».

Герман Арсеньевич Гончаров – профессор, доктор физико-математических наук, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии и Государственной премии РФ, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Он внес выдающийся вклад в развитие отечественной атомной науки и техники и создание современного ядерного щита России.

Лев Дмитриевич Рябев – организатор ядерно-оружейной деятельности и атомной отрасли, в различные

годы – директор РФЯЦ-ВНИИЭФ, министр среднего машиностроения СССР, заместитель Председателя Совета министров СССР, первый заместитель министра РФ по атомной энергии, руководитель ядерного оружейного комплекса, руководитель масштабных программ атомной отрасли, лауреат Государственной премии СССР и премии Правительства РФ.

Создание РДС-1 включало целый ряд важнейших этапов, из которых главными были получение ядерного материала – оружейного плутония, осуществленное под научно-техническим руководством И. В. Курчатова, В. Г. Хлопина и А. А. Бочвара, и разработка и отработка самой атомной бомбы в виде ядерного боеприпаса под руководством Ю. Б. Харитона.

В нашем институте (тогда – КБ-11) в конце 40-х годов сложился особый стиль работы, который сейчас принято называть инновационным подходом. Формулировались новые идеи, эти идеи подвергались теоретическому анализу и экспериментальной проверке, затем следовали конструкторские решения, создание опытно-экспериментальных образцов и внедрение в продукцию. Продукция предназначалась для серийного производства. Непосредственно в ходе разработки РДС-1 в рамках такого подхода был реализован целый ряд направлений, которые комплексным образом объединились в главный результат – атомную бомбу.

К важнейшим из этих направлений относились создание прецизионного блока взрывчатых веществ, обе-

спечаивающего устойчивый и высокосимметричный процесс сферически сходящейся детонации; система подрыва, удовлетворяющая необходимым условиям по быстродействию и разновременности; система автоматики, обеспечивающая работу РДС-1 в условиях испытаний и в условиях применения; система нейтронного инициирования ядерной цепной реакции; конструктивное воплощение, обеспечивающее высокий уровень надежности и безопасности РДС-1.

Решение целого ряда вопросов, связанных с самим процессом реализации ядерного взрыва, опиралось практически полностью на теоретические исследования, как единственный источник представлений о физике в области высоких давлений и температур. Экспериментальных данных здесь, по существу, не было, и только в будущем, по мере проведения натуральных испытаний, эта область знания развивалась, физические представления и модели верифицировались, и наши специалисты «по элементам» создавали новую науку – физику высоких плотностей энергии.

Уже через четыре года после создания РДС-1 в КБ-11 был разработан первый термоядерный заряд РДС-6с, в котором в нашей стране впервые было осуществлено зажигание термоядерного горючего и важнейший вклад в который внес А. Д. Сахаров.

Еще через два года в нашем институте был разработан первый термоядерный заряд на принципе радиационной импlosionи РДС-37, который по праву считается прототипом термоядерного оружия нашей страны.

Все эти достижения опирались на особый научно-технический стиль работы, сформировавшийся при разработке РДС-1, который сочетал глубокое научное понимание проблемы, смелость технических решений и точность в их реализации.

На протяжении последующих десятилетий наши специалисты развивали инновационные методы работы

и достигли выдающихся результатов в совершенствовании ядерного и термоядерного оружия. Эти работы являются важнейшим вкладом в достижение ядерного паритета с США, создание ядерного щита нашей страны, обеспечение мирной жизни нашего народа.

Сейчас ядерно-оружейные работы остаются важнейшим видом деятельности РФЯЦ-ВНИИЭФ, однако условия ее проведения кардинально изменились. На протяжении 19 лет сопровождение ядерного арсенала России осуществляется в отсутствие натуральных испытаний, что является беспрецедентным событием в мировой практике обеспечения безопасности сложнейших технологических систем. На протяжении этого времени происходит неизбежное старение реализованных «в металле» образцов ядерных зарядов, изменяются материалы, технологии, уходят кадры, непосредственно работавшие над созданием современного боезапаса ядерных зарядов.

РФЯЦ-ВНИИЭФ решает эту сложнейшую проблему, совершенствуя методы физико-математического моделирования и вычислительные возможности как основу научного подхода в сопровождении ядерного арсенала, а также развивая экспериментальные возможности и методы в контроле качества продукции, обосновании адекватности замены материалов и элементов технологий. Важнейшее значение имеет обеспечение преемственности кадров. Практическая реализация этого подхода связана с рядом конкретных достижений.

РФЯЦ-ВНИИЭФ является лидером в Российской Федерации по созданию высокопроизводительных ЭВМ и программного обеспечения для них. У нас разработаны и находятся в эксплуатации уникальные 2D и 3D комплексы, обеспечивающие моделирование сложных процессов радиационной газодинамики, нейтронной кинетики, горения гетерогенных ядерных и термоядерных

сред, развития гидродинамических неустойчивостей. На этой основе в интересах сопровождения ядерного оружия достигнуто углубленное понимание особенностей процессов физики высоких плотностей энергии, объяснены принципиальные результаты целого ряда натурных экспериментов.

Существенное развитие получила экспериментальная и теоретическая газодинамика, в области которой в РФЯЦ-ВНИИЭФ проводятся исследования мирового уровня.

Для настоящего периода актуально объединение возможностей моделирования и супервычислений, газодинамических исследований и конструкторских методов в рамках единой системы сопровождения ядерного оружия, обеспечения его безопасности, надежности и эффективности. Это будет новый крупный инновационный результат – технология сопровождения ядерных зарядов на долгосрочный период.

РДС-1 является также прототипом практического воплощения результатов ядерно-оружейной деятельности.

Во-первых, разработка совершенно нового научно-технического устройства была реализована в качестве конкретного вида оружия – ядерной авиационной бомбы, и была адаптирована к возможностям конкретного носителя – бомбардировщика ТУ-4. Этот принцип неуклонно реализовывался и в последующих разработках РФЯЦ-ВНИИЭФ, когда ядерные заряды сопрягались с конкретными носителями в составе ядерных боеприпасов.

Во-вторых, разработка РДС-1 была нацелена на медленное освоение этого образца ядерного оружия серийным производством. Обеспечение серийности, тщательная подготовка опытных образцов оружия к серийному производству всегда были и являются в настоящее время важнейшим принципом научно-технической политики РФЯЦ-ВНИИЭФ.

На стадии разработки РДС-1 была осознана особая роль специальных ядерно-физических исследований, включая, в первую очередь, проведение критмассовых измерений, а также использование современных для того времени методов экспериментальной физики в целях отработки и исследования процессов, происходящих в ядерном оружии, например, методов высокоскоростной рентгенографии.

Такая методология научно-технических исследований получила в РФЯЦ-ВНИИЭФ интенсивное развитие и привела к созданию в институте целого ряда уникальных установок, включая специальную ускорительную технику и импульсные ядерные реакторы. Для диагностики ядерных испытаний в РФЯЦ-ВНИИЭФ был создан ряд высокоинформативных методов измерений, которые получили широкое практическое применение. Полученные на их основе экспериментальные данные имеют существенное значение и в наше время для обеспечения сопровождения ядерного арсенала в условиях Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

Еще одной важной стороной деятельности РФЯЦ-ВНИИЭФ является развитие широкого круга физических исследований, основанных первоначально на достижениях газодинамических технологий и затем выросших в крупные самостоятельные ветви. Это, прежде всего, лазерно-физические и электрофизические разработки РФЯЦ-ВНИИЭФ.

Среди широкого круга лазерно-физических исследований института следует отметить создание установок «Искра-5» и «Луч», которые привели к ряду пионерских исследований физики высоких плотностей энергии. Электрофизические исследования существенно ориентируются на созданные в институте уникальные преобразователи энергии взрыва химических ВВ в электромагнитную энергию – взрывомагнитные генераторы.

Широкий круг разработок, опирающийся на научный подход, разнообразную экспериментальную базу, получение первоклассных результатов – это одно из основных условий обеспечения динамического развития института, решения задач кадровой преемственности.

Сочетание научных исследований и выработки на их основе научно-обоснованного подхода в технических решениях с целым спектром выдающихся практических результатов обеспечили РФЯЦ-ВНИИЭФ статус одного из ведущих российских и мировых научно-технических центров.

Сегодня атомная отрасль, ядерный оружейный комплекс и РФЯЦ-ВНИИЭФ находятся в процессе реформирования. Нашей основной задачей является сохранение и развитие ядерных оружейных технологий на уровне, необходимом для обеспечения сопровождения ядерного арсенала России и гарантий ядерного сдерживания

в среднесрочной и долгосрочной перспективах. В этих целях необходимы повышение научного базиса сопровождения ядерного оружия, развитие научно-технической базы нашего ядерного центра, повышение материальной привлекательности труда.

Все это очень непростые задачи, предполагающие увеличение объемов государственного финансирования работ, рост производительности труда, реализацию новых практических результатов, необходимых для повышения обороноспособности страны. Нам предстоит расстановка новых приоритетов работ, адекватных политической и экономической ситуации настоящего времени, активное использование потенциала РФЯЦ-ВНИИЭФ для диверсификации инновационной деятельности. У нас есть необходимые возможности для обновления института и укрепления его позиций на новых научно-технических рубежах XX века в соответствии с интересами России.

Директор
РФЯЦ-ВНИИЭФ

В. Е. Костюков

Научный руководитель
РФЯЦ-ВНИИЭФ,
академик РАН

Р. И. Ильяев

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ НА ПУТИ К ПЕРВОМУ ЯДЕРНОМУ ВЗРЫВУ

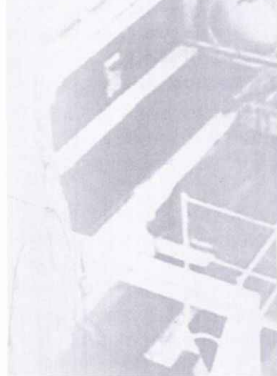
1940 ГОД

При Президиуме АН СССР образована Комиссия по проблеме урана (Урановая комиссия), задача которой заключалась в развитии работ по изучению свойств урана и возможности использования внутриатомной энергии.

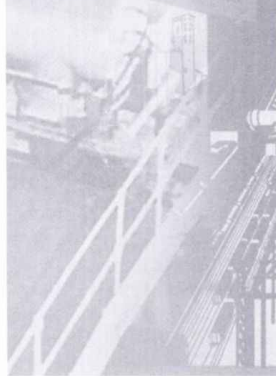
1942 ГОД

Государственный Комитет Оборона (ГКО) обязал Академию наук СССР возобновить исследовательские работы по использованию атомной энергии и обеспечить их координацию.

1943 ГОД

ГКО принял решение о создании в г. Москве научного центра по проблемам использования атомной энергии (Лаборатория № 2 АН СССР). Научным руководителем работ по урану назначен И. В. Курчатов.

1945 ГОД

Постановлением ГКО создан Специальный комитет, наделенный широкими полномочиями для решения всех проблем Уранового проекта.

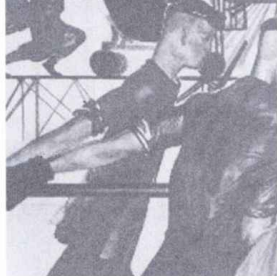
При Совнаркоме создано Первое главное управление (ПГУ) для непосредственного руководства предприятиями атомной промышленности.

1946 ГОД

Совет министров СССР принял постановление о создании конструкторского бюро по разработке опытных образцов атомных бомб (КБ-11, впоследствии РЯЦ-ВНИИЭФ).

Осуществлен пуск первого исследовательского ядерного реактора Ф-1 в Лаборатории № 2 АН СССР.

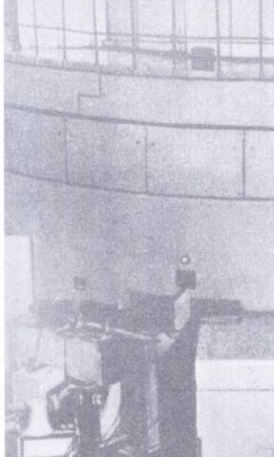
1947 ГОД

Получены первые миллиграммы плутония из урановых блоков реактора Ф-1 в НИИ-9, г. Москва (впоследствии ВНИИНМ).

1948 ГОД

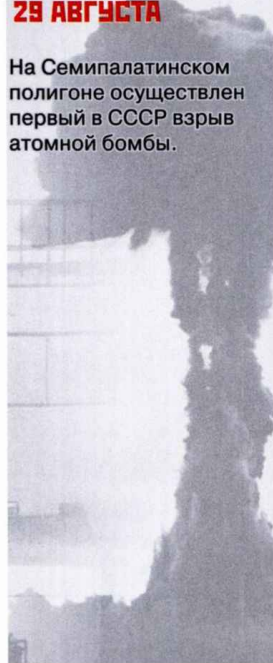
Осуществлен пуск на проектную мощность первого промышленного реактора в г. Челябинске-40 (впоследствии ПО «Маяк»).

1949 ГОД

29 АВГУСТА

На Семипалатинском полигоне осуществлен первый в СССР взрыв атомной бомбы.

Технико-техническое задание
на Атомную бомбу

Атомная бомба разрабатывается в двух вариантах.
В варианте I рабочим веществом является плутоний
варианте II — уран 235
В варианте I период критического состояния
достигается посредством специально сконструированных
составленных блоков обычного
урана

Арбатская площадь, Москва, 30-е годы XX века

Куб
1000
6.10.30
С.В.
постанов
n of 10
Совета
6-11
РДС-1 — пер
Время Варсав
не сплоченного а
тивом. Нагретая
са обманчива. Все
коэффициента
ознае эти Варсав

СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В СССР ПО ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД

1

Принципиальная возможность практического использования ядерной энергии была осознана и начала рассматриваться советскими учеными сразу же после эпохальных открытий в области ядерной физики 1938–1939 годов. В 1939 году вопрос о возможности осуществления ядерной цепной реакции обсуждался в СССР на IV Всесоюзном совещании по атомному ядру, состоявшемся 15–20 ноября 1939 года в Харькове. В докладе по итогам указанного совещания И. М. Франк отметил, что расчеты возможности осуществления цепной реакции «производились целым рядом исследователей, и, в частности, французские исследователи – Жолио, Перрен и другие пришли к выводу, что такая реакция возможна, и, следовательно, мы стоим на грани практического использования внутриатомной энергии» [1, с. 80]. В июне 1940 года В. И. Вернадский и В. Г. Хлопин писали: «Открытие в 1939 году явления деления ядра атома урана под действием нейтронов, сопровождающегося выделением огромных количеств энергии, и особенно тот факт, что процесс этот порождает

возникновение новых нейтронов в количестве, превосходящем то, которое необходимо для того, чтобы его вызвать, впервые поставили вопрос о возможности использования внутриатомной энергии для нужд человечества» [1, с. 113]. В проекте письма на имя заместителя председателя СНК СССР Н. А. Булганина от 12 июля 1940 года В. И. Вернадский, А. Е. Ферман и В. Г. Хлопин отмечали, что на пути технического использования внутриатомной энергии «стоит еще ряд очень больших трудностей и потребуются проведение большой научно-исследовательской работы, однако, как нам кажется, трудности эти не носят принципиального характера. Нетрудно видеть, что если вопрос о техническом использовании внутриатомной энергии будет решен в положительном смысле, то это должно в корне изменить всю прикладную энергетику.

Важность этого вопроса вполне сознается за границей, и по поступающим оттуда сведениям в Соединенных Штатах Америки и Германии лихорадочно ведутся работы, стремящиеся разрешить этот вопрос, и на эти работы ассигнуются большие средства...

Мы полагаем, что уже сейчас назрело время, чтобы правительство, учитывая важность решения вопроса о техническом использовании внутриатомной энергии, приняло ряд мер, которые обеспечили бы Советскому Союзу возможность не отстать в разрешении этого вопроса от зарубежных стран» [1, с. 121].

Мнение ученых, изложенное в цитированном документе, было поддержано Президиумом АН СССР и доведено в сентябре 1940 года до сведения аппарата ЦК ВКП(б), а в начале 1941 года с предложением о необходимости организации работ по использованию атомной энергии в военных целях к народному комиссару обороны СССР С. К. Тимошенко обратился В. А. Маслов [1, с. 141–142, 224–225]. Однако специальных правительственных решений по проблеме использования атомной

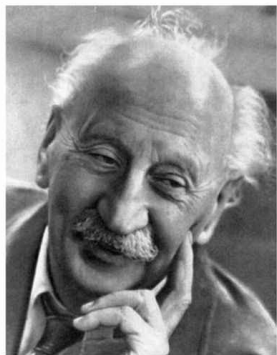
энергии путем осуществления ядерной цепной реакции в 1940–1941 годах в СССР принято не было. Работы в этом направлении координировались решениями Президиума АН СССР и созданной 30 июля 1940 года Президиумом АН СССР Комиссии по проблеме урана под председательством В. Г. Хлопина [1, с. 127–128].

Заслуживает внимания сделанное еще в 1940 году высказывание члена Урановой комиссии А. Ф. Иоффе о наилучшей, по его мнению, кандидатуре для руководства проблемой урана. Отвечая на запрос секретаря Президиума АН СССР П. А. Светлова о состоянии проблемы использования внутриатомной энергии, А. Ф. Иоффе в записке от 24 августа 1940 года отметил, что «возможность технического использования энергии урана нельзя считать исключенной при настоящем состоянии наших знаний» и что «основными специалистами, к которым прежде всего следует обратиться, являются И. В. Курчатов (ЛФТИ) и его сотрудники Флеров и Петржак, Зельдович и Харитон (ЛИХФ)...

Общее руководство всей проблемой в целом следовало бы поручить И. В. Курчатову как лучшему знатоку вопроса, показавшему на строительстве циклотрона выдающиеся организационные способности» [1, с. 135].

Хотя сам А. Ф. Иоффе и большинство других советских ученых не считали перед войной практическое использование атомной энергии возможным в ближайшей перспективе, ряду из них с самого начала было ясно, что речь при положительных результатах работ будет идти не только о мирном, но и о военном, взрывном, использовании деления ядер.

Я. Б. Зельдович и Ю. Б. Харитон в опубликованной в 1940 году статье «Кинетика цепного распада урана» [2] следующим образом описали условия, необходимые для осуществления ядерного взрыва: «Взрывное использование цепного распада требует специальных приспособлений для весьма быстрого и глубокого перехода

А. Ф. Иоффе

И. В. Курчатов

Ю. Б. Харитон

Я. Б. Зельдович

в сверхкритическую область и уменьшения естественной терморегулировки». Они высказали предположение о том, что в результате применения тех или иных мер¹ может оказаться возможным «создание условий цепного распада урана посредством разветвляющихся цепей, при котором сколь угодно слабое облучение нейтронами приведет к мощному развитию цепной реакции и макроскопическим эффектам». Они отметили огромную скорость экспоненциального роста концентрации нейтронов в такой системе при большой надкритичности (увеличение в n раз за время 10^{-7} с) и связанные с этим, по их мнению, трудности: «При столь бурном развитии цепного распада мы не вправе более отвлекаться от рассмотрения создания самих сверхкритических условий, при которых цепной распад только и возможен. Время проведения про-

цессов, осуществляющих переход критических условий, например, время сближения двух урановых масс, каждая из которых в отдельности находится в докритической в отношении цепного распада области, вряд ли удастся сделать хотя бы сравнимым со временем разгона реакции». Я. Б. Зельдович и Ю. Б. Харитон подчеркнули, что «кинетика развития цепного развала является решающей для суждения о тех или иных путях практического, энергетического или взрывного использования распада урана».

Сформулированные Я. Б. Зельдовичем и Ю. Б. Харитоновым условия для осуществления ядерного взрыва – достижение «весьма быстрого и глубокого перехода в сверхкритическую область» – стимулировали поиск практических путей реализации этих условий, несмотря на то, что их собственная оценка возможности эффектив-

¹ Среди этих мер Я. Б. Зельдович и Ю. Б. Харитон назвали обогащение урана изотопом урана-235.

ного решения задачи из-за необходимости преодоления видимых ими при этом больших трудностей, как это следует из текста статьи, была достаточно осторожной.

В октябре 1940 года В. А. Маслов и В. С. Шпинель подали в бюро изобретений Народного комиссариата обороны СССР секретную заявку на изобретение «Об использовании урана в качестве взрывчатого и отравляющего вещества» [1, с. 193–196]. Ссылаясь на статью Я. Б. Зельдовича и Ю. Б. Харитона [2], они писали в заявке, что «проблема создания взрыва в уране сводится к созданию за короткий промежуток времени массы урана в количестве, значительно большем критического.

Осуществить это мы предлагаем путем заполнения ураном сосуда, разделенного непроницаемыми для нейтронов перегородками таким образом, что в каждом отдельном изолированном объеме – секции – сможет поместиться количество урана меньше критического. После заполнения такого сосуда стенки при помощи взрыва удаляются и вследствие этого в наличии оказывается масса урана значительно больше критической. Это приведет к мгновенному возникновению уранового взрыва». В заявке в качестве материала перегородок было предложено применять взрывчатые вещества. По мнению авторов, при этом могли быть созданы условия, предотвращающие разброс урана до возникновения цепной реакции. Несмотря на очевидную несостоятельность предложения В. А. Маслова и В. С. Шпинеля, их заявка представляет интерес как первая в СССР заявка с претензией на изобретение конструкции атомной бомбы. Вероятно поэтому отделом изобретательства Министерства Вооруженных сил 7 декабря 1946 года было принято решение о выдаче по рассматриваемой заявке В. А. Маслова и В. С. Шпинеля авторского свидетельства, несмотря на то, что отзывы на эту заявку, относившиеся еще к 1941 году, были, по существу, отрицательными [1, с. 195–196, 220–221, 228–229].

В заключении Научно-исследовательского химического института Народного комиссариата обороны СССР (НИХИ НКО СССР) на заявку говорилось: «Авторы предлагают взрывать промежутки между урановыми блоками, достигая таким образом быстрого создания сверхкритической массы урана. Однако в статье Харитона и Зельдовича [2], которая цитируется авторами предложения, указывается целый ряд факторов, тормозящих взрыв всей массы, и весьма важных вблизи критических условий (расходование урана, появление новых ядер, задержка в выделении части нейтронов, тепловое расширение и прочее). Существенно, что некоторые тормозящие факторы возникают с такой же скоростью, как и взрыв урана. Поэтому одновременно весь блок не взорвется. Если выделившееся количество тепла не успеет распространиться и приведет к разрушению бомбы на части, то отдельные части уже будут подкритическими и не взорвутся» [1, с. 220–221]. Обращает на себя внимание то, что выраженное в отзыве сомнение в возможности получения ядерного взрыва относилось, скорее, не к конкретной предложенной В. А. Масловым и В. С. Шпинелем конструкции, а имело более общий характер и отражало восприятие авторами отзыва статьи Я. Б. Зельдовича и Ю. Б. Харитона [2].

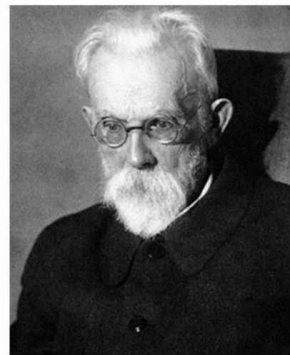
Заключение В. Г. Хлопина от 17 апреля 1941 года на рассматриваемую заявку В. А. Маслова и В. С. Шпинеля также не содержало анализа конкретной конструкции и выражало предвоенную позицию многих советских ученых, о которой уже упоминалось выше. В этом заключении В. Г. Хлопин писал: «Положение с проблемой урана в настоящее время таково, что практическое использование внутриатомной энергии, которая выделяется при процессе деления его атомов под действием нейтронов, является более или менее отдаленной целью, к которой мы должны стремиться, а не вопросом сегодняшнего дня.

...Следует относительно... заявки сказать, что она в настоящее время не имеет под собой реального основания» [1, с. 228]. В то же время В. Г. Хлопин отмечал, что «до настоящего времени нигде в мире еще экспериментально осуществить... цепную реакцию распада урана не удалось; однако, по проникающим к нам сведениям, над этим вопросом усиленно работают в США и Германии. У нас такого рода работы тоже ведутся и их крайне желательно всячески форсировать» [1, с. 228]. Далее в своем заключении В. Г. Хлопин подчеркивал, что даже если бы и удалось осуществить цепную реакцию деления урана, то выделяющуюся при этом весьма большую энергию «целесообразнее было бы использовать для приведения в действие двигателей, например, для самолетов или других целей, нежели взамен взрывчатых веществ. Тем более, что общее количество урана, добываемого во всем мире, очень невелико: порядка 250–275 тонн в год. У нас же в Союзе в настоящий момент добыча его совсем ничтожна: на 1941 год запроектировано получение солей урана всего в количестве около 0,5 тонны» [1, с. 229].

Тревогой за состояние работ по проблеме урана в СССР пронизаны записи в дневнике В. И. Вернадского, относящиеся к 1941 году [1, с. 229–232]. Он резко осудил решение о прекращении работ на Табошарском месторождении урана и предпринял все возможные меры для отмены этого решения. В. И. Вернадский писал, что физики «направляют все усилия на изучение атомного ядра и его теории, и здесь (например, Капица, Ландау) делается много важного – но жизнь требует [развития] руднохимического направления» (записи от 16 мая и 18 июня). 1 июня 1941 года В. И. Вернадский сделал следующую запись: «Сейчас поставлена проблема урана как источника энергии – реальной, технической, которая может перевернуть всю техническую мощь человечества... Но у нас идут споры – физики направляют внима-

В. Г. Хлопин

В. И. Вернадский

ние на теорию ядра, а не на ту прямую задачу, которая стоит перед физикохимиками и геохимиками, – выделение изотопа-235 из урана. Здесь нужно идти теорией, немедленно проверяя [ее] опытом».

К данной В. И. Вернадским характеристике состояния исследований в области ядерной физики в СССР в предвоенный период следует добавить, что советскими физиками в это время были выполнены блестящие экспериментальные работы, позволившие получить результаты фундаментального характера.

В числе наиболее ярких довоенных достижений советских ученых в области ядерной физики, имевших непосредственное отношение к проблеме осуществления ядерной цепной реакции деления взрывного характера, следует назвать открытие К. А. Петржаком и Г. Н. Флеровым спонтанного деления урана, сопровождающегося вылетом нейтронов [3, 4].

Тактико-техническое задание
на Атомную бомбу

Атомная бомба разрабатывается в двух вариантах.
В варианте I рабочим веществом является плутоний
В варианте II — уран 235
2. В варианте I переход через критическое состояние
осуществляется посредством взрыва специально сконструированного
составленного из блоков обычного урана

Немецкие танки на территории СССР, 1941 год

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ОТНОШЕНИЕ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ К ВОЗМОЖНОСТИ СОЗДАНИЯ АТОМНОЙ БОМБЫ

2

Нападение 22 июня 1941 года фашистской Германии на Советский Союз прервало проводившиеся в СССР ядерные исследования, в том числе исследования возможности осуществления цепной реакции деления, в то время как в Великобритании и США работы по этой проблеме энергично продолжались.

Однако руководство СССР понимало важность продолжения научных исследований, отвечавших интересам обороны страны, и скорейшего внедрения их результатов. Созданный 30 июня 1941 года чрезвычайный партийно-государственный орган – Государственный Комитет Обороны (ГКО), сосредоточивший в своих руках всю полноту власти на период войны, уже 6 июля 1941 года принял Постановление № 34сс о назначении председателя Комитета по делам высшей школы при Совете народных комиссаров (СНК) СССР С. В. Кафтанова уполномоченным ГКО по вопросам координации и усиления научной работы в области химии для нужд обороны [5, л. 176]. Постановлением ГКО от 10 июля 1941 года № 88сс на С. В. Кафтанова была возложена обязанность подготов-

П. Л. Капица

С. В. Кафтанов

ки и внесения на утверждение ГКО предложений о внедрении в производство и на вооружение новых научных и технических достижений и изобретений в области взрывчатых веществ, других химических средств обороны и средств химической защиты. При уполномоченном ГКО С. В. Кафтанове указанным постановлением был организован Научно-технический совет из крупнейших ученых и специалистов, в состав которого вошли, в частности, А. Н. Бах, Н. Д. Зелинский, П. Л. Капица, С. С. Наметкин, А. П. Фрумкин.

В задачи Совета входило выдвижение и организация разработки новых тем, имеющих актуальное значение в деле обороны страны [6, л. 52–55]. Вскоре при С. В. Кафтанове была организована физическая комиссия, которую возглавил П. Л. Капица. В письме О. Ю. Шмидту от 4 сентября 1941 года П. Л. Капица писал: «Мы делаем все возможное, чтобы помочь обороне страны... При уполномоченном по науке Комитета обороны есть физическая комиссия под моим

председательством, в состав которой входят академики Вавилов, Семенов, Соболев, члены-корреспонденты Алиханов, Христианович, проф. Хайкин... Задача комиссии: начать организовывать оборонную работу по физике» [1, с. 237–238].

П. Л. Капица был, вероятно, первым из советских ученых, который счел необходимым публично предупредить об опасности, с которой связана возможность создания атомного оружия. Выступая на митинге, состоявшемся 12 октября 1941 года в Москве в Колонном зале Дома союзов по инициативе Антифашистского комитета советских ученых, П. Л. Капица заявил: «Одним из важных средств современной войны являются взрывчатые вещества. Наука указывает принципиальную возможность увеличить взрывную силу в 1,5–2 раза. Но последнее время дает нам еще новые возможности использования внутриатомной энергии, об использовании которой писалось раньше только в фантастических романах... Теоретические подсчеты показывают, что если современная мощная бомба может, например, уничтожить целый квартал, то атомная бомба даже небольшого размера, если она осуществима, с легкостью могла бы уничтожить крупный столичный город с несколькими миллионами населения... Мое личное мнение, что технические трудности, стоящие на пути использования внутриатомной энергии, еще очень велики. Пока это дело еще сомнительное, но очень вероятно, что здесь имеются большие возможности. Мы ставим вопрос об использовании атомных бомб, которые обладают огромной разрушительной силой.

Сказанного мне кажется достаточно, чтобы видеть, что работа ученых может быть использована в целях оказания возможно более эффективной помощи в деле обороны нашей страны. Будущая война станет еще более нетерпимой. Поэтому ученые должны сейчас предупредить людей об этой опасности, чтобы все обще-

ственные деятели мира напрягли все свои силы, чтобы уничтожить возможность дальнейшей войны, войны будущего ...» [1, с. 245–246; 7, с. 64].

К 1941–1942 годам относятся и важные инициативы Г. Н. Флерова, которым уже посвящены многочисленные публикации (см., в частности, [8]) и о которых в настоящее время мы можем судить более точно и детально, после того как в архиве Президента Российской Федерации были обнаружены машинописные версии черновиков его писем И. В. Курчатову (с комментариями Г. Н. Флерова), С. В. Кафтанову, И. В. Сталину и секретарю И. В. Сталина, которые И. В. Курчатов 1 февраля 1946 года по просьбе Г. Н. Флерова направил в Специальный комитет (о Специальном комитете см. в разделе 10). Указанные версии черновиков писем Г. Н. Флерова опубликованы в [9, с. 415–427]. Направленные в Специальный комитет тексты были отпечатаны с рукописей, подготовленных Г. Н. Флеровым, вероятно, в январе 1946 года, по сохранившимся у него черновым наброскам и записям, относящимся к 1941–1942 годам. Подчеркнем, что оригиналы ни одного из четырех писем, о которых идет речь, не найдены².

В конце 1941 года Г. Н. Флеров, служа в г. Йошкар-Оле, где он закончил курсы при Военно-воздушной академии, эвакуированной в г. Йошкар-Олу, добился у командования командировки в г. Казань, где находился

в это время Ленинградский физико-технический институт, и выступил с докладом на семинаре этого института. В своем докладе Г. Н. Флеров изложил состояние проблемы использования атомной энергии и предложил начать работу по атомным бомбам. Предложение Г. Н. Флерова, по его словам, принято не было [9, с. 427]. После семинара Г. Н. Флеров написал письмо И. В. Курчатову, который на семинаре не присутствовал. В рассматриваемом письме он отметил, что «мне и нам всем необходимо продолжать работу над ураном, так как, по моему мнению, в этом вопросе проявлена непонятная недалекость». Он подчеркнул, что у него «есть глубокая убежденность, что рано или поздно, а ураном нам придется заниматься». Г. Н. Флеров высказал мысль, что «продолжение работы должно иметь своей целью не только своевременное включение нас в решение задачи в случае положительных результатов, но вместе с тем позволит определить, насколько опасна для нас самих возможность того, что у противников будет сделана такая (атомная. – *Примеч. авт.*) бомба».

В письме И. В. Курчатову Г. Н. Флеров привел предложенную им схему атомной бомбы (схема воспроизведена Г. Н. Флеровым на машинописной копии черновика текста письма, хранящейся в архиве Президента Российской Федерации). Бомба представляла собой железный ствол длиной 5–10 метров, в который для осу-

² Как отмечено в разделе 3 (см. также [10, 11]), одно из писем Г. Н. Флерова, вероятно, письмо на имя С. В. Кафтанова, поступило в ГКО, было передано С. В. Кафтанову и явилось, по его воспоминаниям, одним из существенных моментов, стимулировавших обращение С. В. Кафтанова вместе с А. Ф. Иоффе в ГКО с предложением о возобновлении работ по проблеме атомной энергии. Что касается писем Г. Н. Флерова на имя И. В. Сталина и секретаря И. В. Сталина, имеются основания считать, что работа Г. Н. Флерова над ними не была завершена и они отправлены адресатам не были [10, 11].

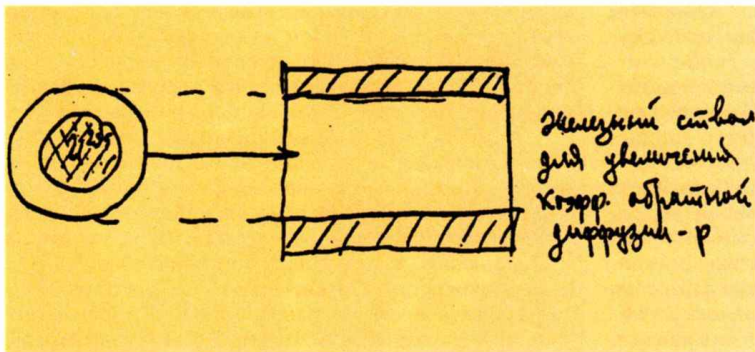

Схема атомной бомбы Г. Н. Флерова

Г. Н. Флеров и К. А. Петржак в лаборатории

щественности ядерного взрыва должна была быть с большой скоростью вдвинута находящаяся первоначально в подкритическом состоянии сферическая сборка из урана-235, окруженного оболочкой.

Г. Н. Флеров писал: «Для того, чтобы реакция началась, необходимо, чтобы урановая бомба была бы быстро вдвинута в ствол; коэффициент p (по определению Г. Н. Флерова, коэффициент, определяемый обратным отражением нейтронов в уран) увеличится, и при первом же шальном нейтроне (космическом или земном), попавшем в уран, начнет развиваться лавина, в результате чего бомба взорвется. По ряду соображений необходимо, чтобы в момент попадания первого «шального» космического нейтрона q (коэффициент, характеризующий надкритичность. – *Примеч. авт.*) достаточно отличался бы от единицы: $q \sim 1,05$. Большие значения этим методом трудно получить, меньшие же нежелательны по ряду соображений...». Перечисляя эти соображения, Г. Н. Флеров отметил, что «при малых значениях q реак-

ция будет развиваться слишком медленно, за это время оболочка разорвется на части и разлетится вместе с остатками неиспользованного урана...». Г. Н. Флеров отметил также, что при малом значении $q = 1,01$ достаточно весьма небольшого увеличения радиуса сферы вследствие выделения тепла и повышения давления, чтобы q стал меньше единицы и цепь оборвалась.

В предложенной Г. Н. Флеровым конструкции бомбы разгоняемая сборка была способна пролететь сквозь ствол, если за время нахождения сборки в стволе нейтроны спонтанного деления или космического происхождения не успеют возбудить в ней цепную реакцию. Однако особое беспокойство Г. Н. Флерова, наоборот, вызвала возможность преждевременного возникновения цепной реакции, когда влетающая в ствол сборка уже перешла через критическое состояние ($q > 1$), но еще не достигла максимальной надкритичности. Поэтому конструкция бомбы предполагала наличие специальной установки для разгона сборки до достаточно большой скорости –

50–3000 м/с. Нижняя оценка скорости соответствовала случаю, если определяющим будет фон нейтронов космического происхождения, верхняя – случаю, если основной вклад внесут нейтроны спонтанного деления, причем неизвестная в то время в СССР интенсивность рождения нейтронов за счет спонтанного деления урана-235 окажется равной интенсивности рождения нейтронов за счет спонтанного деления урана-238. (Открыв в 1940 году спонтанное деление урана естественного изотопного состава, К. А. Петржак и Г. Н. Флеров из-за отсутствия разделенных изотопов урана-235 и урана-238 не могли сделать заключения о характеристиках спонтанного деления урана-235.) Ссылаясь на полученную им верхнюю оценку необходимой скорости разгона сборки 3000 м/с и отмечая трудность ее достижения, Г. Н. Флеров писал: «Из этой оценки видно, насколько существенно было бы определить, вылетают ли из U-235 спонтанные нейтроны или нет. В случае вылета спонтанных нейтронов вообще ставится под сомнение, сможем ли мы когда-нибудь использовать U-235 для ядерных бомб?!!»

Сейчас специалистам-физикам ясно, что, хотя вероятность спонтанного деления урана-235 и оказалась более чем на порядок меньше вероятности спонтанного деления урана-238, возможность получения в предложением Г. Н. Флеровым устройстве ядерного взрыва со значительным энерговыделением (прежде всего из-за относительно малой, практически достижимой надкритичности) проблематична. Вероятно, это осознал и сам Г. Н. Флеров, который в дальнейшем в качестве воз-

Г. Н. Флеров

К. А. Петржак

можной схемы атомной бомбы стал рассматривать уже схему типа «пушечного сближения», в которой активный материал разделен на две части, сближаемые взрывом взрывчатого вещества³.

В записке на имя народного комиссара химической промышленности М. Г. Первухина от 7 марта 1943 года, содержащей отзыв на очередной, поступивший из Англии, разведывательный материал, относящийся к проблеме использования атомной энергии (а такие материалы начали поступать в СССР, о чем более подробно сказано ниже, с сентября 1941 года), И. В. Курчатов писал, что получение этого материала «имеет громадное,

³ Напомним, что такой принцип атомной бомбы обсуждался ранее Я. Б. Зельдовичем и Ю. Б. Харитоном [2]; по сравнению со схемой Г. Н. Флерова 1941 года схема «пушечного сближения» позволяет получать заметно большую надкритичность, и в результате при ее использовании возможно достижение большого энерговыделения.

неоценимое значение для нашего государства и науки. С одной стороны, материал показал серьезность и напряженность научно-исследовательской работы в Англии по проблеме урана, с другой – дал возможность получить весьма важные ориентиры для нашего научного исследования, миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения... Вся совокупность сведений материала указывает на техническую возможность решения всей проблемы урана в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые, не знакомые с ходом работ по этой проблеме за границей». Касаясь в этом отзыве содержания раздела III материала «Физика процесса деления», И. В. Курчатов отметил, что «по этому разделу особенно новых для советских физиков сведений принципиального характера материал не содержит, но на некоторых из приведенных в нем данных все же необходимо остановиться». И. В. Курчатов прежде всего подчеркнул, что «для нас было очень важно узнать, что Фриш подтвердил открытие советскими физиками Г. Н. Флеровым и К. А. Петражом явление самопроизвольного деления урана, явление, которое может создавать в массе урана начальные нейтроны, приводящие к развитию лавинного процесса. Из-за наличия этого явления невозможно, вплоть до самого момента взрыва, держать в одном месте весь бомбовый заряд урана. Уран должен быть разделен на две части, которые в момент взрыва должны с большой относительной скоростью быть сближены друг с другом. Этот способ приведения урановой бомбы в действие рассматривается в материале и для советских физиков также не является новым. Аналогичный прием был предложен нашим физиком Г. Н. Флеровым; им была рассчитана необходимая скорость сближения обеих половин бомбы, причем полученные результаты хорошо согласуются с приведенными в материале...» [12, с. 114–115].

Ссылаясь на предложение Г. Н. Флерова, И. В. Курчатов, скорее всего, имел в виду рукопись статьи Г. Н. Флерова «К вопросу об использовании внутриатомной энергии», копия которой была найдена в личном архиве И. Н. Головина [13] (см. также [1, с. 253–258]). В этой рукописи, написанной в период между 7 марта и 6 июня 1942 года [10], Г. Н. Флеров привел принципиальную схему предложенного им варианта атомной бомбы типа «пушечного сближения».

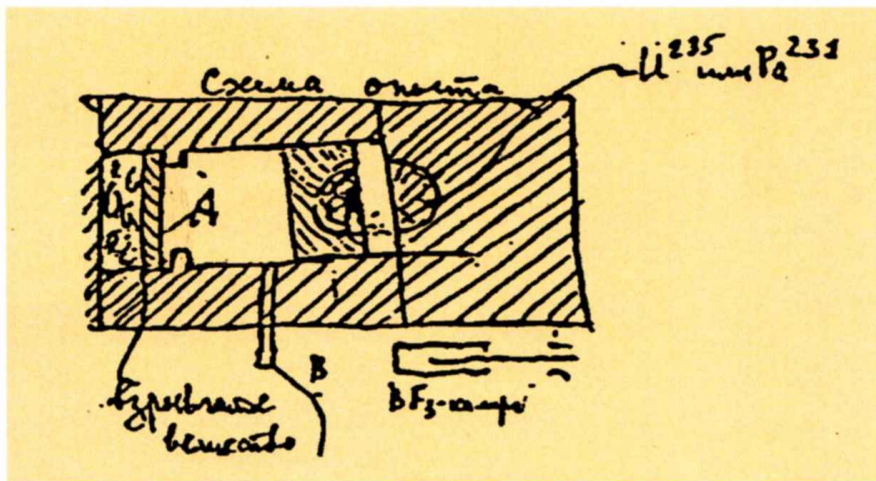
Он дал и оценки времени, в течение которого должно было достигаться необходимое для обеспечения достаточно большого энерговыделения бомбы значение надкритичности. Относящаяся к случаю использования урана-235 оценка (Г. Н. Флеров рассматривал также использование протактиния-231) неизбежно носила приближенный характер, так как Г. Н. Флеров, как уже отмечалось, не располагал данными о характеристиках эмиссии нейтронов при спонтанном делении урана-235. Отметим в этой связи, что в отзыве на полученный по каналам разведки перечень 286 американских работ по проблеме урана от 4 июля 1943 года И. В. Курчатов писал: «Было бы, наконец, очень интересно узнать, какие результаты получены Кэннеди и Сегре по вопросу об изотопе урана, испытывающем самопроизвольное деление, и константе распада...»

Явление самопроизвольного деления урана было в 1940 году открыто у нас в Союзе, в моей лаборатории, тт. Флеровым и Петражом. Работа была напечатана, но, к нашему удивлению, не получила никакого отклика за границей. Так как произведенное исследование было связано с использованием весьма сложной методики, у нас оставалась некоторая неуверенность в реальности открытого явления.

При ознакомлении с английским материалом выяснилось, что самопроизвольное деление наблюдалось

М. Г. Первухин

Предложенная Г. Н. Флеровым схема атомной бомбы типа «пушечного сближения»

в Англии известным датским ученым Фришем, учеником Бора, который, однако, так же, как Флеров и Петржак, не смог из-за отсутствия разделенных изотопов установить, какому же изотопу урана следует приписать самопроизвольное деление. Кэннеди и Сегре, как видно из оглавления, решили эту задачу.

Лаборатория № 2 сможет выполнить соответствующее исследование, как только будут получены разделенные изотопы, даже в небольших количествах. Знание деталей явления самопроизвольного деления существенно для оценки, необходимой для обеспечения достаточной силы взрыва бомбы скорости сближения масс урана» [1, с. 356].

Конный патруль на Манежной площади, Москва, 1941 год

РЕШЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР О ВОЗБНОВЛЕНИИ РАБОТ ПО ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ

Цитированные отзывы И. В. Курчатова относятся ко времени, когда Правительство СССР уже приняло решение о возобновлении прерванных войной исследований возможности освобождения и использования атомной энергии. Этим решением явилось утвержденное И. В. Сталиным 28 сентября 1942 года распоряжение Государственного Комитета Обороны № 2352сс «Об организации работ по урану» [1, с. 269–271].

Оно было принято всего лишь через полтора месяца после старта Манхэттенского проекта США. Распоряжение ГКО предписывало: «Обязать Академию наук СССР (акад. Иоффе) возобновить работы по исследованию осуществимости использования атомной энергии путем расщепления ядра урана и представить Государственному Комитету Обороны к 1 апреля 1943 года доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива». Распоряжение предусматривало организацию с этой целью при Академии наук СССР специальной лаборатории атомного ядра, создание лабораторных установок

Товарищу ВАННИКОВУ

Тактико-техническое
на Атомную бомбу

разрабатывается в двух вариантах

рабочим веществом является плутоний

№ 1 — уран 235

№ 2 — переход через критическое сечение

посредством взрыва специальной

для разделения изотопов урана и проведение комплекса экспериментальных работ. Распоряжение обязывало СНК Татарской АССР предоставить Академии наук СССР в г. Казани помещение площадью 500 м² для размещения лаборатории атомного ядра и жилую площадь для 10 научных сотрудников.

Представляют большой интерес обстоятельства, при которых в тяжелейший период Отечественной войны произошло принятие этого исторического распоряжения.

Как указано в письме-представлении на утверждение И. В. Сталину проекта распоряжения ГКО «Об организации работ по урану», подписанном 27 сентября 1942 года заместителем председателя ГКО и СНК СССР В. М. Молотовым, этот проект был подготовлен Академией наук СССР (А. Ф. Иоффе) и Комитетом по делам высшей школы при СНК СССР (С. В. Кафтановым) [1, с. 268–269]. Известные документальные свидетельства военного времени не позволяют пока еще в деталях воссоздать картину событий, которые сопровождали подготовку и принятие этого постановления ГКО. В этих условиях очень важны воспоминания участников указанных событий, хотя при использовании воспоминаний необходимо считаться с неизбежными неточностями, связанными с несовершенством человеческой памяти. Особый интерес представляют воспоминания С. В. Кафтanova (однако и к этим воспоминаниям относится сделанное выше замечание, так что и при их анализе необходимо выделять сведения, не противоречащие данным документальных источников). Рассказывая спустя много лет о событиях, которые привели к принятию распоряжения ГКО о возобновлении в СССР исследований по проблеме использования атомной энергии, С. В. Кафтанов вспоминал: «Осень сорок второго года я получил из Государственного Комитета Оборонных работ письмо, направленное в ГКО лейтенантом Г. Н. Флеровым. Он служил в авиации. А до войны работал в Физ-

техе. Успел сделать открытие мирового класса. Вместе с Петржаком открыл спонтанное деление ядер урана. В своем письме Флеров сообщал о внезапном прекращении публикаций по ядерным исследованиям в западной научной печати. По мнению Флерова, это означало, что исследования стали секретными и что, следовательно, на западе приступили к разработке атомного оружия. Значит, нужно немедленно браться за разработку атомного оружия у нас» [14, с. 6]. Возвращаясь далее в своих воспоминаниях к письму Г. Н. Флерова, С. В. Кафтанов сказал: «Осень сорок второго. Немцы дошли до Волги, до Кавказа. Идет напряженнейшая работа по самым актуальным для того времени темам: танковая броня, взрывчатые вещества, горючее для танков и авиации... И люди, и сырье, и материалы – все мобилизовано до предела. И тут поступает предложение развернуть работу в совсем другой, новой, почти фантастической области» [14, с. 7].

С. В. Кафтанов подчеркнул, что лично для него предложение Г. Н. Флерова чистой фантастикой не звучало – не только в силу профессиональной подготовленности и служебной информированности С. В. Кафтanova, но и по двум другим причинам. Первая причина – найденные партизанами на оккупированной немцами территории записи убитого немецкого офицера по проблеме использования атомной энергии, которые в апреле 1942 года были переданы в аппарат С. В. Кафтanova. О второй причине С. В. Кафтанов высказался так: «В те же примерно времена, когда мы занимались записями немецкого офицера и письмом Флерова, Гитлер принялся кричать о подготовке немцами “сверхоружия”. А что если это не пропаганда? Что если этот изверг имел в виду именно атомное оружие?»

Я стал советоваться с физиками. Наиболее весомым для меня было мнение Абрама Федоровича Иоффе. Абрам Федорович считал, что принципиальная воз-

возможность цепной ядерной реакции, проще – атомного взрыва, доказана. Весь накопленный в ходе войны опыт убеждал меня: сроки реализации научно-технических идей в чрезвычайной обстановке резко сокращаются. То, на что до войны понадобилось бы 15–20 лет, теперь можно сделать в несколько раз быстрее.

Я попросил Иоффе подписать вместе со мной первое краткое письмо в Государственный Комитет Обороны о необходимости создать научный центр по проблеме атомного оружия. Он согласился. Письмо пошло за двумя подписями» [14, с. 8].

Как можно заключить из рассказа С. В. Кафтанова, после получения заключений на это письмо различных ведомств, не все из которых были согласны с предложением, ГКО поручил С. В. Кафтанову и А. Ф. Иоффе подготовить проект распоряжения ГКО, которое и было утверждено И. В. Сталиным 28 сентября 1942 года. С. В. Кафтановым и А. Ф. Иоффе был подготовлен и проект постановления ГКО «О добыче урана», который был принят 27 ноября 1942 года (Постановление ГКО № 2542сс) [1, с. 275–276].

Характеристика обстоятельств, при которых 28 сентября 1942 года было принято распоряжение ГКО о возобновлении работ по урану, не была бы полной, если не отметить следующее важное обстоятельство.

Уже с сентября 1941 года в СССР начала поступать разведывательная информация о проведении в Великобритании совместно с США в секретном порядке интенсивных научно-исследовательских работ, направленных на разработку методов использования атомной энергии для военных целей и создание атомных бомб огромной разрушительной силы. Среди наиболее важных, полученных еще в 1941 году советской разведкой документов, следует назвать отчет английского Комитета М. А. U. D. Из материалов этого отчета, полученного по каналам НКВД СССР, следовало, что создание атомной

бомбы реально, что, вероятно, она может быть создана еще до окончания войны и, следовательно, повлиять на ход войны [15, с. 706–763; 16, с. 79–80].

Официальное письмо Л. П. Берия на имя И. В. Сталина с информацией о работах по использованию атомной энергии в военных целях за рубежом, предложениями по организации этих работ в СССР и секретном ознакомлении с материалами НКВД видных советских специалистов, варианты которого были подготовлены сотрудниками НКВД еще в конце 1941 – начале 1942 года, было отправлено И. В. Сталину только в октябре 1942 года, уже после принятия распоряжения ГКО о возобновлении в СССР работ по урану [1, с. 244–245, 271–272; 12, с. 99, 104–105, 109–111].

В то же время разведывательная информация о работах по проблеме атомной энергии за рубежом, имевшаяся в СССР к моменту принятия решения о возобновлении работ по урану, была получена не только по каналам разведки НКВД, но и по каналам Главного разведывательного управления Генерального штаба (ГРУ ГШ) Красной армии.

По понятным причинам С. В. Кафтанов не упомянул в своем рассказе о роли в описанных им событиях важнейшего источника информации – материалов ГРУ ГШ Красной армии, которые в августе и в начале сентября 1942 года были направлены в его адрес [1, с. 266].

Еще ранее, в мае 1942 года, руководство ГРУ ГШ информировало Академию наук СССР о наличии сообщений о работах за рубежом по проблеме использования атомной энергии в военных целях и просило сообщить, имеет ли в настоящее время эта проблема реальную практическую основу [1, с. 262–263].

Ответ на указанный запрос в июне 1942 года дал В. Г. Хлопин, который отметил, что за последний год в научной литературе почти совершенно не публикуются работы, связанные с решением проблемы использо-

ния атомной энергии. В. Г. Хлопин писал: «Это обстоятельство единственно, как мне кажется, дает основание думать, что соответствующим работам придается значение и они проводятся в секретном порядке.

Что касается институтов АН СССР, то проводившиеся в них работы по этому вопросу временно свернуты как по условиям эвакуации этих институтов из Ленинграда, где остались основные установки (циклотрон РИАН), так и потому, что, по нашему мнению, возможность использования внутриатомной энергии для военных целей в ближайшее время (в течение настоящей войны) весьма мало вероятна» [1, с. 265–266].

На фоне сдержанной оценки перспектив использования атомной энергии в письме В. Г. Хлопина еще более убедительным выглядит огромное значение действий С. В. Кафтанова, непосредственно приведших к правительственному решению о возобновлении работ по проблеме атомной энергии в СССР. Конечно, отмечая роль С. В. Кафтанова, следует иметь в виду, что определяющим обстоятельством, обусловившим принятие правительством СССР этого решения, являлась, вне всякого сомнения, разведывательная информация о работах по проблеме атомной энергии за рубежом. Эта информация, скорее всего, являлась главным мотивом, определившим и действия самого С. В. Кафтанова.

Тем не менее, согласно свидетельству С. В. Кафтанова, письмо Г. Н. Флерова явилось одним из существенных факторов, способствовавших обращению С. В. Кафтанова вместе с А. Ф. Иоффе с письмом в ГКО.

Какое письмо Г. Н. Флерова имел в виду С. В. Кафтанов? Наиболее вероятно, что письмо Г. Н. Флерова на имя С. В. Кафтанова, написанное, судя по его содержанию и примечанию Г. Н. Флерова, в декабре 1941 года, но отправленное адресату не ранее 17 марта 1942 года [9, с. 422–424, 427; 8, с. 45, 50]. Именно в этом письме Г. Н. Флеров подчеркнул исчезновение публикаций в за-

рубежных журналах по проблеме урана. Но, в отличие от В. Г. Хлопина, Г. Н. Флеров сослался на этот факт как на подтверждение необходимости возобновления исследований в этом направлении в СССР: «Ну, и основное – это то, что во всех иностранных журналах – полное отсутствие каких-либо работ по этому вопросу. Это молчание не есть результат отсутствия работы: не печатаются даже статьи, которые являются логическим развитием ранее напечатанных, нет обещанных статей, словом, на этот вопрос наложена печать молчания, и это-то является наилучшим показателем того, какая кипучая работа идет сейчас за границей.

Нам в Советском Союзе работу нужно возобновить; пусть вероятность решения задачи в ближайшее время крайне мала, но ничегонеделание наверняка не может привести к успеху, в то время как в процессе самой работы выясняется ряд новых дополнительных данных, могущих приблизить нас к решению вопроса» [9, с. 423].

Письмо Г. Н. Флерова С. В. Кафтанову завершалось примечательными словами: «История делается сейчас на полях сражений, но не нужно забывать, что наука, толкающая технику, вооружается в научно-исследовательских лабораториях, нужно все время помнить, что государство, первое осуществившее ядерную бомбу, сможет диктовать всему миру свои условия. И сейчас единственное, чем мы можем искупить свою ошибку (полугодовое безделье), – это возобновление работ и проведение их в еще более широком масштабе, чем это было до войны» [9, с. 424].

Утвержденное 28 сентября 1942 года распоряжение ГКО возлагало ответственность за возобновление работ по проблеме использования атомной энергии на А. Ф. Иоффе. Но, по-видимому, сразу же после принятия указанного распоряжения ГКО А. Ф. Иоффе стал последовательно проводить в жизнь свое предложение, сделанное им еще в августе 1940 года [1, с. 135],

о том, чтобы руководителем всей урановой проблемы был назначен И. В. Курчатов (см. в этой связи [1, с. 280–283, 297–299]).

По указанию В. М. Молотова И. В. Курчатов в октябре-ноябре 1942 года был ознакомлен с материалами разведок НКВД и ГРУ ГШ о зарубежных ядерных исследованиях, в том числе с докладом Комитета М.А.У.Д. По результатам анализа материалов И. В. Курчатов обратил с докладной запиской на имя В. М. Молотова. В «Заключении» этой записки И. В. Курчатов писал:

«1. В исследованиях проблемы урана советская наука значительно отстала от науки Англии и Америки и располагает в данное время несравненно меньшей материальной базой для производства экспериментальных работ.

2. В СССР проблема урана разрабатывается менее интенсивно, а в Англии и в Америке – более интенсивно, чем в довоенное время.

3. Масштаб проведенных Англией и Америкой в 1941 году работ больше намеченного постановлением ГКО Союза ССР на 1943 год.

4. Имеющиеся в распоряжении материалы недостаточны, для того чтобы можно было считать практически осуществимой или неосуществимой задачу производства урановых бомб, хотя почти и не остается сомнений, что совершенно определенный вывод в этом направлении сделан за рубежом.

5. Ввиду того, однако, что получение определенных сведений об этом выводе связано с громадными, а может быть, и непреодолимыми затруднениями; и ввиду того, что возможность введения в войну такого страшного оружия, как урановая бомба, не исключена, представляется необходимым широко развернуть в СССР работы по проблеме урана и привлечь к ее решению наиболее квалифицированные научные и научно-технические силы Советского Союза. Помимо тех ученых, ко-

торые сейчас уже занимаются ураном, представлялось бы желательным участие в работе:

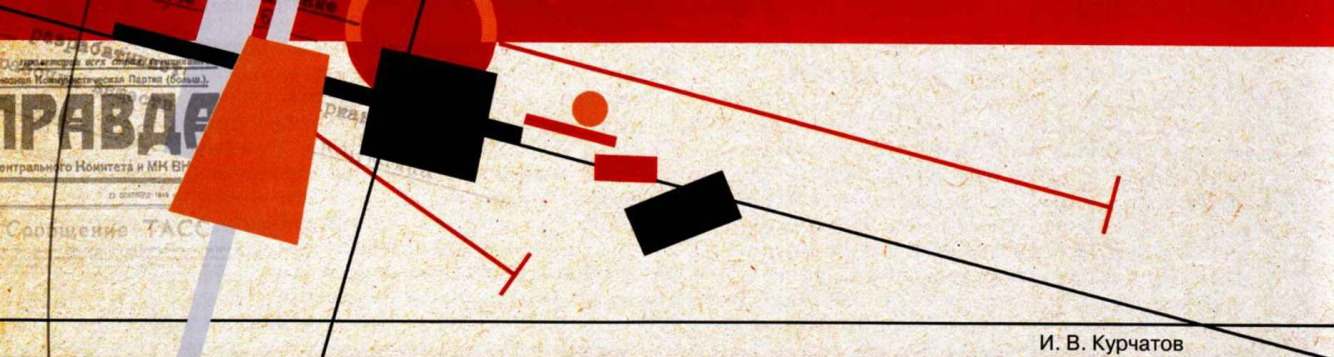
проф. Алиханова А. И. и его группы,
проф. Харитона Ю. Б. и Зельдовича,
проф. Кикоина И. К.,
проф. Александрова А. П. и его группы,
проф. Шальникова А. И.

6. Для руководства этой сложной и громадной трудности задачей представляется необходимым учредить при ГКО Союза ССР под Вашим председательством специальный комитет, представителями науки в котором могли бы быть акад. Иоффе А. Ф., акад. Капица П. Л. и акад. Семенов Н. Н.

Проф. И. Курчатов
27.11.42» [1, с. 279].

На докладной записке имеется резолюция В. М. Молотова: «Т. Сталину. Прошу ознакомиться с запиской И. В. Курчатова. В. Молотов. 28.11» [1, с. 279].

Следует отметить, что предложение «проработать» вопрос о создании научно-совещательного органа при Государственном Комитете Оборона СССР из авторитетных лиц для координирования, изучения и направления работ всех ученых, научно-исследовательских организаций СССР, занимающихся вопросом атомной энергии урана», содержалось в письме на имя И. В. Сталина, направленном ему Л. П. Берия 6 октября 1942 года (и в проектах этого письма, подготовленных сотрудниками НКВД СССР в конце 1941 – начале 1942 года) [1, с. 271–272].

ПРАВДА
Сообщение ТАСС

И. В. Курчатов

НАЗНАЧЕНИЕ И. В. КУРЧАТОВА НАУЧНЫМ РУКОВОДИТЕЛЕМ РАБОТ ПО УРАНУ. ОРГАНИЗАЦИЯ ЛАБОРАТОРИИ № 2 АКАДЕМИИ НАУК СССР

4

Цитированная выше записка отражает глубокое беспокойство И. В. Курчатова состоянием работ по проблеме урана в СССР, сложившимся на конец 1942 года, и уровнем развития этих работ, запланированным на 1943 год. Увеличение масштабов и повышение эффективности этих работ требовало принятия новых организационных мер. С конкретными предложениями о таких мерах в письмах на имя С. В. Кафтанова и А. Ф. Иоффе в декабре 1942 года и январе 1943 года выступили А. И. Алиханов и В. Г. Хлопин [1, с. 285–286, 293–297].

Проанализировав первые итоги организации и работы специальной лаборатории атомного ядра, С. В. Кафтанов и А. Ф. Иоффе 23 января 1943 года обратились к В. М. Молотову с запиской, в которой представили отчет о проделанных работах и изложили предложения по улучшению организации работ [1, с. 297–299]. Эти предложения включали создание базы специальной лаборатории атомного ядра в Москве, перенос в Москву основной части исследований и возложение на И. В. Курчатова руководства всей проблемой урана. В выборе И. В. Курчатова ру-

ководителем работ по урану, что уже давно предлагалось А. И. Иоффе, несомненно сыграли роль видимые всеми неумемное, заразительное стремление И. В. Курчатова к активной работе, сохранившийся в нем и в зрелые годы задор молодости, умение подбирать и объединять людей для решения конкретных научных и научно-технических вопросов, предельная ясность мышления, способность глубоко анализировать возникающие проблемы и научно-техническую информацию. Стремясь к максимальной четкости в постановке научных задач и выборе методов их решения, он требовал такой же четкости от всех других участников работ [17, с. 279–280].

Записка С. В. Кафтанова и А. Ф. Иоффе, к которой был приложен проект нового распоряжения ГКО, завершалась словами: «В целях усиления и дальнейшего развития работ по урану просим рассмотреть и принять предлагаемый при этом проект распоряжения Государственного Комитета Обороны» [1, с. 299]. К моменту представления проекта распоряжения ГКО на утверждение были подготовлены еще две записки на имя В. М. Молотова (С. В. Кафтанова и секретариата СНК СССР), в которых разъяснялись и обосновывались предлагаемые меры [1, с. 307–309].

11 февраля 1943 года проект распоряжения ГКО после внесения в него ряда поправок был подписан В. М. Молотовым [1, с. 306–308].

В принятом распоряжении ГКО № 2872сс, в частности, говорилось:

«В целях более успешного развития работы по урану:

1. Возложить на тт. Первухина М. Г. и Кафтанова С. В. обязанность повседневного руководить работами по урану и оказывать систематическую помощь спецлаборатории атомного ядра Академии наук СССР.

Научное руководство работами по урану возложить на профессора Курчатова И. В.

2. Разрешить президиуму Академии наук перевести группу работников спецлаборатории атомного ядра из

Казани в Москву для выполнения наиболее ответственной части работ по урану.

[...]

11. Обязать руководителя спецлаборатории атомного ядра проф. Курчатова И. В. провести к 1 июля 1943 года необходимые исследования и представить Государственному Комитету Обороны к 5 июля 1943 года доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива» [1, с. 306–307].

Отметим осторожную формулировку задачи в тексте распоряжения ГКО от 11 февраля 1943 года (так же, как и в тексте распоряжения ГКО от 28 сентября 1942 года) – представление доклада о возможности создания «урановой бомбы или уранового топлива», что, по-видимому, отражало отсутствие полной уверенности в этот период в том, что создание атомной бомбы возможно. Вскоре на основании распоряжения ГКО от 11 февраля 1943 года руководство Академии наук СССР приняло решение о создании в Москве для проведения предусмотренных указанным распоряжением ГКО работ по урану специальной лаборатории Академии наук СССР. Распоряжение по АН СССР № 121 об организации лаборатории гласило: «В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны организовать Лабораторию № 2 АН СССР». Оно было подписано вице-президентом АН СССР А. А. Байковым и секретарем Президиума АН СССР Н. Н. Бруевичем 12 апреля 1943 года. Еще ранее, 10 марта 1943 года, ими же было подписано распоряжение по АН СССР № 122 о назначении начальником Лаборатории № 2 И. В. Курчатова [1, с. 321].

По свидетельству И. В. Курчатова, зафиксированному в его отчетах о работе по проблеме урана (например, в отчете от 30 июля 1943 года, направленном на имя В. М. Молотова), Лаборатория № 2 начала свою деятельность в марте 1943 года, хотя процесс организационного оформления Лаборатории № 2 как самостоятельного

научного учреждения – будущей Лаборатории измерительных приборов Академии наук СССР (ЛИПАН), затем Института атомной энергии им. И. В. Курчатова, в настоящее время Российского научного центра «Курчатовский институт» – фактически растянулся на несколько месяцев 1943 года и даже затронул начало 1944 года [1, с. 321, 368–373, 382–383].

Возникает вопрос, с чем связано первоначальное название Курчатовского института Лаборатория № 2? Почему головному институту по проблеме использования атомной энергии был присвоен № 2? Наиболее вероятным представляется следующее объяснение [18, 19].

В распоряжении ГКО от 28 сентября 1942 года ответственным за возобновление работ по проблеме был назван вице-президент Академии наук СССР, директор Физико-технического института АН СССР А. Ф. Иоффе. Естественно, что формирование специальной лаборатории атомного ядра, которую в соответствии с указанным распоряжением должен был организовать Президиум Академии наук СССР при академии, началось на базе эвакуированного из г. Ленинграда в г. Казань Физико-технического института. Однако до принятия нового распоряжения ГКО от 11 февраля о работах по урану, которым И. В. Курчатов был назначен научным руководителем этих работ и руководителем специальной лаборатории атомного ядра, а Президиуму АН СССР разрешалось перевести из Казани в Москву группу работников специальной лаборатории, никаких распоряжений по Академии наук СССР, связанных с организацией специальной лаборатории, не принималось. Первым таким распоряжением явилось распоряжение по АН СССР от 10 марта 1943 года № 122 о назначении И. В. Курчатова начальником Лаборатории № 2. Согласно [18, с. 150–151] в ЛФТИ к этому времени было организовано 10 лабораторий, однако деятельность одной из этих лабораторий Лаборатории № 2, занимавшейся

вопросами акустики и радиофизики, стала сворачиваться, и ее начальник А. А. Харкевич к лету 1943 года перешел в Физический институт АН СССР им. Лебедева. С этим и было связано, что в распоряжении по АН СССР № 122, согласованном с дирекцией ЛФТИ, лаборатория И. В. Курчатова как лаборатория ЛФТИ получила номер два. Этот номер за лабораторией был сохранен, когда вышедшим вслед распоряжением по АН СССР от 12 апреля 1943 года официально организовывалась юридически уже независимая от ЛФТИ «Лаборатория № 2 АН СССР». Данная версия, в изложении которой авторы следуют [18, 19], находит подтверждение в подписанном А. Ф. Иоффе приказе директора ЛФТИ от 14 августа 1943 года по Казанской группе ЛФТИ. В этом приказе говорилось:

«1. Организовать лабораторию в следующем составе:

- 1) Курчатов И. В., 2) Алиханов А. И., 3) Корнфельд М. О., 4) Неменов Л. М., 5) Глазунов П. Я., 6) Никитин С. Я., 7) Щепкин Г. Я., 8) Флеров Г. Н., 9) Спивак П. Е., 10) Козодаев М. С., 11) Джелепов В. П.

В дальнейшем лабораторию именовать: «Лаборатория № 2».

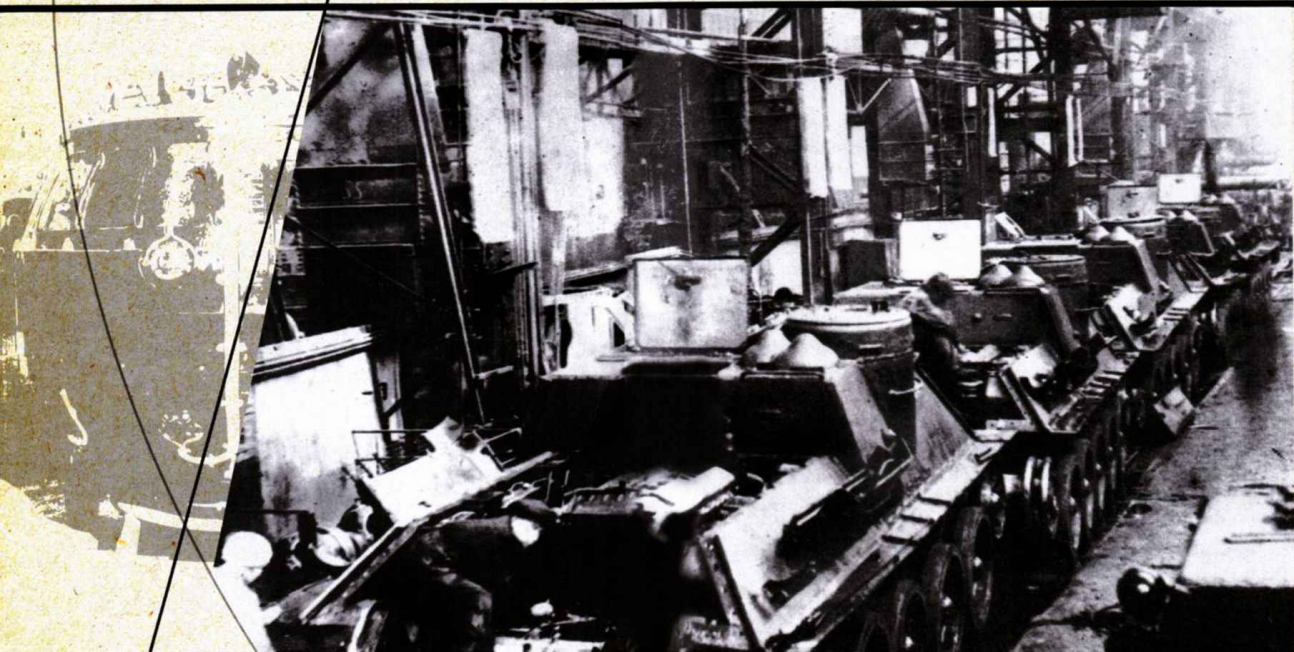
Заведующим Лаборатории № 2 назначить профессора И. В. Курчатова.

Весь состав лаборатории считать переведенным в Москву на постоянную работу.

Профессора И. В. Курчатова освободить от заведования Лабораторией № 3» [18, с. 150].

Своим приказом А. Ф. Иоффе не только закрепил ранее состоявшееся решение об организации Лаборатории № 2 АН СССР, но и с полным правом подчеркнул, что эта лаборатория выросла из Ленинградского физико-технического института. Отметим, что только 27 января 1944 года приказом по ЛФТИ «в связи с переходом на оплату по отдельной штатной ведомости И. В. Курчатова снят с оплаты и штатов ЛФТИ» [18, с. 151].

Сборка самоходных артиллерийских установок

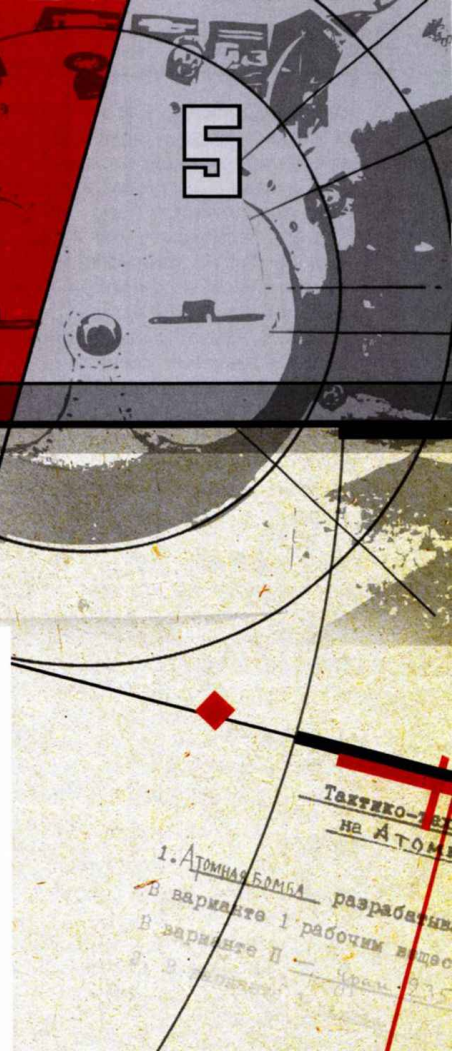

УРАНОВАЯ БОМБА И БОМБА ИЗ «НЕЗЕМНОГО» МАТЕРИАЛА

Актуальность важнейшей задачи, поставленной перед специальной лабораторией атомного ядра (с марта 1943 года – Лабораторией № 2), – проведение необходимых исследований и представление в ГКО доклада «о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива», усиливалась тем, что разведывательная информация 1941 года (что отмечал, как уже говорилось выше, И. В. Курчатов в своем письме от 27 ноября 1942 года на имя В. М. Молотова) не содержала исчерпывающего ответа на вопрос о возможности создания урановой бомбы.

В то же время экспериментальная и теоретическая базы, которыми располагала Лаборатория № 2 в первой половине 1943 года, да и в относительно длительный последующий период, были недостаточными для того, чтобы дать определенный ответ на вопрос о реальности атомной бомбы только на основании собственных экспериментальных и теоретических данных.

Однако продолжавшие поступать разведывательные материалы, в том числе материалы, которыми И. В. Курчатов располагал уже к весне 1943 го-

да, по существу, уже не оставляли у него сомнений в осуществимости бомбы из урана-235. Из уже упоминавшегося выше отзыва И. В. Курчатова от 4 июля 1943 года на поступивший по каналам разведки перечень американских работ по проблеме урана следует, что его беспокоила уже не сама возможность создания бомбы из урана-235, а озабоченность вызывали противоречия в данных различных работ по сечениям деления урана-235 в области средних энергий нейтронов. И. В. Курчатов отмечал: «Вопрос этот имеет кардинальное значение, так как от величины сечения деления в этой области крайне резко зависят размеры бомбы из урана-235 и самая возможность осуществления котла из металлического урана» [1, с. 356].

Весной 1943 года И. В. Курчатов стала принципиально ясной и новая возможность конструирования атомной бомбы. В записке на имя М. Г. Первухина от 22 марта 1943 года И. В. Курчатов писал: «В материалах, рассмотрении которых [я] занимался в последнее время, ... указано, что, может быть, продукты сгорания ядерного топлива в “урановом котле” могут быть использованы вместо урана-235 в качестве материала для бомбы⁴».

Имея в виду эти замечания, я внимательно рассмотрел последние из опубликованных американцами в “Physical Review” работ по трансурановым элементам (эка-рению-239 и эка-осьмию-239) и смог установить новое направление в решении всей проблемы урана...».

Речь шла об использовании в атомной бомбе плутония-239, который И. В. Курчатов называл в своем письме эка-осьмием-239. Он писал, что «перспективы этого направления необычайно увлекательны». «По всем существующим сейчас теоретическим представлениям попадание нейтрона в ядро эка-осьмия должно сопровождаться большим выделением энергии и испусканием вторичных нейтронов, так что в этом отношении он должен быть эквивалентен урану-235». «Если в действительности эка-осьмий обладает такими же свойствами, как и уран-235, его можно будет выделить из “уранового котла” и употребить в качестве материала для “эка-осьмиевой” бомбы. Бомба будет сделана, следовательно, из “неземного” материала, исчезнувшего на нашей планете».

Как видно, при таком решении всей проблемы опускается необходимость разделения изотопов урана, который используется и как топливо, и как взрывчатое вещество».

«Разобранные необычайные возможности, конечно, во многом еще не обоснованы. Их реализация мыслима лишь в том случае, если эка-осьмий-239 действительно аналогичен урану-235 и если, кроме того, так или иначе, может быть пущен в ход “урановый котел”».

Кроме того, развитая схема нуждается в проведении количественного учета всех деталей процесса. Эта последняя работа в ближайшее время будет мной поручена проф. Я. Б. Зельдовичу» [12, с. 116–117].

---

⁴ Отметим, что в уже упоминавшемся докладе английского Комитета M.A.U.D., который поступил в СССР по каналам разведки в 1941 году и с которым в конце 1942 года был ознакомлен И. В. Курчатов, говорилось о том, что элемент с массой 239 весьма вероятно будет иметь делительные свойства, подобные свойствам урана-235, и может быть использован как взрывчатое вещество в атомной бомбе (см. [15, с. 726; 16, с. 80]).

Во время пуска первого в мире уран-графитового котла фотографировать было запрещено. Память об этом событии оставил художник (изображение: «Наука и жизнь»)

Э. Ферми

С сообщением о пуске в США первого уранового котла, открывающего перспективы крупномасштабного использования атомной энергии и получения нового делящегося материала с атомным весом 239, пригодного для изготовления атомной бомбы (имелся в виду ядерный реактор Э. Ферми, пущенный 2 декабря 1942 года в г. Чикаго), И. В. Курчатов был ознакомлен в июле 1943 года вскоре после получения по каналам разведки этого сообщения.

Он дал чрезвычайно высокую оценку факту пуска в США первого в мире ядерного реактора. В своем отзыве на указанный материал разведки он писал: «Рассмотренный материал содержит исключительной важности сообщение о пуске в Америке первого уран-графитового котла – сообщение о событии, которое нельзя оценить иначе, как крупнейшее явление в мировой науке и технике» [1, с. 375–376].

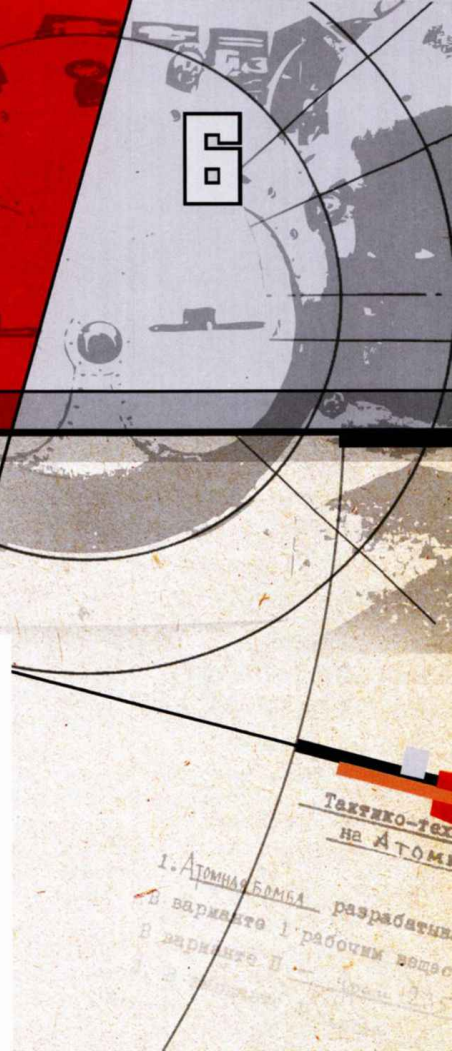

НАЧАЛО РАБОТ ПО АТОМНОЙ БОМБЕ В ЛАБОРАТОРИИ № 2 АКАДЕМИИ НАУК СССР

Курчатов прекрасно понимал, что осуществление советского атомного проекта невозможно без организации серьезных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по всем аспектам проекта. Важное место в его планах с самого начала работ занимала и организация работ по расчетно-теоретическому обоснованию, а затем проектированию и созданию атомной бомбы. Этой проблемой И. В. Курчатов начал заниматься вплотную уже в 1943 году. Он отдавал себе отчет в том, что для обеспечения успеха работ над атомной бомбой необходимо привлечение к этим работам наиболее квалифицированных ученых.

20 марта 1943 года, через месяц с небольшим после своего назначения научным руководителем работ по урану, И. В. Курчатов обратился к М. Г. Первуюхину с письмом, в котором говорилось:

«В начале развития взрыва бомбы из урана большая часть вещества, еще не успевшая принять участия в реакции, будет находиться в особом состоянии

*Главное здание
Лаборатории № 2
АН СССР, в котором
начинались работы
по атомной проблеме.
Здесь до 1945 года
работал Ю. Б. Харитон
(фото Ю. В. Макарова)*

почти полной ионизации всех атомов. От этого состояния вещества будет зависеть дальнейшее развитие процесса и разрушительная способность бомбы.

На опыте, даже в ничтожных масштабах, ничего аналогичного этому состоянию вещества не наблюдалось и до осуществления бомбы не может быть наблюдено. Только в звездах предполагается существование такого состояния вещества. Представляется возможным в общих чертах теоретически рассмотреть протекание процесса взрыва в этой стадии. Эта трудная задача могла

бы быть поручена проф. Л. Д. Ландау, известному физику-теоретику, специалисту и тонкому знатоку аналогичных вопросов» [1, с. 325].

В этом письме И. В. Курчатов просил рассмотреть вопрос о поручении Л. Д. Ландау расчета развития взрывного процесса в урановой бомбе (он также поставил в нем вопрос о привлечении П. Л. Капицы в качестве консультанта по вопросам разделения изотопов).

Имеющиеся документальные свидетельства указывают на то, что начало теоретических работ по атомной

бомбе в Лаборатории № 2 АН СССР относится к 1944 году. В плане научно-исследовательских работ Лаборатории № 2 на 1945 год, утвержденном Постановлением ГКО от 15 мая 1945 года № 8579сс/ов, принятым за подписью И. В. Сталина, отмечено, что предусмотренные этим планом расчеты выделения энергии в урановой бомбе являются продолжением и дальнейшим развитием работ 1944 года [20, с. 255, 293–296]. Расчеты 1944 года проводились, несмотря на то, что в официальный план Лаборатории № 2 на 1944 год, утвержденный Постановлением ГКО от 8 апреля 1944 года № 5582сс, подписанным В. М. Молотовым, работы по атомной бомбе включены не были [20, с. 58–61].

Этот вопрос имеет следующую предысторию. В первом варианте плана работ Лаборатории № 2 на 1944 год, подписанном И. В. Курчатовым 7 января 1944 года, содержался пункт: «Теоретическая разработка вопросов осуществления бомбы и котла (01.01.44–01.01.45) – Зельдович, Померанчук, Гуревич» [21, л. 12–13]. Однако на рукописи этого плана М. Г. Первухиным была сделана запись: «Расширить план экспериментальных работ. Включить в план экспериментальные работы, строительство опытных установок, участие в проектировании и строительстве». Проект подвергся переработке, в нем было акцентировано внимание на экспериментально-методических работах и работах по созданию физических установок (разработка методов промышленного производства тяжелой воды, завершение строительства и пуск циклотрона, постройка модели уран-графитового котла, создание генератора нейтронов, проведение физических экспериментов, в том числе по получению плутония и изысканию методов его изучения), а прямое упоминание о работах по атомной бомбе было исключено.

Отметим, что Постановление ГКО № 5582сс, объявляя И. В. Курчатова обеспечить выполнение плана

Памятник И. В. Курчатову

Лаборатории № 2 на 1944 год, также обязывало Народный комиссариат химической промышленности (М. Г. Первухина) спроектировать в 1944 году цех по производству тяжелой воды и завод по производству шестифтористого урана (сырье для установок по разделению изотопов урана), а Народный комиссариат цветной металлургии (П. Ф. Ломако) – обеспечить в 1944 году получение на опытной установке 500 кг металлического урана, построить к 1 января 1945 года цех по производству металлического урана и поставить Лаборатории № 2 в 1944 году десятки тонн высококачественных графитовых блоков.

Одновременно с Постановлением ГКО № 5582сс было утверждено Постановление ГКО № 5585сс о развитии геолого-разведочных работ по радиоактивным элементам в 1944 году [20, с. 61–64].

Техико-техническое задание
на Атомную бомбу

Атомная бомба разрабатывается в двух вариантах.
В варианте I рабочим веществом является плутоний
В варианте II — уран 235
В варианте I переход в критическое состояние
осуществляется посредством специально сконструированных
составленных блоков обычного
состава

И. В. Сталин, Л. П. Берия, А. И. Микоян, Г. М. Маленков в Кремле

Копия
сделана
6.11.54
С.В.М.
постанов
от 10
Совета
Б-11
вариант
РС-1 — кер
вариант
специального
Модель
обсуждения
коэффициент
эти раск
данных KB-11

«ВОЗЛОЖИТЬ НА Т. БЕРИЯ Л. П. НАБЛЮДЕНИЕ ЗА РАЗВИТИЕМ РАБОТ ПО УРАНУ»

7

Несмотря на принятие указанных постановлений ГКО, а ранее и целого ряда других постановлений ГКО, направленных на решение проблемы получения атомной энергии (по вопросам организации геолого-разведочных работ, добычи и переработки урановых руд, получения металлического урана, строительства Лаборатории № 2 и обеспечения ее специалистами, проектирования установок для разделения изотопов урана диффузионным методом и, в частности, организации с этой целью в Ленинграде филиала Лаборатории № 2 и особого конструкторского бюро при нем), И. В. Курчатову и М. Г. Первухину на основе анализа состояния работ по проблеме в СССР и за рубежом, о которых можно было судить на основе новых разведывательных данных, вскоре стала очевидной необходимость принятия дополнительных организационных мер, которые обеспечили бы более широкое развертывание в СССР работ по урану. В мае 1944 года И. В. Курчатовым и М. Г. Первухиным была подготовлена серия документов с изложением предложений о таких мерах.

Первым из этих документов явилась справка И. В. Курчатова на имя М. Г. Первухина, в которой были изложены данные о путях технического осуществления атомной бомбы и атомных котлов и охарактеризовано состояние вопроса с осуществлением их в СССР и за границей [20, с. 71–72; 21, л. 19–22].

В этой справке, датированной 18 мая 1944 года, И. В. Курчатов привел схему атомной бомбы типа пушечного сближения и дал следующее описание ее устройства и работы: «Атомная авиационная бомба состоит из цилиндрической оболочки, на концах которой находится атомное взрывчатое вещество – уран-235 или плутоний-239. При помощи подрыва пороховых зарядов, подложенных под атомное взрывчатое вещество, бомба приводится в действие. Взрыв атомной бомбы происходит в момент сединения половин (а) и (б) урана-235 или плутония-239.

Подсчеты показывают, что для осуществления бомбы, эквивалентной по своему действию 1000 тонн тола, необходимо иметь 2–5 кг урана-235 или плутония-239.

В настоящее время еще нет абсолютно достоверных данных, показывающих, что построенная таким образом бомба будет действовать, но чем дальше проводятся опыты, тем больше становится уверенность в правильности схемы.

Основная трудность осуществления атомной бомбы заключается в получении урана-235 и плутония-239».

«Мы убедились, проверив врученные нам исключительно ценные материалы и сделав некоторые опыты, что диффузионные машины являются безусловно осуществимым способом получения урана-235».

И. В. Курчатов писал, что, по предварительным оценкам, проект завода по получению урана-235 диффузионным методом будет закончен в середине 1945 года. «О сроках постройки и пуска в ход этого завода сейчас судить трудно». Касаясь в справке проблем осуществления атомных котлов «уран – графит» и «уран – тяжелая вода» и отметив стоящие на пути их создания трудности⁵, И. В. Курчатов тем не менее заметил: «Из-за сложности постройки диффузионного завода может оказаться, что получение урана-235 затянется на многие годы и раньше может быть осуществлена бомба из плутония, образовавшегося в действующем котле».

Это замечание И. В. Курчатова оказалось для советского атомного проекта пророческим.

Справка И. В. Курчатова завершалась словами: «...большой сдвиг в положении работ по проблеме урана, который произошел в 1943–1944 годах в нашей стране, все еще недостаточен. Мы продолжаем, как мне кажется, дальше отставать от заграницы. Является совершенно необходимым дальнейшее привлечение ученых к работе в Лаборатории № 2 (проф[ессор] Харитон, проф[ессор] Арцимович, н[аучный] с[отрудник] Мещеряков) и дальнейшее усиление материально-технической оснащенности лаборатории».

Вопрос о привлечении Ю. Б. Харитона к работам Лаборатории № 2, вероятнее всего, был связан с планами И. В. Курчатова о начале практических работ по конструированию атомной бомбы.

На следующий день, 19 мая 1944 года, И. В. Курчатов написал докладную записку на имя И. В. Сталина «О со-

⁵ Недостаток урана и в то же время необходимость располагать большими количествами урана для строительства уран-графитового котла, отсутствие производства тяжелой воды, необходимой для сооружения котла «уран – тяжелая вода», требующего по сравнению с уран-графитовым котлом относительно малых количеств урана.

стоянии работ по проблеме урана на 20 мая 1944 года». В этой записке говорилось:

«Успехи в изучении свойств атома, достигнутые наукой XX века, завершились в 1939 году замечательным открытием деления атомов урана. Благодаря этому явлению оказалось возможным впервые в истории человечества найти пути практического использования колоссальных запасов энергии, сосредоточенной в центре атома – атомном ядре, для создания бомб сверхразрушительной силы и сверхмощных котлов.

Техническое решение задачи встретилось, однако, с самого начала с громадными затруднениями, преодоление которых считалось большинством ученых Союза невозможным.

Такое отношение к проблеме, естественно, привело к тому, что даже до войны ураном у нас занималась лишь небольшая группа ученых, а с начала войны приостановились и эти работы.

Иначе обстояло дело за рубежом...

В конце 1942 года Правительство Советского Союза стал известен как масштаб проводимых за границей работ по урану, так и некоторые из полученных результатов.

В связи с этим Государственный Комитет Оборона 11 февраля 1943 года постановил организовать при Академии наук СССР специальную лабораторию (Лабораторию № 2) для ведения в секретном порядке работ по проблеме урана.

Организация новой лаборатории, не имевшей кадров, своего помещения и аппаратуры, протекала в трудных условиях военного времени. Лаборатория не имела поддержки и в общественном мнении среди ученых, не посвященных, по соображениям секретности, в ход дела и зараженных недоверием к его осуществлению. Внимание и помощь, которые неизменно оказывались Лаборатории № 2 АН СССР тов. В. М. Молотовым, непосредственное и повседневное руководство ее дея-

тельностью тов. М. Г. Первухиным, поддержка со стороны тов. С. В. Кафтанова помогли, однако, лаборатории преодолеть трудности, окрепнуть, начать работать и получить ряд важных результатов».

Следующий раздел записки имел название «Атомная бомба». В нем говорилось:

«Изучение секретных материалов работ иностранных ученых, теоретические расчеты и опыты, проведенные в Лаборатории № 2 Академии наук СССР, показали, что распространенное у нас мнение о невозможности технического решения проблемы урана является неверным.

В настоящий момент твердо определены пути использования внутриатомной энергии как для осуществления атомной бомбы, так и для осуществления атомных котлов.

Взрывчатым веществом в атомной бомбе может служить уран-235 – особый вид (изотоп) урана, в природных условиях всегда смешанный с обычным ураном, или созданный при помощи циклотрона новый химический элемент – плутоний-239. Плутоний-239 давно исчез на Земле, он будет образовываться в атомных котлах в результате бурно идущих процессов превращения вещества.

Для осуществления взрыва необходимо быстро соединить два куска урана-235 или плутония-239, что может быть выполнено при помощи встречного их движения под действием давления пороховых газов в закрытой с обеих сторон трубе.

Расчет показывает, что атомная бомба будет действовать только в том случае, если количества урана-235 будут равны 2–5 кг. Как показывают научные исследования американцев, нужны такие же количества и плутония-239, свойства которого во всем подобны урану-235. Разрушительное действие такой бомбы эквивалентно обычной бомбе, снаряженной 1000 тонн тола».

Далее в докладной записке И. В. Курчатова были подробно рассмотрены проблемы и трудности, стоящие на пути получения урана-235 и плутония-239. Приведем ключительные слова справки: «Из изложенного видно, что хотя использование энергии урана и связано с решением труднейших задач, опасность применения атомных бомб и энергетические перспективы атомных котлов настолько существенны для государства, что всемерное развитие этих работ является настоятельно необходимым.

Прошу Вас поручить рассмотреть вопрос о дальнейшем развитии этих работ» [20, с. 74–78].

Записка И. В. Курчатова была приложена М. Г. Первухиным к его письму на имя И. В. Сталина «О проблеме урана», также написанному 19 мая 1944 года. В этом письме М. Г. Первухин подчеркнул: «В настоящее время состояние теоретических работ по проблеме урана в СССР позволяет приступить к строительству ряда промышленных установок и проектированию машин по получению урана-235 и нового химического элемента – плутония. Чтобы догнать за границу, мы должны поставить разработку проблемы урана на положение важнейшего государственного дела, не менее крупного и важного, чем, например, радиолокация⁶. Необходимо принять решение по следующим вопросам:

1. Привлечь к работам Лаборатории № 2 дополнительные силы – ученых-физиков...

2. Создать экспериментальную базу и усилить конструкторами особое конструкторское бюро Лаборатории № 2 для ускорения проектирования машин по выделению урана-235.

3. Приступить к строительству установки по промышленному получению тяжелой воды...

4. Широко развернуть геолого-разведочные работы по отысканию урановых месторождений в СССР, так как известные в настоящее время месторождения очень незначительны и бедны по содержанию урана...

5. Создать при ГОКО⁷ Совет по урану для повседневного контроля и помощи в проведении работ по урану примерно в таком составе:

- 1) т. Берия Л. П. (председатель Совета),
- 2) т. Молотов В. М.,
- 3) т. Первухин М. Г. (заместитель председателя),
- 4) академик Курчатова И. В.

Последнее тем более необходимо, что Лаборатория № 2 только формально числится в Академии наук, а по существу находится при Совнаркоме СССР, и по поручению Государственного Комитета Обороны я повседневно наблюдаю за работой Лаборатории № 2, решая текущие дела от имени Совнаркома СССР».

Письмо завершилось словами: «Направляя Вам более детальную записку академика Курчатова по проблеме урана, прошу Вас ознакомиться и, если возможно, принять меня для доклада по данному вопросу» [20, с. 72–74].

Таким образом, М. Г. Первухин поднял перед И. В. Сталиным вопрос о повышении статуса руководства работами по советскому атомному проекту и одновременно вопрос о передаче Л. П. Берия функций по руководству проектом со стороны государства (которые до этого времени фактически осуществлялись В. М. Молотовым). Предложение

⁶ Постановлением ГКО от 4 июля 1943 года № 3686сс при ГКО был создан Совет по радиолокации под председательством Г. М. Маленкова.

⁷ В ряде документов тех лет Государственный Комитет Обороны сокращенно именовался как ГОКО.

М. Г. Первухина предполагало и повышение его собственного положения в руководстве проектом: он должен был стать заместителем председателя Совета, т. е. заместителем Л. П. Берия, в то время как В. М. Молотову отводилась роль члена Совета. В работе Совета по урану не предусматривалось участие С. В. Кафтанова (напомним, что распоряжением ГКО от 11 февраля 1943 года обязанность повседневно руководить работами по урану и оказывать систематическую помощь Лаборатории № 2 была возложена на М. Г. Первухина и С. В. Кафтанова).

Нельзя исключить, что непосредственное обращение М. Г. Первухина к И. В. Сталину было признано нарушением субординации, и уже на следующий день, 20 мая 1944 года, М. Г. Первухин направил письмо такого же содержания В. М. Молотову и Л. П. Берия. Это письмо отличалось от письма И. В. Сталину только заключительными словами: «Прошу рассмотреть данный вопрос и принять меня совместно с академиком Курчатовым для более подробного доклада. Аналогичная записка с подробным докладом академика Курчатова мною направлена товарищу Сталину» [21, л. 23–25].

На этом письме, вероятно, рукой В. М. Молотова была сделана следующая запись: «Важное. – Доложить тов. Сталину. – Поговорить с т. Первухиным. – Собрать все, что имеется по урану. 25/V 44».

По-видимому, М. Г. Первухин и И. В. Курчатов в июне 1944 года были приняты В. М. Молотовым, и тогда же состоялся его доклад И. В. Сталину, который согласился с предложением о возложении руководства проблемой урана на Л. П. Берия. На это указывают следующие факты. Уже 21 июня 1944 года В. М. Молотов направил Л. П. Берия очередные полученные им проекты постановлений по вопросам атомного проекта с письмом следующего содержания: «Тов. Берия. Посылаю Вам проекты постановлений (ГОКО и СНК) по делам урана, полученные мною от т. Первухина. В. Моло-

Л. П. Берия

тов. 21.06.44» [21, л. 47]. 10 июля 1944 г. М. Г. Первухин и И. В. Курчатов обратились к Л. П. Берия с письмом «О развитии работ по проблеме урана в СССР», к которому был приложен проект постановления ГКО, имевший аналогичное название [20, с. 93–97].

В этом письме, в частности, говорилось:

«1. Имеющиеся теоретические материалы позволяют уже сейчас приступить к техническому проектированию уран-графитового котла и котла "уран – тяжелая вода"...

Параллельно с проектными работами необходимо готовить материалы, которые должны быть использованы при постройке котлов...

2. В качестве взрывчатого вещества в атомной бомбе может быть использован уран-235 или плутоний. ... для получения плутония необходим действующий атомный котел, требующий больших количеств редких материалов. Уран-235 может быть получен из меньших масс урана при помощи диффузионного метода.

...ближайшей задачей является создание опытной диффузионной установки и разработка проекта диффузионного завода для получения урана-235.

Решение этой сложной задачи требует опытной разработки специальных компрессоров и специальной сетки с малыми порами, для чего необходимо организация хорошо оборудованного опытного завода при Ленинградском филиале Лаборатории № 2 Академии наук СССР.

Получение урана-235 диффузионным методом производится из шестифтористого урана, вещества, для промышленного производства которого необходимо построить специальный цех.

Возможно и необходимо уже сейчас, кроме того, начать работы по конструкции атомной бомбы.

3. Работа над проблемой урана требует наряду с решением перечисленных выше практических задач дальнейшего углубленного изучения теоретических вопросов физики атомного ядра. К ним, в первую очередь, относится магнитный способ получения урана-235. Этот пока мало разработанный метод обладает рядом преимуществ перед диффузионным методом...

Является неотложной задачей скорейшее окончание начатого до войны строительства циклотрона Ленинградского физико-технического института Академии наук СССР (вес электромагнита 70 тонн) и постройка одного-двух мощных современных циклотронов с электромагнитом в тысячу тонн.

Все нарастающие темпы развития проблемы не обеспечены кадрами специалистов и поэтому необходимо начать работу по широкой подготовке этих специалистов.

Представляем на Ваше рассмотрение предварительный проект постановления Государственного Комитета Обороны, предусматривающий развитие работ по проблеме урана в СССР».

Приведем фрагменты текста указанного проекта постановления:

«Считая важнейшей государственной задачей всемерное развитие в СССР работ по решению проблемы урана, Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Считать необходимым широкое проведение работ по уран-графитовому котлу, по котлу "уран – тяжелая вода", по диффузионному и магнитному способам получения урана-235, по использованию урана-235 и плутония в атомной бомбе.

2. Реорганизовать Лабораторию № 2 АН СССР в Научно-исследовательский институт № 2 при Союзваркомме Союза ССР.

Утвердить директором института академиком Курчатова И. В.

3. Обязать Научно-исследовательский институт № 2 при СНК СССР (академиком Курчатова И. В.):

[...]

д) разработать к 1 сентября 1945 года совместно с НИИ-6 НКБ конструкцию авиационной урановой бомбы.

[...]

15. Организовать при Государственном Комитете Обороны Совет по урану для повседневного контроля и помощи в проведении работ по проблеме урана в составе: тов. Берия Л. П. (председатель), тов. Первухин М. Г. (зам[еститель] председателя), тов. Курчатова И. В.».

В цитированном проекте постановления ГКО обращают на себя внимание несколько моментов. Это первый проект правительственного постановления, в котором прямо ставилась задача разработки конструкции атомной бомбы. Не может не удивить готовность И. В. Курчатова к исключению Лаборатории № 2 из системы Академии наук СССР. Ведь хотя принадлежность Лаборатории № 2 к Академии наук и была во многом, по существу, формальной, эта принадлежность была очень важной и ее значение уже тогда, вне всякого сомнения,

выходило за рамки простой формальности. Наконец, проект постановления отражал уже фактически принятое решение об отстранении В. М. Молотова от руководства атомным проектом.

Рассмотренный проект постановления ГКО не был поддержан Л. П. Берия, который 14 июля 1944 года поручил сотрудникам своего аппарата вместе с М. Г. Первухиным в пятидневный срок подготовить новый проект постановления.

Новый проект постановления был представлен на рассмотрение Л. П. Берия в начале августа 1944 года [21, л. 119–123]. В нем отсутствовали пункты о реорганизации Лаборатории № 2 и создании Совета по урану. Но и этот проект не был одобрен Л. П. Берия, который дал поручение о его переработке.

В период подготовки нового варианта проекта постановления в Лаборатории № 2 было завершено строительство и осуществлен пуск циклотрона. Об этом событии И. В. Курчатов счел необходимым сообщить В. М. Молотову. Заслуживает внимания факт, что письмо с информацией о пуске циклотрона было адресовано И. В. Курчатовым не Л. П. Берия, а В. М. Молотову.

«8 сентября 1944 года.

Секретно

Тов. В. М. Молотову

Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович!

Я рад сообщить Вам, что наша лаборатория закончила строительство циклотрона и пустила его в ход в конце августа этого года. Создание этой установки является небольшим достижением в свете тех задач, которые Вы нам поручили, но коллектив лаборатории воодушевлен первыми достигнутыми успехами на трудном пути.

В связи с пуском циклотрона я в этом письме хочу выразить Вам горячую благодарность за помощь, которую Вы оказали строительству установки.

Я был бы очень рад, если бы Вы смогли уделить хотя бы небольшое время и ознакомиться с установкой.

Академик И. Курчатов» [20, с. 111–112].

Для характеристики обстановки, в которой проходила подготовка нового варианта проекта постановления ГКО о развитии работ по урану, представляет интерес справка сотрудника аппарата Л. П. Берия, будущего секретаря Специального комитета В. А. Махнева [22, с. 17], подготовленная 1 ноября 1944 года. Ниже приведены фрагменты текста этой справки.

«Тов. Берия Л. П.

Ознакомившись в процессе подготовки по Вашему заданию проекта постановления ГКО «О развитии работ по урану» с фактическим состоянием дела разведки, добычи, переработки урановых руд и организацией научно-исследовательских работ в этой области, считаем необходимым доложить Вам следующее.

Разведка урановых месторождений

[...]

«За два истекших года из-за недостаточного внимания [к] этому вопросу и плохого материально-технического оснащения геолого-разведочных партий разведка урановых месторождений почти не сдвинулась с места».

Далее справка содержала раздел **«Добыча руды и переработка»**.

В этом разделе были приведены конкретные цифры, из которых следовало, что фактические масштабы добычи и переработки урановых руд в 1944 году оказались во много раз меньшими тех, на которые распоряжением ГКО от 16 августа 1943 года № 3937сс были ориентированы Комитет по делам геологии СССР и Народный комиссариат цветной металлургии СССР. «Столь неудо-

влетворительное состояние добычи урановых руд и получения солей урана объясняется тем, что работы эти Наркомцветметом не развивались и на них затрачивались ничтожные силы и средства.

[...]

Технология получения металлического урана тех кондиций, которые необходимы для опытов академика Курчатова, вовсе не разработана, и металл этот еще не вырабатывался и не вырабатывается...

Организация научно-исследовательских работ

[...]

Фактически на сегодня Лаборатория № 2 имеет всего одно трехэтажное здание, где помещаются опытные установки, лаборатории, библиотека, механическая мастерская, живут сотрудники и охрана института, и одно одноэтажное здание, предназначавшееся для кормовой кухни опытного собачника ВИЭМ⁸.

Лаборатория не имеет помещений для перевода своих работников из Ленинграда и с Урала, не имеет жилья, оборудования, материалов и в связи с этим план лаборатории срывается.

Ценнейший запас радия (4 грамма) лаборатория из-за отсутствия специального хранилища держит в картофельной яме.

Предложения

Ввиду того что Академия наук и Наркомцветмет в течение 2 лет не смогли вывести из кустарного состояния работы по добыче и переработке урана и научно-исследовательские работы по изучению и использованию урана, просим принять предлагаемый нами проект по-

становления ГКО, предусматривающий:

а) передачу научно-исследовательских работ по урану, добычу и переработку основных урановых месторождений в ведение НКВД СССР;

б) выделение НКВД СССР необходимого оборудования и материалов для развертывания работ по урану.

В. Махнев» [20, с. 150–153].

Представленный Л. П. Берия новый проект постановления ГКО «О развитии работ по урану» вполне соответствовал по своему содержанию справке В. А. Махнева. В нем говорилось:

«Государственный Комитет Обороны считает, что всемерное развертывание добычи урана, развертывание научно-исследовательских работ по использованию урана в военных и народно-хозяйственных целях и быстрое применение в СССР на практике научных открытий в области урана являются делом огромного государственного значения.

В связи с этим Государственный Комитет Обороны ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Реорганизовать Лабораторию № 2 АН СССР в Государственный научно-исследовательский институт № 100 и передать этот институт в ведение НКВД СССР (т. Берия).

Утвердить директором Государственного НИИ № 100 академика Курчатова И. В. и заместителем директора члена-корреспондента АН СССР профессора Кикоина И. К.

Создать при Институте № 100 Технический совет. Поручить тт. Берия и Маленкову в 15-дневный срок подобрать и утвердить состав Технического совета...». «Возложить на НКВД СССР: а) разведку и эксплуатацию

⁸ Всесоюзный институт экспериментальной медицины.

урановых месторождений; б) переработку руд; в) разработку технологии получения металлического урана» [21, л. 124–132].

Предложению о преобразовании Лаборатории № 2 АН СССР в институт НКВД СССР не суждено было осуществиться. Однако предложения о передаче в ведение НКВД СССР эксплуатации урановых месторождений, переработки урановых руд и разработки технологии получения металлического урана были правительством приняты.

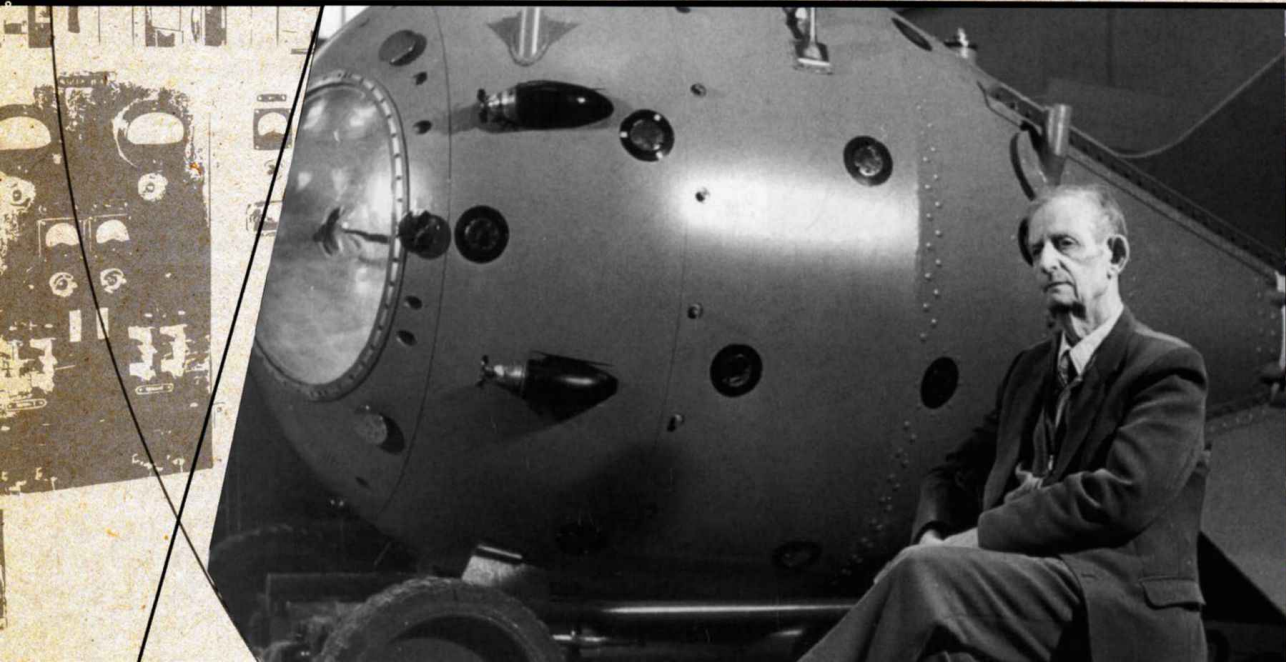
3 декабря 1944 года И. В. Сталин утвердил Постановление ГКО № 7069сс «О неотложных мерах по обеспечению развертывания работ, проводимых Лабораторией № 2 АН СССР», явившееся важной вехой в истории советского атомного проекта. Постановление содержало детальное описание мероприятий по строительству и снабжению Лаборатории № 2 и, в частности, возлагало на НКВД СССР проведение всех строительных и дорожных работ для лаборатории. Постановление предусматривало перевод в г. Москву из г. Ленинграда филиала Лаборатории № 2 и из г. Свердловска лаборатории И. К. Кикоина, а также организацию при Лаборатории № 2 конструкторского бюро с опытным механическим заводом. Постановление обязывало И. В. Курчатова в месячный срок разработать план научно-исследовательских и экспериментальных работ в области использования урана на 1945 год и представить его на утверждение ГКО. Заключительный пункт постановления гласил: «Возложить на т. Берия Л. П. наблюдение за развитием работ по урану». Этот пункт юридически закреплял ответственность Л. П. Берия за дальнейшую судьбу советского атомного проекта [20, с. 169–175].

8 декабря 1944 года И. В. Сталиным было утверждено Постановление ГКО № 7102сс/ов «О мероприятиях по обеспечению развития добычи и переработки урановых руд», которое регламентировало вопросы передачи деятельности по добыче и переработке урановых руд НКВД СССР [20, с. 180–185]. Это постановление предусматривало и организацию в системе НКВД СССР научно-исследовательского института по урану, которому присваивалось наименование «Институт специальных металлов НКВД» («Инспецмет НКВД») и который должен был быть размещен в Москве на территории и в помещениях, ранее принадлежавших ВИЭМ. Это будущий НИИ-9 – теперь Всероссийский научно-исследовательский институт неорганических материалов им. А. А. Бочвара.

Отметим, что 24 ноября 1944 года, когда завершалась подготовка рассмотренных выше проектов постановлений ГКО, И. В. Курчатова обратился к Л. П. Берия со справкой, в которой он поставил вопрос о привлечении к работам по проблеме урана ряда видных советских ученых. Имея в виду работы над атомной бомбой, в этой справке он, в частности, вновь отметил необходимость привлечения к работам по проблеме Л. Д. Ландау. Он писал: «Профессор, доктор физико-математических наук Л. Д. Ландау – завед[ующий] теоретическим отделом Института физических проблем АН СССР – является одним из наиболее глубоких, талантливых и знающих физиков-теоретиков Советского Союза.

Вопрос о привлечении его к работе ставился мной при докладе у т. В. М. Молотова (по-видимому, в июне 1944 года. – *Примеч. авт.*). Его участие в работе над проблемой урана было бы очень полезным при решении глубоких физических задач по основным процессам, протекающим в атоме урана» [20, с. 162–165].

Ю. Б. Харитон у музейного експоната РДС-1

Ю. Б. ХАРИТОН – НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ РАБОТ ПО АТОМНОЙ БОМБЕ

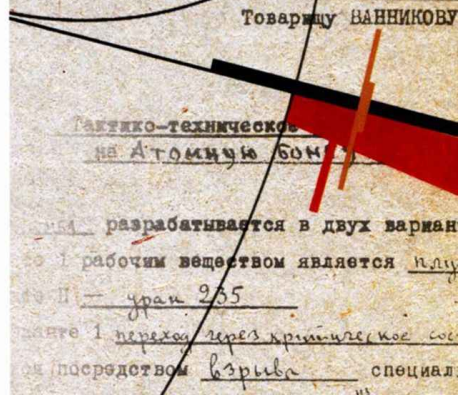
Разработанный И. В. Курчатовым во исполнение Постановления ГКО № 7069сс план работ Лаборатории № 2 на 1945 год [20, с. 253–258] был утвержден Постановлением ГКО № 8579сс/ов, принятым 15 мая 1945 года [20, с. 293–296].

Проект плана был направлен И. В. Сталину с датированным 15 мая 1945 года письмом Л. П. Берия и И. В. Курчатова, в котором говорилось:

«Представляя на Ваше рассмотрение план работ Лаборатории № 2 Академии наук СССР по изучению внутриатомной энергии урана и изысканию возможностей использования этой энергии, докладываем о состоянии этих работ.

В 1944 году работа Лаборатории № 2 заключалась в анализе полученных нами секретных материалов о работах иностранных ученых над проблемой урана и в проведении собственных теоретических исследований.

В результате проведенных работ выяснилось, что использование внутриатомной энергии возможно:

а) для получения мощного взрывчатого вещества в форме особой разновидности (изотопа) урана – урана-235, входящего в обычный уран в количестве около 1 %, и плутония-239, получаемого из обычного урана в количестве 50 % при работе атомного котла;

б) в форме обычного урана для получения тепловой энергии и образования плутония-239 при употреблении обычного урана в атомном котле с тяжелой водой или графитом.

Для получения урана-235 и плутония-239 и проверки на опыте правильности этих расчетов требуется сооружение специальных, весьма сложных новых диффузионных машин, атомных котлов и новых конструкций атомного снаряда-бомбы.

В настоящее время работы Лаборатории № 2 находятся в стадии, позволяющей начать эскизное проектирование перечисленных выше устройств. Поэтому в плане на 1945 год, в отличие от плана прошлого года, намечается, наряду с продолжением исследовательских работ, провести следующие проектно-технические работы:

а) разработать в 1945 году эскизный проект опытного завода по получению 75 граммов в сутки урана-235 диффузионным методом и технический проект одной секции этого завода;

б) разработать в 1945 году эскизный и технический проекты атомного котла “уран – тяжелая вода”;

в) разработать в 1945 году эскизный проект котла “уран – графит” и к 1 мая 1946 года составить технический проект этого котла;

г) разработать в 1945 году техническое задание на проектирование атомного снаряда-бомбы с расчетом на привлечение к этой работе конструкторских и ис-

следовательских организаций наркоматов вооружения и боеприпасов.

Схематическое описание этих устройств изложено в прилагаемой к плану справке акад. И. В. Курчатова⁹.

В качестве первоочередной ставится задача спроектировать в 1945 году завод диффузионного получения урана-235 с тем, чтобы в 1946 году построить его, а в 1947 году получить уран-235 и испытать его в опытных конструкциях атомного снаряда-бомбы» [20, с. 289–292].

Одновременно на рассмотрение И. В. Сталина были внесены проект постановления ГКО о строительстве при Лаборатории № 2 второго в мире по мощности циклотрона «для исследований, позволяющих определить разрушительную силу урана, и для получения небольших количеств плутония-239», а также проект постановления ГКО, предусматривающий увеличение мощности переданных из системы Наркомцвета в систему НКВД СССР предприятий по добыче и переработке урановых руд. Из приведенных в письме цифр следовало, что планируемый к 1 июля 1946 года уровень годовой добычи урановых руд и наработки урановых концентратов был выше достигнутого к 1 января 1945 года в 20–25 раз. Проект постановления предусматривал строительство предприятий по получению кондиционного металлического урана (который до этого времени в СССР не нарабатывался) в количестве 50 тонн в год. В 1945 году было намечено получить 500 кг такого урана. Соответствующие постановления (№ 8581сс/ов и 8582сс/ов), так же как и Постановление № 8579сс/ов, были приняты 15 мая 1945 года [20, с. 296–309].

В утвержденном Постановлении ГКО № 8579сс/ов плане Лаборатории № 2 работы по атомной бомбе были

⁹ Справка от 28 марта 1945 года [20, с. 258–260].

включены в раздел «VI. Работы по атомной урановой бомбе (научный руководитель проф. Ю. Б. Харитон)». Тем самым указанным постановлением ГКО Ю. Б. Харитон назначался научным руководителем работ по атомной бомбе [20, с. 255].

Рассматриваемый раздел плана содержал следующие пункты, непосредственно относящиеся к разработке атомной бомбы:

«1. Экспериментальное исследование условий синхронизации двух параллельно производящихся выстрелов в специальных ствольных системах калибра 10, 15, 25 мм (к 1 октября 1945 года).

2. Экспериментальное исследование результатов столкновения тел при их встречном движении с большой скоростью (к 31 декабря 1945 года).

3. Разработка технического задания на авиационную урановую бомбу (к 31 декабря 1945 года).

[...]

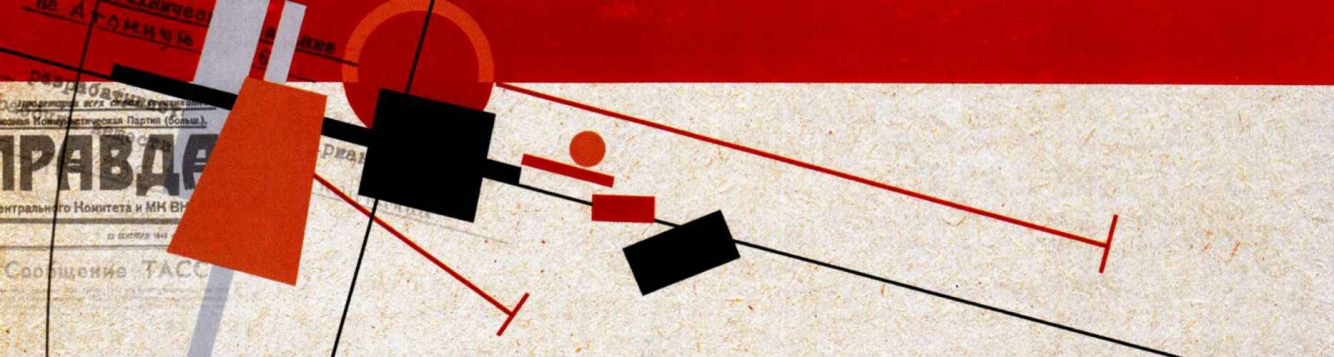
6. Расчет выделения энергии в урановой бомбе при разных массах взрывчатого вещества (продолжение и дальнейшее развитие работ 1944 года) (к 1 октября 1945 года).

7. Учет среды (изоляции), окружающей взрывчатое вещество в атомной бомбе, и рациональный выбор этой среды (к 1 сентября 1945 года)».

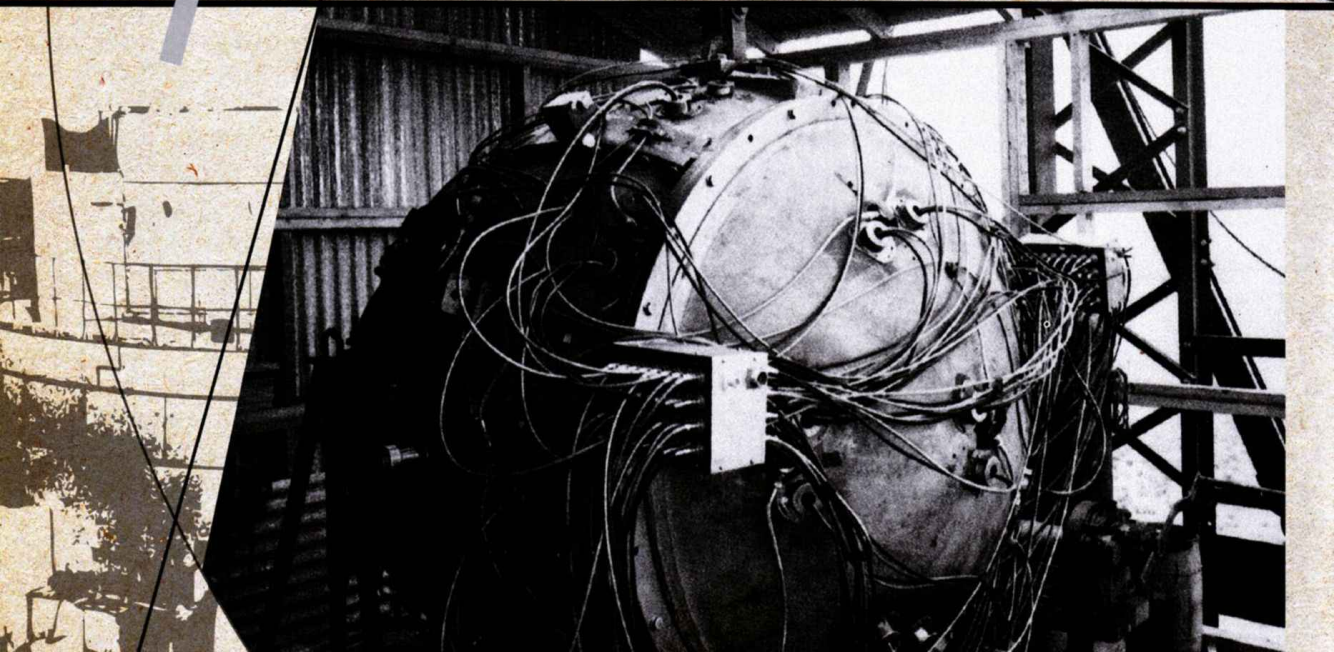
И. В. Курчатов и Ю. Б. Харитон

ПРАВДА
Сообщение ТАСС

Первый атомный заряд США

МЕТОД ИМПЛОЗИИ. «ЭТОТ МЕТОД СЛЕДУЕТ ПРЕДПОЧЕСТЬ “МЕТОДУ ВЫСТРЕЛА”»

Таким образом, план Лаборатории № 2 на 1945 год по разделу «Работы по атомной урановой бомбе» предполагал проведение исследований конструкции, выполненной по схеме с двумя синхронно производимыми встречными выстрелами, являющейся вариантом схемы «пушечного сближения». Очевидно, что интерес к такой схеме был обусловлен стремлением к увеличению относительной скорости сближения деталей из активного материала. Эти работы и составили главное содержание экспериментальных работ Лаборатории № 2 в 1945 году по рассматриваемому разделу.

Однако в основном тексте Постановления ГКО № 8579сс/ов предусматривалось проведение работ не по одной, а по двум конструктивным схемам атомной бомбы. Приведем формулировки соответствующих пунктов этого постановления:

«Государственный Комитет Обороны ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Утвердить план научно-исследовательских работ Лаборатории № 2 Академии наук СССР на 1945 год согласно Приложению № 1 и обязать академика

Курчатова И. В. провести следующие проектно-технические работы:

[...]

г) разработать в 1945 году техническое задание на проектирование изделий БС-1 и БС-2.

[...]

12. Поручить тт. Ванникову (созыв), Устинову, Махневу рассмотреть с участием тт. Курчатова и Харитона соображения Лаборатории № 2 по организации проектирования и изготовления изделий БС-1 и БС-2 в конструкторских организациях НКБ и НКВ и в месячный срок представить в Государственный Комитет Оборона свои предложения по развертыванию указанных работ» [20, с. 293–296].

В тексте рассматриваемого постановления отсутствует расшифровка терминов «изделия БС-1 и БС-2». Однако из уже упоминавшейся выше справки И. В. Курчатова к плану работ Лаборатории № 2 АН СССР на 1945 г. от 28 марта 1945 года, приложенной к письму Л. П. Берия и И. В. Курчатова И. В. Сталину [20, с. 258–260], можно заключить, что эти термины использованы для обозначения атомных бомб соответственно типа пушечного сближения и имплозивного типа (что касается обозначения «БС», то это, вероятно, сокращение выражения «бомба специальная»).

Действительно, в разделе «Конструкция атомных бомб с ураном-235 и плутонием-239» этой справки говорилось: «Атомная бомба может быть приведена в действие двумя способами:

1) быстрым сближением двух половин заряда урана-235 или плутония-239, находящихся на расстоянии 0,5–1 метра, до соприкосновения;

2) уплотнением зарядов урана-235 или плутония-239 мощным взрывом тротила, окружающим эти вещества.

Как сближение, так и уплотнение необходимо осуществить за очень короткий, не превышающий тысячных долей секунды, промежуток времени.

Чем больше величина зарядов урана-235 или плутония-239, тем большим будет эффект разрушения, но в отличие от обычных бомб атомная бомба сможет взорваться только в том случае, если ее заряд превышает некоторое критическое значение. Его величина сейчас не может быть определена с надежной точностью и по разным оценкам колеблется от 1 до 10 кг.

По предварительным расчетам, общий вес атомной бомбы, содержащей 5–10 кг урана-235 или плутония и эквивалентной по своему разрушительному действию 10000–50000 тонн тола, равен 3–5 тоннам.

Конструирование атомной бомбы требует проведения серьезных артиллерийских и взрывных работ с участием специальных организаций наркоматов вооружения и боеприпасов».

Отметим, что до начала 1945 года в СССР была известна схема атомной бомбы только одного из указанных в справке И. В. Курчатова типов – типа пушечного сближения. Однако уже с февраля 1945 года в СССР по каналам разведки начали поступать сообщения о работах в США над новой схемой атомной бомбы, основанной на принципе имплозии. В письме народного комиссара государственной безопасности В. Н. Меркулова на имя Л. П. Берия от 28 февраля 1945 года говорилось, что в США «разрабатываются два способа производства взрыва атомной бомбы: 1) баллистический и 2) методом «внутреннего взрыва» (т. е. имплозии) [12, с. 120–122]. 16 марта 1945 года И. В. Курчатова подписал заключение по материалам при препроводительной от 5 марта 1945 года, в котором отметил возможность того, что метод имплозии «следует предпочесть методу «выстрела». Сейчас трудно дать окончательную оценку правильности такого заключения, но несомненно, что метод «взрыва вовнутрь» представляет большой интерес, принципиально правилен и должен быть подвергнут серьезному теоретическому и опытному анализу» [12, с. 123].

Наконец, давая 7 апреля 1945 года (уже после написания справки к плану работ Лаборатории № 2 на 1945 год) заключение по материалу при препроводительной от 6 апреля 1945 года и характеризуя один из разделов этого материала, И. В. Курчатов писал:

«В этом, наибольшем по объему, разделе материалов изложен метод приведения бомбы в действие "взрывом вовнутрь" (implosion method), о котором мы узнали совсем недавно и работу над которым только еще начинаем. Однако уже сейчас нам стали ясными все его преимущества перед методом встречного выстрела» [12, с. 124].

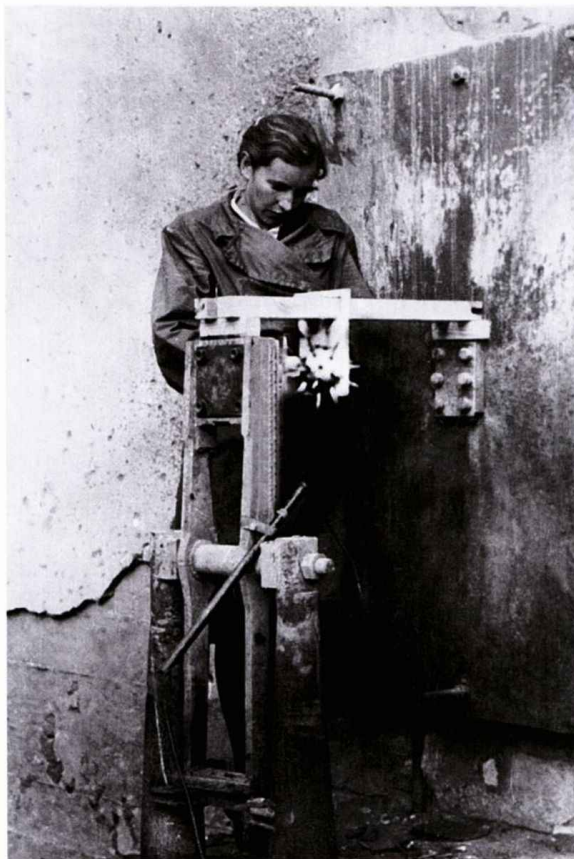
В этом заключении И. В. Курчатов поставил вопрос об ознакомлении с частью рассматриваемого материала Ю. Б. Харитона. По данному вопросу И. В. Курчатов 30 апреля 1945 года обратился с письмом к одному из руководителей советской разведки Г. Б. Овакимяну: «При препроводительной от 6 апреля 1945 года направлен исключительно важный материал по "implosion"-методу. Ввиду того что этот материал специфичен, я прошу Вашего разрешения допустить к работе по его переводу проф. Ю. Б. Харитона (от 2-й половины стр. 2 до конца, за исключением стр. 22).

Проф. Ю. Б. Харитон занимается в лаборатории конструкцией урановой бомбы и является одним из крупнейших ученых нашей страны по взрывным явлениям.

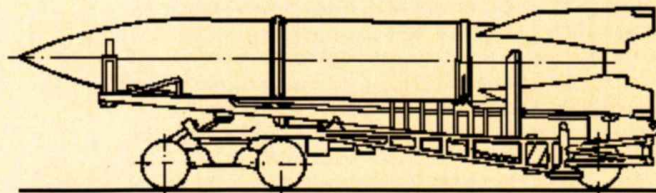
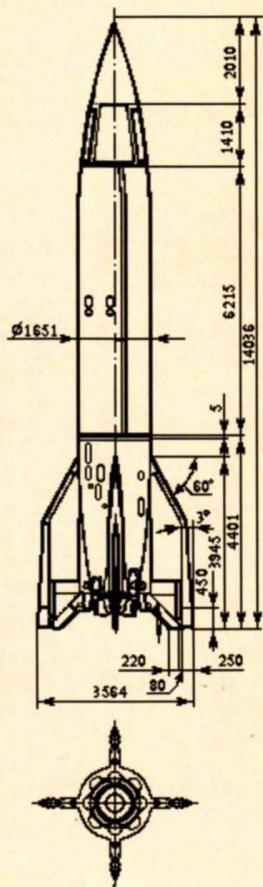
До настоящего времени он не был ознакомлен с материалами даже в русском тексте, и только я устно сообщил ему о вероятностях самопроизвольного деления урана-235 и урана-238 и об общих основаниях "implosion"-метода» [20, с. 278–279].

Рассматривая поступившую в СССР в начале 1945 года информацию из зарубежных источников, касающуюся принципа имплозии, нельзя не отметить следующий важный факт.

30 марта 1945 года И. В. Курчатов подписал отзыв о материале «О немецкой атомной бомбе», в котором говорилось:

Подготовка взрывного опыта (фото Ю. Б. Харитона)

Чертеж ракеты «Фау-2»

«Материал исключительно интересен. Он содержит описание конструкции немецкой атомной бомбы, предназначенной к транспортировке на ракетном двигателе типа «Фау».

Перевод урана-235 через критическую массу, который необходим для развития цепного атомного процесса, производится в описываемой конструкции взрывом окружающей уран-235 смеси пористого тринитротолуола и жидкого кислорода. Запал урана осуществляется быстрыми нейтронами, генерируемыми при помощи высоковольтной трубки, питаемой от специальных генераторов.

Для защиты от тепловых нейтронов футляр с ураном окружается слоем кадмия.

Все эти детали конструкции вполне правдоподобны и совпадают с теми, которые и у нас кладутся в основу конструирования атомной бомбы¹⁰.

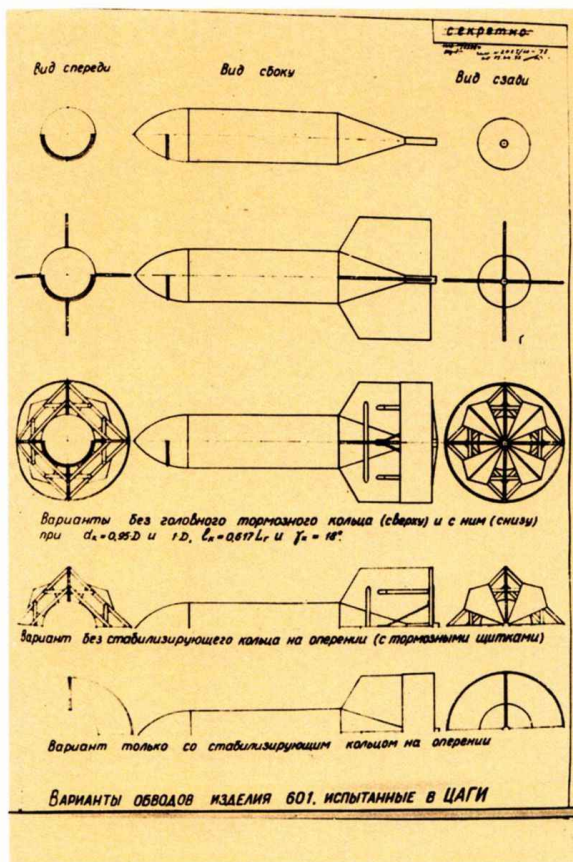
Надо отметить, что на основе ознакомления с материалом у меня не осталось полной уверенности, что немцы действительно делали опыты с атомной бомбой» [20, с. 260–261].

¹⁰ Подчеркнутый текст зачеркнут в оригинале рукописи И. В. Курчатова.

Далее И. В. Курчатов подчеркнул исключительную важность получения более подробной и точной информации по вопросам, которых касается материал, в том числе по имеющимся в виду в Германии способам получения урана-235.

Таким образом, ряду немецких ученых, по крайней мере в 1945 году, был известен принцип имплозии. К идейному потенциалу, которым они располагали, относилась и идея инициирования ядерной цепной реакции в атомной бомбе потоком быстрых нейтронов, получаемых с помощью высоковольтной трубки. Как известно, в первых атомных бомбах США и СССР имплозивного типа инициирование цепной реакции осуществлялось внутренним Po-Be источником нейтронов, использование которого было связано с большими эксплуатационными неудобствами. Прогрессивная идея использования внешнего источника нейтронов, генерируемых высоковольтной трубкой, была реализована впоследствии уже в усовершенствованных конструкциях атомных бомб (в СССР – в 1954 году) [23, с. 196–197].

Несмотря на огромный интерес И. В. Курчатова к имплозивной схеме атомной бомбы, экспериментальные работы по атомной бомбе, проводившиеся Лабораторией № 2 в 1945 году, относились, как отмечалось выше, к схеме атомной бомбы типа пушечного сближения. В июне 1945 года В. А. Махнев обратился к Л. П. Берия с письмом с просьбой об отсрочке представления предложений, касающихся развертывания работ по атомным бомбам БС-1 и БС-2, которые Лаборатория № 2 была обязана разработать в соответствии с Постановлением ГКО № 8579сс/ов [24, л. 103]. Экспериментальные работы по имплозивной схеме атомной бомбы были организованы уже после образования Специального комитета и Первого главного управления.

Разработка авиационной бомбы для заряда РДС-1

Тактико-техническое задание
на Атомную бомбу

Атомная бомба разрабатывается в двух вариантах.

В варианте I рабочим веществом является плутоний

В варианте II — уран 235

2. В варианте I переход через критическое состояние осуществляется посредством взрыва специально сконструированного

составленного из блоков обычного

Хиросима после атомной бомбардировки

ОБРАЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО КОМИТЕТА И ПЕРВОГО ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

10

Август 1945 года ознаменовался кардинальными изменениями в организации работ по проблеме атомной энергии в СССР. Как известно, 16 июля 1945 года США провели первое в мире испытание атомной бомбы, а 6 и 9 августа осуществили атомные бомбардировки японских городов Хиросима и Нагасаки. Мир был поставлен перед фактом монопольного обладания США новым, беспрецедентным по мощности и невиданным по своим поражающим факторам оружием. Атомными бомбардировками городов Японии руководство США продемонстрировало свою готовность реально применять это оружие.

20 августа 1945 года И. В. Сталин подписал Постановление Государственного Комитета Обороны СССР № 9887сс/оп, которым атомному проекту СССР фактически был придан высший государственный приоритет [22, с. 11–14]. Постановление предусматривало создание новых государственных органов – Специального комитета при Государственном Комитете Обороны (в дальнейшем при Совете народных комиссаров и Совете министров СССР) и Первого главного управле-

Б. Л. Ванников

А. П. Завенягин

ния при СНК (СМ) СССР, призванных руководить всеми работами по проблеме атомной энергии и наделенных широкими полномочиями. Распоряжения Специального комитета были обязательными к выполнению министерствами и ведомствами. Создание Специального комитета и Первого главного управления было реакцией советского правительства на грозные события августа 1945 года.

Специальный комитет возглавил Л. П. Берия, в его состав вошли Г. М. Маленков, Н. А. Вознесенский, Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин, И. В. Курчатов, П. Л. Капица, В. А. Махнев, М. Г. Первухин. Начальником ПГУ был назначен Б. Л. Ванников.

На Специальный комитет была возложена организация всей деятельности по использованию атомной энергии в СССР: научно-исследовательских работ, разведки месторождений и добычи урана в СССР и за его пределами, создания атомной промышленности, атомно-энергетических установок, разработки и производства атомных бомб. Последняя задача являлась ключе-

вой – ее решению в первые годы реализации атомного проекта СССР были посвящены все другие задачи.

Специальный комитет стал подлинным штабом советского атомного проекта. Он рассматривал все наиболее принципиальные вопросы, возникавшие в ходе осуществления советского атомного проекта.

На заседаниях Специального комитета обсуждались, корректировались и одобрялись относящиеся к советскому атомному проекту проекты постановлений и распоряжений ГКО, СНК (СМ) СССР, которые представлялись затем на утверждение И. В. Сталину или подписывались Л. П. Берия. К моменту проведения испытания первой советской атомной бомбы было проведено 84 заседания Специального комитета. За период 1945–1949 годов по вопросам советского атомного проекта было принято свыше 1000 постановлений и распоряжений ГКО, СНК и СМ СССР.

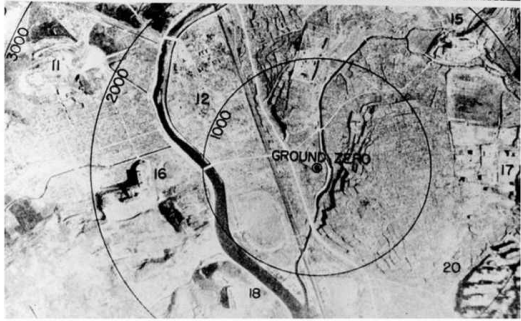
Задачей Первого главного управления (ПГУ) было непосредственное руководство научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по использованию атомной энергии и производству атомных бомб.

При Специальном комитете был образован Технический совет, председателем которого стал Б. Л. Ванников, а заместителем председателя вскоре был назначен И. В. Курчатов. 10 декабря 1945 года Постановлением СМ СССР № 3061-915сс при Специальном комитете в дополнение к Техническому совету был организован Инженерно-технический совет под председательством М. Г. Первухина [22, с. 415–419].

Первое заседание Специального комитета, состоявшееся 24 августа 1945 года, открылось программным докладом И. В. Курчатова [22, с. 15, 612].

На заседании Специального комитета 28 сентября 1945 года было утверждено постановление Технического совета Специального комитета о дополнительном при-

влечении к работам по проблеме использования атомной энергии научных учреждений, ученых и специалистов. Постановление предусматривало проведение в 20 научных организациях конкретных научно-исследовательских работ. В числе привлеченных научно-исследовательских институтов был НИИ-6 Наркомбоеприпасов, которому поручалось «провести опыты по обжатию металлического шара взрывной волной от шарового слоя тола» [22, с. 27–35].

Хиросима до и после атомной бомбардировки

~~Совершенно секретно~~
Особая инспекция.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

№ 9987сс/он.

"20" августа 1945 года Москва, Кремль.

"О Специальном Комитете при ГОКО"

Государственный Комитет Обороня **ПОСТАНОВЛЯЕТ:**

1. Образовать при ГОКО Специальный Комитет в составе т.т.

1. БЕРИЯ Л.П. (председатель)
2. МАЛЕНКОВ Г.М.
3. ВОЗНЕСЕНСКИЙ Н.А.
4. ВАННИКОВ Б.Л.
5. ЗАВЕНЯГИН А.П.
6. КУРЧАТОВ И.В.
7. КАПИЦА П.Л.
8. МАХНЕВ В.А.
9. ПЕРВУХИН М.Г.

2. Возложить на Специальный Комитет при ГОКО руководство всеми работами не используя внутреннюю
ней значимы плана :

развитие научно-исследовательских работ в этой области,

2.

широкое развертывание исследовательских работ и создание сырьевой базы СССР по добыче урана, а также использование урановых месторождений за пределами СССР (в Болгарии, Чехословакии и др. странах); организацию промышленности по переработке урана производству специального оборудования и материалов, связанных с использованием внутриатомной энергии; а также строительство атомно-энергетических станций и разработку и производство атомной бомбы.

3. Для предварительного рассмотрения научных и технических вопросов, вносимых на обсуждение Специального Комитета при ГОКО, рассмотрения планов научно-исследовательских работ и отчетов по ним, а также технических проектов сооружений, конструкций и установок по использованию внутриатомной энергии урана – создать при Комитете Технический Совет в следующем составе:

1. ВАННИКОВ Б.Л. (председатель)
2. АЛИХАНОВ А.И. академик (ученый секретарь)
3. ВОЗНЕСЕНСКИЙ И.Н. член-корреспондент Академии Наук СССР
4. ЗАВЕННИГИН А.П.
5. ИОФФЕ А.Ф. академик
6. КАПИЦА П.Л. академик
7. КИКОИН И.К. член-корреспондент Академии Наук СССР
8. КУРЧАТОВ И.В. академик
9. МАХНЕВ В.А.
10. ХАРИТОН Д.Б. профессор
11. ХЛОПИН В.Г. академик.

4. Для непосредственного руководства научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими организациями и

3.

промышленными предприятиями по использованию внутриатомной энергии урана и производству атомной бомбы организовать при СНК СССР Главное Управление – "Первое Главное Управление при СНК СССР", подчинив его Специальному Комитету при ГОКО.

5. Обязать Специальный Комитет при ГОКО разработать и представить на утверждение Председателя ГОКО план работ Комитета и Первого Главного Управления при СНК СССР и мероприятия по их осуществлению.

6. Специальный Комитет при ГОКО принимает оперативные меры по обеспечению выполнения заданий, возложенных на него настоящим Постановлением; издает распоряжения, обязательные к исполнению для наркоматов и ведомств, а в случаях, требующих решения Правительства, вносит свои предложения непосредственно на утверждение Председателя ГОКО.

Специальный Комитет при ГОКО имеет свой аппарат, смету расходов и текущий счет в Госбанке СССР.

7. Специальный Комитет при ГОКО определяет и утверждает для Первого Главного Управления при СНК СССР размер потребных ему денежных ассигнований, рабочей силы и материально-технических ресурсов с тем, что Госпланом СССР эти ресурсы включаются в балансы распределения как "Специальные расходы ГОКО".

8. Председатель Госплана СССР г.ВОЗНЕСЕНСКОМУ Н.А. организовать в Госплане СССР управление по обеспечению заданий Специального Комитета при ГОКО.

Назначить начальником указанного управления Зам.Председателя Госплана СССР г.БОРИСОВА Н.А., освободив его от другой работы по Госплану и ГОКО.

4.

9. Установить, что финансирование расходов и содержания Специального Комитета при ГОКО, Первого Главного Управления при СНК СССР, научно-исследовательских, конструкторских, проектных организаций и промышленных предприятий последнего, а также работ, выполняемых другими наркоматами и ведомствами по заказам Управления, относятся на союзный бюджет по статье - "Специальные расходы ГОКО".

Финансирование капитального строительства для Первого Главного Управления проводить через Госбанк.

Освободить Первое Главное Управление и подведомственные ему учреждения и предприятия от регистрации штатов в финансовых органах.

10. Утвердить Начальником Первого Главного Управления при СНК СССР и заместителем Председателя Специального Комитета при ГОКО тов. ВАННИКОВА Б.Л., с освобождением его от обязанностей Народного Комиссара Боеприпасов.

Заместителями начальника Главка:

ЗАВЕНЯГИНА А.П.	- первый заместитель
БОРИСОВА Н.А.	- заместитель
МЯШИКА П.Я.	- "
АНТРОПОВА П.Я.	- "
КАСАТКИНА А.Г.	- "

11. Установить, что Первое Главное Управление при СНК СССР, его предприятия и учреждения, а также работы, выполняемые другими наркоматами и ведомствами для него, контролируются Специальным Комитетом при ГОКО.

Никакие организации, учреждения и лица без особого разрешения ГОКО не имеют права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность Первого Главного Управления, его предприятий и учреждений или требовать

5.

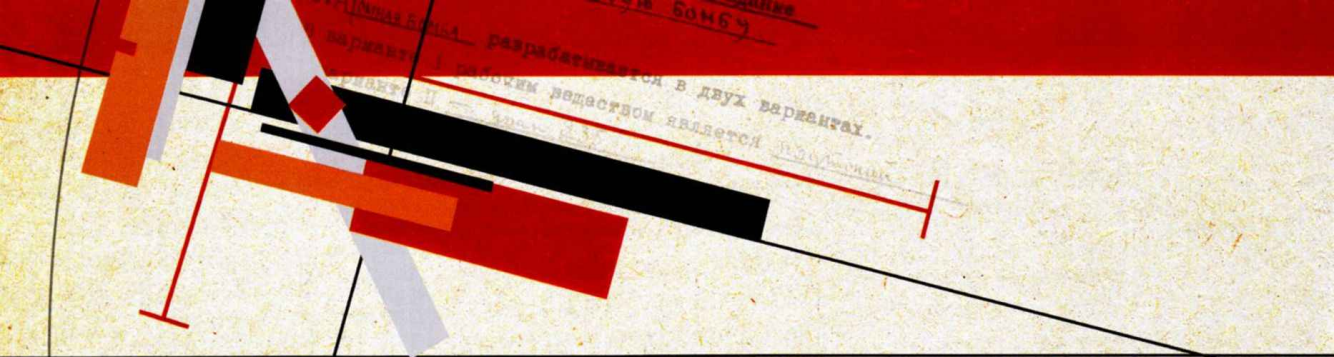
справок о его работе или работах, выполняемых по заказам Первого Главного Управления. Вся отчетность по указанным работам направляется только Специальному Комитету при ГОКО.

12. Поручить Специальному Комитету в 10-дневный срок внести на утверждение Председателя ГОКО предложения о передаче Первому Главному Управлению при СНК СССР необходимых для его работы научных, конструкторских, проектных, строительных организаций и промышленных предприятий, а также утвердить структуру, штаты и оклады работников аппарата Комитета и Первого Главного Управления при СНК СССР.

13. Поручить тов. БЕРИЯ принять меры к организации факторной разведывательной работы по получению более полной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомных бомбах, возложив на него руководство всей разведывательной работой в этой области, проводимой органами разведки (Нильс, Р.У.С.А. и др.).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

И. СТАЛИН

...разрабатывается в двух вариантах.
...является

Л. Д. Ландау (слева) и П. Л. Капица

И. В. КУРЧАТОВ ПРОДОЛЖАЕТ БОРЬБУ ЗА ПРИВЛЕЧЕНИЕ К РАСЧЕТАМ АТОМНЫХ БОМБ Л. Д. ЛАНДАУ

Будучи и после образования Специального комитета фактическим научным руководителем советского атомного проекта, И. В. Курчатов, наряду с участием в решении сложнейших проблем создания атомной промышленности, по-прежнему уделял большое внимание и проблеме расчетно-теоретического обоснования и конструирования атомных бомб.

Поражает настойчивость И. В. Курчатова в решении вопроса о привлечении Л. Д. Ландау к расчетам атомных бомб. Несомненно, что подобная настойчивость была его неотъемлемой чертой в тех случаях, когда предлагаемую им меру или решение он считал абсолютно необходимым.

18 декабря 1945 года И. В. Курчатов обратился к Л. П. Берия с письмом, в котором говорилось: «Выполнение ряда работ, проводимых лабораторией, особенно тех из них, которые связаны с заводской продукцией¹¹, продвигалось бы значи-

¹¹ Условное наименование атомных бомб.

11

Тактико-тех
на Атом

1. Атомная бомба разработана
В варианте I рабочим ведом
В варианте II — Иван
2. В вариантах

тельно успешнее, если бы в них принимал участие профессор, доктор физико-мат[ематических] наук Лев Давидович Ландау, завед[ующий] теор[етическим] отделом Института физических проблем Академии наук СССР.

Проф. Л. Д. Ландау – крупнейший физик-теоретик нашей страны.

Обращаюсь к Вам с просьбой разрешить Лаборатории № 2 привлечь проф. Л. Д. Ландау к теоретической разработке указанных выше вопросов и к участию в заседаниях Лабораторного семинара» [15, с. 79].

Благодаря настойчивости И. В. Курчатова вопрос о привлечении Л. Д. Ландау к расчетам атомных бомб был окончательно решен в 1946 году. На состоявшемся 11 февраля 1946 года под председательством И. В. Курчатова заседании Технического совета Специального комитета, на котором был заслушан доклад Ю. Б. Харитона об атомных бомбах, было принято решение, включавшее следующие пункты:

«1. Принять доклад к сведению.

2. Поручить группе физиков-теоретиков под общим руководством проф. Ландау Л. Д. подготовить все материалы для количественного расчета испытаний образцов промышленной продукции»¹².

Считать необходимым создание расчетной группы, снабженной современной счетной аппаратурой, для вы-

полнения численных расчетов, связанных с обработкой материалов теоретической группы.

3. Поручить тт. Соболеву и Харитону к 25 февраля с.г. внести на утверждение Технического совета план мероприятий по созданию и оснащению расчетной группы необходимым современным оборудованием (счетными аппаратами)» [25, с. 74–76; 15, с. 93–94].

Основные работы Л. Д. Ландау и сотрудников его группы по решению задачи расчета энерговыделения атомных бомб – решению задачи расчета КПД (коэффициента полезного действия бомб¹³) – развернулись в Институте физических проблем АН СССР, когда директором этого Института вместо П. Л. Капицы¹⁴ был назначен А. П. Александров и на Институт физических проблем было возложено решение ряда задач по атомному проекту СССР¹⁵.

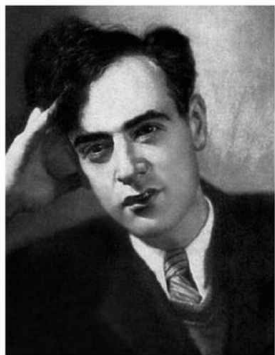
Результатом работ Л. Д. Ландау и сотрудников его группы по решению задачи расчета энерговыделения атомных бомб явилось создание теории КПД, удовлетворительно соответствующей экспериментальным результатам, полученным при испытаниях первых американских, а затем и советских атомных бомб, несмотря на то, что математическое моделирование физических процессов при взрыве производилось с помощью системы обыкновенных дифференциальных уравнений.

¹² Условное наименование атомных бомб.

¹³ Выражение, получившее распространение в профессиональных кругах.

¹⁴ Освобожден от обязанностей члена Специального комитета и члена Технического совета Специального комитета постановлением СМ СССР от 21 декабря 1945 года [22, с. 419].

¹⁵ Постановлениями СМ СССР от 17 августа 1946 года № 1815-782с «О производстве кислорода по методу академика П. Л. Капицы» и от 30 ноября 1946 года № 2557-1069сс «О плане работ Института физических проблем АН СССР и мерах помощи Институту» [26, с. 7–11, 79–83].

Л. Д. Ландау

А. П. Александров

А. Н. Тихонов

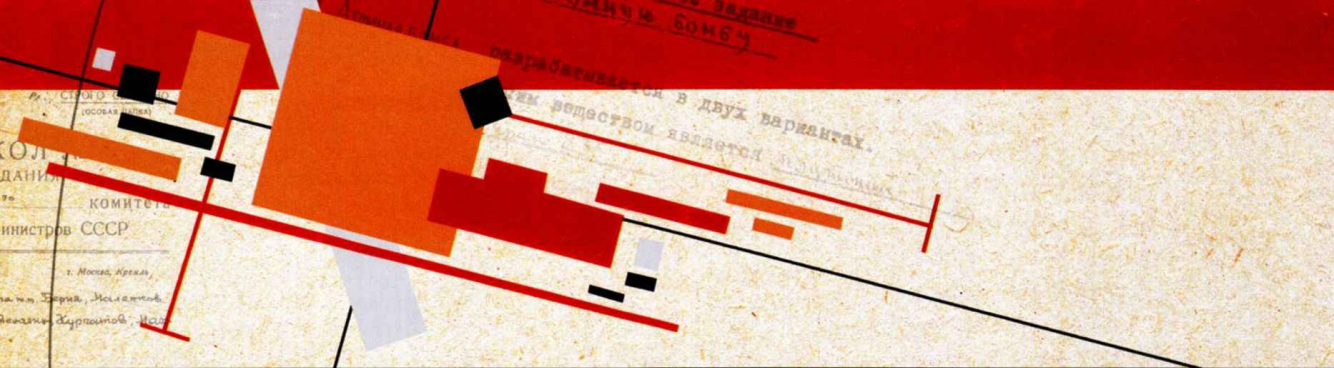
Тестированная по результатам приближенных расчетов формула КПД Л. Д. Ландау использовалась физиками-теоретиками – разработчиками атомных бомб в течение целого ряда лет.

В дальнейшем получили развитие прямые численные расчеты энерговыделения атомного взрыва методом конечных разностей на основе моделей основных физических процессов (распространение нейтронов и тепловой энергии, ядерного горения и газодинамики), описываемых системой нелинейных дифференциальных уравнений в частных производных. Пионерские работы по этому направлению в СССР, начатые в 1948 году, принадлежат А. Н. Тихонову и сотрудникам его группы [27].

Необходимость решения задачи создания атомной промышленности и производства атомных бомб в СССР в возможно более короткий срок диктовала необходимость использования жестких мер по при-

влечению к этим работам достаточных материальных и людских ресурсов. Привлечение персонала зачастую принимало форму мобилизации. В то же время уже на раннем этапе работ руководство советского атомного проекта разработало систему поощрения участников работ. 21 марта 1946 года было принято Постановление СМ СССР № 627-258сс «О премиях за научные открытия и технические достижения в области использования атомной энергии и за работы в области космического излучения, способствующие решению этой проблемы» [22, с. 421–428]. В преамбуле постановления было подчеркнуто, что всемерное развитие научных и инженерных изысканий по практическому использованию атомной энергии для народно-хозяйственных целей и для нужд обороны страны является задачей первостепенного значения.

Вид на будущее административное здание ВНИИЭФ, 50-е годы XX века

СОЗДАНИЕ КОНСТРУКТОРСКОГО БЮРО № 11 ПРИ ЛАБОРАТОРИИ № 2 АКАДЕМИИ НАУК СССР. ПЕРВЫЕ ЗАДАЧИ КБ-11: РАЗРАБОТКА АТОМНОЙ БОМБЫ РДС-1 ИМПЛОЗИВНОГО ТИПА С ПЛУТОНИЕМ И АТОМНОЙ БОМБЫ РДС-2 ПУШЕЧНОГО ТИПА С УРАНОМ-235

9 апреля 1946 года Совет министров СССР принял важные решения, касающиеся организации работ над атомным проектом СССР.

Постановление СМ СССР № 803-325сс «Вопросы Первого главного управления при СМ СССР» предусматривало изменение структуры ПГУ и объединение Технического и Инженерно-технического советов Специального комитета в единый Научно-технический совет в составе ПГУ. Председателем НТС ПГУ был назначен Б. Л. Ванников, заместителями председателя НТС – И. В. Курчатов и М. Г. Первухин [9, с. 197–201]. С 1 декабря 1949 года председателем НТС ПГУ стал И. В. Курчатов [22, с. 606–609; 15, с. 701–704].

Постановлением СМ СССР № 805-327сс «Вопросы Лаборатории № 2» [22, с. 429–430; 15, с. 101] сектор № 6 этой Лаборатории был преобразован в Конструкторское бюро № 11 при Лаборатории № 2 АН СССР по разработке конструкции и изготовлению опытных образцов реактивных двигателей (условное наименование атомных бомб). Конструкторское бюро

12

Тактико-тех
на АТОМ

1. Атомная бомба разработана
В варианте I рабочих чертежей
В варианте II
1949

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 805-324сс

от 9 апреля 194 г. Москва, Кремль.

Вопросы лаборатории № 2.

1. Реорганизовать сектор № 6 лаборатории № 2 Академии наук СССР в Конструкторское бюро при лаборатории № 2 АН СССР по разработке конструкции и изготовлению опытных образцов реактивных двигателей.

2. Указанное Конструкторское бюро впредь именовать Конструкторское бюро № 2 при лаборатории № 2 Академии наук СССР.

3. Назначить:

тов. Зернова П.М. - заместителя Министра Транспортного Машиностроения Начальником КБ-ИИ с освобождением от текущей работы по Министерству;

профессора Харитона Е.В. главным конструктором КБ-ИИ по конструированию и изготовлению опытных реактивных двигателей.

4. Принять предложение Комиссии тт. Ванникова, Яковлева, Завенягина, Горемыкина, Мешка и Харитона о размещении КБ-ИИ на базе завода № 550 Министерства Сельскохозяйственного машиностроения и прилегающей к нему территории.

5. Считать необходимым:

а) привлечь Институт Химической физики Академии наук СССР (директор академик Семенов И.П.) к выполнению по заданиям лаборатории № 2 (академика Курчатова) расчетов, связанных с конструированием реактивных двигателей, к проведению измерений необходимых констант и подготовке к проведению основных испытаний реактивных двигателей;

б) организовать в Институте Химической физики Академии наук СССР разработку теоретических вопросов ядерного взрыва и горения и вопросов применения ядерного взрыва и горения в технике.

В связи с этим переключить все основные силы Института Химической физики Академии наук СССР на выполнение указанных задач.

РАСРЕДЕЛЕННО
СОВ. СЕКРЕТНО
(Особая марка)

2.

6. Возложить на Первое Главное Управление при Совете Министров Союза ССР (т. Ванникова) материально-техническое обеспечение работ КБ-ИИ и Института Химической физики АН СССР.

7. Поручить т. Ванникову рассмотреть и решить совместно с тт. Зерновым и Харитоновым все вопросы, связанные с приспособлением завода № 550 под КБ-ИИ.

8. Поручить тт. Ванникову (осозн), Зернову, Курчатovu, Харитону, Семенову, Перухину, Устинову и Завенягину рассмотреть предложения академика Семенова о мерах обеспечения работ, возложенных на Институт Химической физики и в 5-дневный срок разработать и представить проект решения по данному вопросу.

Совет Министров Союза ССР.

№ 11 называлось в документах также «объект № 550» [15, с. 298–300].

Постановление предусматривало размещение КБ-11 в районе поселка Сарова на границе Горьковской области и Мордовской АССР (теперь г. Саров Нижегородской области, известный также как Арзамас-16). Начальником КБ-11 был назначен П. М. Зернов, главным конструктором по конструированию и изготовлению опытных реактивных двигателей – Ю. Б. Харитон. Так был учрежден советский аналог Лос-Аламосской лаборатории США.

Постановлением СМ СССР № 1286-525сс от 21 июня 1946 года «О плане развертывания работ КБ-11 при Лаборатории № 2 АН СССР» [22, с. 434–456; 15, с. 146–148] были определены первые задачи КБ-11: создание под научным руководством Лаборатории № 2 (академика И. В. Курчатова) атомных бомб, условно названных в постановлении «реактивными двигателями С», в двух вариантах – РДС-1 и РДС-2. (Таким образом, вместо использованного в постановлении ГКО от 15 мая 1945 года обозначения атомной бомбы «БС» стало использоваться обозначение «РДС».) Под РДС-1 понимался аналог первой американской атомной бомбы имплозивного типа «сплошной» конструкции на основе плутония-239 (она же аналог американской атомной бомбы, взорванной над городом Нагасаки), под РДС-2 – аналог бомбы пушечного типа на основе урана-235, взорванной над городом Хиросима.

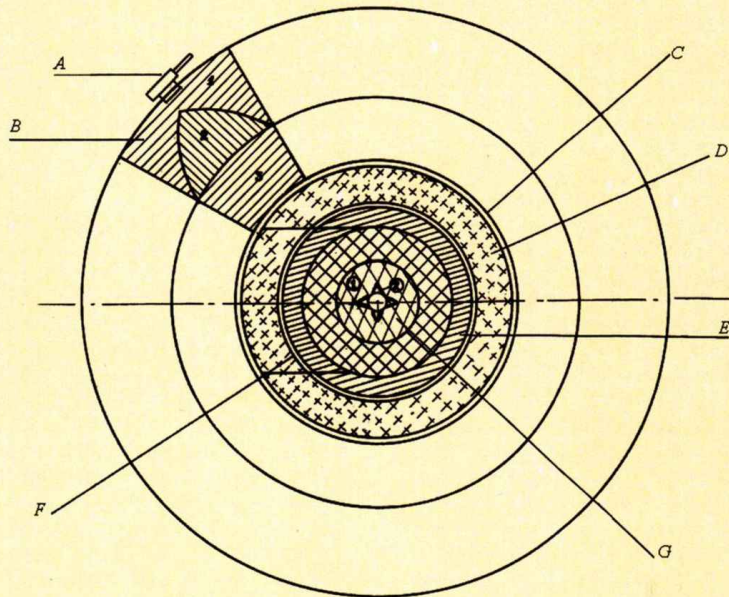
Отметим чрезвычайно сжатые сроки этапов работ, установленных этим постановлением. Так, тактико-технические задания на конструкции РДС-1 и РДС-2 должны были быть разработаны уже к 1 июля 1946 года, а конструкции их главных узлов – к 1 июля 1947 года. Полностью изготовленная бомба РДС-1 должна была быть предъявлена к государственным испытаниям для взрыва при установке на земле к 1 января 1948 года, в авиационном исполнении – к 1 марта 1948 года, а бомба РДС-2 –

соответственно к 1 июня 1948 года и к 1 января 1949 года. Работы по созданию конструкций должны были проводиться параллельно с организацией в КБ-11 специальных лабораторий и развертыванием работ этих лабораторий. Такие сжатые сроки и организация параллельных работ стали возможными также благодаря поступлению в СССР разведывательных материалов, включавших данные о конструкциях американских атомных бомб «Малыш» и «Толстяк», сброшенных США на Хиросиму и Нагасаки [15, с. 763-798, 801-839; 12].

Бомба РДС-1 и первоначальный (пушечный) вариант бомбы РДС-2 по принятому в 1946 году решению руководства советского атомного проекта должны были быть в максимально возможной степени идентичны американским. Такое решение имело по своей сути политический характер: предполагалось, что оно существенно сократит сроки разработки и явится гарантией успеха, что отвечало задаче скорейшей ликвидации монополии США в обладании атомным оружием.

В то же время наличие разведывательных материалов не могло заменить собственную теоретическую, экспериментальную и конструкторскую отработку подготавливаемых к испытаниям советских атомных бомб. Ввиду чрезвычайной ответственности руководителей и участников советского атомного проекта за исход первого испытания бомба РДС-1 была испытана после тщательной проверки имевшейся информации и полного цикла всесторонних исследований, уровень которых максимально отвечал возможностям того времени.

Важной особенностью требований к конструкциям РДС-1 и РДС-2 было то, что эти бомбы должны были быть отработаны как реальные авиационные бомбы, пригодные для сброса с самолета. В связи с этим программа работ включала баллистические испытания макетов этих бомб и создание приборов, обеспечивающих взрыв на заданной высоте.

Принципиальная схема
атомной бомбы типа «Толстяк»
из информационного материала
№ 464¹⁶ (без учета масштаба)

¹⁶ Указан номер информационного материала по классификации Бюро № 2. Бюро № 2 – орган в составе Специального комитета, созданный решением Специального комитета от 28 сентября 1945 года [22, с. 29–30]. Был подчинен непосредственно председателю Специального комитета Л. П. Берия. Задачами Бюро № 2 являлись обработка и перевод на русский язык документов и материалов по проблеме использования атомной энергии, поступающих в СССР из различных зарубежных источников, в том числе по каналам разведки.

*Н. Н. Семенов**К. И. Щелкин**А. С. Александров**П. М. Зернов*

Постановлением СМ СССР № 1286-525сс к работам по созданию РДС-1 и РДС-2 по заданиям КБ-11 был привлечен целый ряд научно-исследовательских и конструкторских учреждений. В их числе были НИИ-6, НИИ-504, КБ-47 Министерства сельскохозяйственного машиностроения, КБ-88 Министерства вооружения, КБ Кировского завода (г. Челябинск) Министерства тракторного машиностроения.

Для обеспечения создания в СССР в трудных условиях послевоенного времени атомного оружия на строительство и развертывание работ КБ-11 и других предприятий атомной промышленности, несмотря на резкий дефицит ресурсов, было направлено большое количество материалов и необходимого оборудования. Постановлением СМ СССР № 2143-565сс/оп от 19 июня 1947 года «О мерах по обеспечению развертывания работ на объекте № 550» при Лаборатории № 2 был организован Научно-технический совет по вопросам КБ-11 [22, с. 472–477; 15, с. 298–300]. Председателем

Совета был назначен И. В. Курчатов, его заместителем – Ю. Б. Харитон. В состав Совета вошли Н. Н. Семенов, К. И. Щелкин, А. С. Александров, П. М. Зернов. Экспертами Совета были назначены А. П. Александров, И. К. Кикоин, Я. Б. Зельдович, А. А. Бочвар, А. С. Займовский, Б. А. Никитин, К. В. Селихов. В задачи Научно-технического совета входило обсуждение научно-технических вопросов, связанных с разработкой атомных бомб и их отдельных узлов. В дальнейшем указанный совет получил статус Научно-технического совета КБ-11 (Постановление СМ СССР № 5468-2082сс от 1 декабря 1949 года «О Первом главном управлении при СМ СССР» [22, с. 606–609; 15, с. 701–704].

Атомная бомба разрабатывается в двух вариантах.

В варианте I рабочим веществом является плутоний

варианте II — уран 235

В варианте I переход из кристического состояния
осуществляется посредством специально сконструированного
составленного из блоков обычного

Первый исследовательский реактор Ф-1

Курс
состав
постанов
n of 10
и Совета и
Ф-1 должен
расчетному
РСС-1 — пер
время варианта
для сплоченного а
тивом. Надежно
са обидания, объек
коэффициента, полет
осле эти расчеты на
линии данных КБ-11
комитете осуществлению

ЯДЕРНЫЙ РЕАКТОР Ф-1 – ПЕРВЫЙ В СССР, ПЕРВЫЙ В ЕВРОПЕ И АЗИИ. ПРИЕМ И. В. СТАЛИНЫМ УЧАСТНИКОВ РАБОТ НАД СОВЕТСКИМ АТОМНЫМ ПРОЕКТОМ

Первоочередными были две задачи: организация промышленного производства плутония-239 и урана-235.

Для решения первой задачи было необходимо создание опытного, а затем и промышленного ядерных реакторов, строительство радиохимического и специального металлургического цехов. Для решения второй задачи было развернуто строительство завода по разделению изотопов урана диффузионным методом.

Решение этих задач оказалось возможным в результате создания промышленных технологий, организации производства и наработки необходимых больших количеств чистого металлического урана, окиси урана, гексафторида урана, других соединений урана, графита высокой чистоты и целого ряда других специальных материалов, создания комплекса новых промышленных агрегатов и приборов. Недостаточный объем добычи урановой руды и получения урановых концентратов в СССР в этот период был компенсиро-

Работы совершенно секретно 67
1946

Товарищу Сталину И. В.

Докладываю:

26 декабря 1946 года в лаборатории
т. Курчатова закончен сооруженная и
пущен в действие опытный физический
уран-графитовый котел.

В первые три дни работы (25-26-27
декабря) уран-графитовый котел уже
получил впервые в СССР в пилотажном
масштабе ядерную цепную реакцию.
При этом достигнута возможность
регулировать работу котла в нужные
пределы и управлять протекающей
в нем цепной ядерной реакцией.

Построенный опытный физический
уран-графитовый котел содержит
37,800 килограмм совершенно чистого
металлического урана 12,900 килограмм
чистой двуокиси урана и 420,000
килограмм чистого графита.

С помощью построенного физического
уран-графитового котла мы получим

В чехол №1-1
за 1946 г.

в состоянии решить важнейшие
вопросы проблемы практической получения
и использования атомной энергии,
которые до сих пор времени рассматривались
только предположительно, на основании
теоретических расчетов.

Л. Берия
И. Курчатова
Буцаева
А. Митрофанов

28/12-1946 г.

ван трофейным сырьем и продукцией урановых предприятий стран Восточной Европы, с которыми СССР заключил соответствующие соглашения.

Первый в СССР (он же первый в Европе и Азии) опытный ядерный реактор Ф-1, строительство которого было осуществлено в Лаборатории № 2 АН СССР, был успешно пущен 25 декабря 1946 года. Значение этого исторического события прекрасно передает докладная записка на имя И. В. Сталина, написанная 28 декабря 1946 года Л. П. Берия, И. В. Курчатовым, Б. Л. Ванниковым и М. Г. Первухиным [22, с. 631–632].

«Товарищу Сталину И. В.

Докладываем:

25 декабря 1946 года в лаборатории т. Курчатова закончен сооружением и пущен в действие опытный физический уран-графитовый котел.

В первые же дни работы (25–26–27 декабря) уран-графитового котла мы получили впервые в СССР в ползуаводском масштабе ядерную цепную реакцию. При этом достигнута возможность регулировать работу котла в нужных пределах и управлять протекающей в нем цепной ядерной реакцией.

Построенный опытный физический уран-графитовый котел содержит 34800 килограммов совершенно чистого металлического урана, 12900 килограммов чистой двуокиси урана и 420000 килограммов чистого графита.

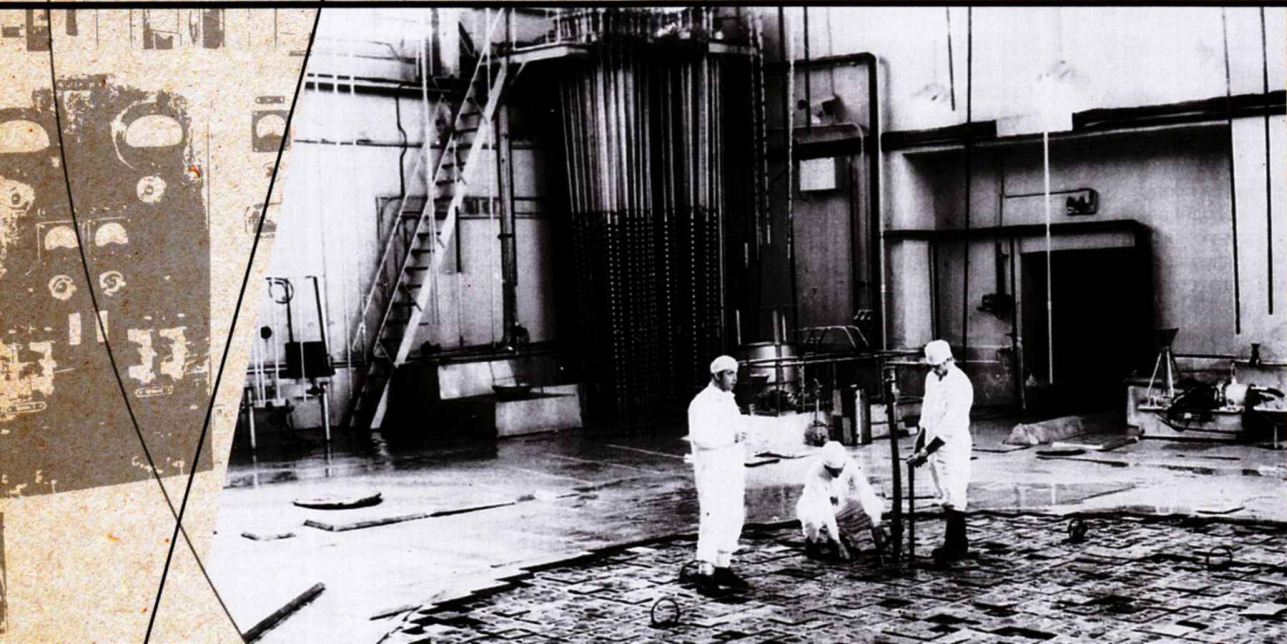
С помощью построенного физического уран-графитового котла мы теперь в состоянии решить важнейшие вопросы проблемы промышленного получения и использования атомной энергии, которые до сего времени рассматривались только предположительно, на основании теоретических расчетов».

И. В. Сталин высоко оценил завершение строительства и пуск в СССР первого ядерного реактора и другие достижения этого периода в осуществлении советского

атомного проекта. 9 января 1947 года, через две недели после пуска Ф-1, он принял в Кремле членов Специального комитета, руководителей ПГУ и ведущих ученых – участников советского атомного проекта – и заслушал доклады о состоянии работ. В совещании, которое продолжалось около трех часов, принял участие В. М. Молотов, Л. П. Берия, Г. М. Маленков, А. Н. Вознесенский, М. Г. Первухин, В. А. Малышев, В. А. Махнев, Б. Л. Ванников, А. С. Елян, И. К. Кикоин, Ю. Б. Харитон, Д. В. Ефремов, А. П. Завенягин, П. М. Зернов, И. В. Курчатов, Л. А. Арцимович, Н. А. Борисов и А. Н. Комаровский [22, с. 631; 15, с. 224–225]. 10 февраля 1947 года И. В. Сталин утвердил постановление СМ СССР о премировании И. В. Курчатова и Л. А. Арцимовича (соответственно за создание и пуск реактора Ф-1 и создание установки по электромагнитному методу разделения изотопов урана, на которой к этому времени были наработаны макроскопические количества урана-235) [26, с. 120–121]. В марте 1947 года были премированы сотрудники И. В. Курчатова и Л. А. Арцимовича, принимавшие участие в возглавляемых ими работах, а также немецкие ученые и специалисты – участники советского атомного проекта, их советские коллеги и другие советские специалисты [26, с. 152–156].

Согласно известным сегодня документальным данным, совещание у И. В. Сталина 9 января 1947 года с участием ученых и специалистов атомной отрасли СССР явилось единственным в истории советского атомного проекта. Для И. В. Курчатова это была вторая (и последняя) встреча с И. В. Сталиным. Первая встреча, в которой участвовали также В. М. Молотов и Л. П. Берия, состоялась 25 января 1946 года [15, с. 88].

Центральный зал реактора «А». Реактор введен в действие в 1948 году

ПЕРВЫЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ ЯДЕРНЫЙ РЕАКТОР СССР

На очереди было завершение строительства и пуск промышленного реактора. Постановлением СМ СССР № 2145-567сс от 19 июня 1947 года И. В. Курчатов был назначен научным руководителем завода № 817 (в дальнейшем комбинат № 817, в настоящее время комбинат «Маяк») и Центральной лаборатории этого завода [26, с. 214–220]. На комбинате сооружался первый в СССР промышленный реактор, радиохимический завод по выделению плутония, а затем был построен и металлургический комплекс для получения металлического плутония и изготовления деталей из плутония. Ранее, еще почти за год до пуска реактора Ф-1, Постановлением СНК СССР от 28 января 1946 года № 229-100сс/оп И. В. Курчатов был утвержден научным руководителем проекта строительства первого промышленного реактора [9, с. 106–111].

Физический пуск первого промышленного реактора при отсутствии воды в технологических каналах состоялся 8 июня 1948 года, при наличии воды – 10 июня [22, с. 634–636]. Первый вывод реактора на проектную мощность

14

Товарищу ВАННИКОВУ

Тактико-техническое
на Атомный бом

разрабатывается в двух вариан

рабочим веществом является плу

II — уран 235

переход через критическое со

интересством взрыва специаль

Сов. секретно.
(особая папка)
 РАСС-107-13210

ПЕРЕЧЕНЬ ВОПРОСОВ

выносных на утверждение товарища Сталина И.В.

Рассмотрено и принято на Специальном
Комитете при Совете Министров СССР.

1. Об увеличении добычи и производства урана.
2. О сроках подготовки, строительства и пуска завода № 817 (каменно-угольный) по производству плутония и завода в БССР (химический завод) по производству урана.
3. О мерах материально-технического обеспечения строительства заводов № 817 и № 818.
4. О порядке материально-технического обеспечения работ по использованию высокотемпературной энергии.
5. Вопросы Первого Главного управления при Совете Министров СССР (об укреплении руководства, расширении функций и структуре Управления).
6. Вопросы лабораторий № 2 Академии наук СССР (об организации при лабораториях Конструкторского бюро по разработке конструкции и изготовлению опытных атомных бомб).
7. Об изготовлении электролизеров для производства тяжелой воды.
8. Об организации производства специальных фильтров для диффузионного завода.

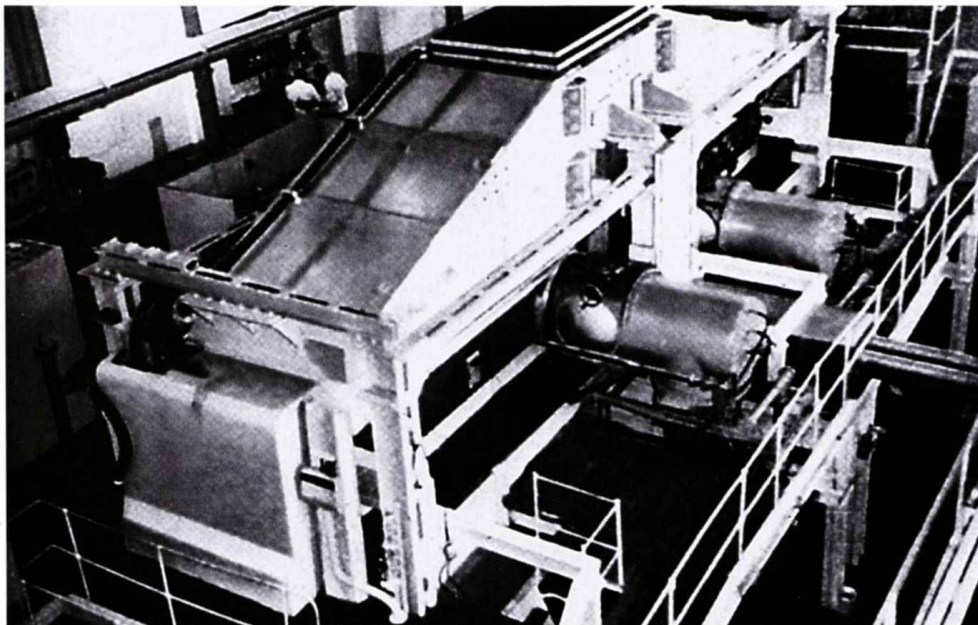
Л. Берия.
 Л. Берия.

• 8 • апреля 1946 г.

Здание, где размещался промышленный реактор «А» (комбинат «Маяк», г. Озерск)

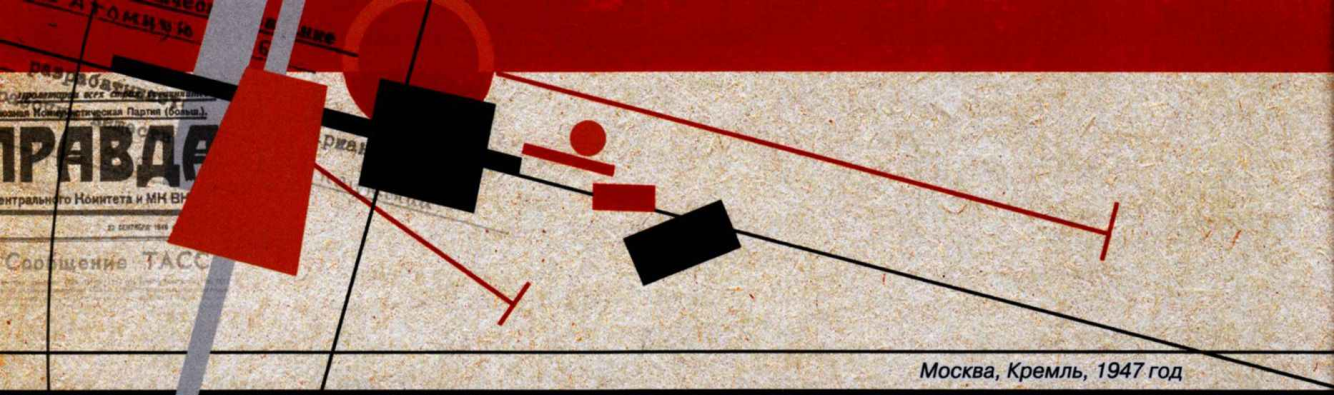
был осуществлен 19 июня 1948 года [25, с. 451, 460]. И. В. Курчатов непосредственно участвовал в работах пускового периода и руководил этими работами. Необходимо отметить, что еще в пусковой период, а затем и в процессе эксплуатации реактора возникали аварийные ситуации, сопровождавшиеся выходом радиоактивности за пределы активной зоны. Руководя ремонтными работами, И. В. Курчатов, не считаясь с опасностью для здоровья, часто посещал участки с высокой радиоактивностью. 24 июня 1948 года уполномоченный СМ СССР

на комбинате № 817 И. М. Ткаченко вынужден был написать докладную записку на имя Л. П. Берия о нарушении И. В. Курчатовым правил безопасности и предосторожности [26, с. 836–837].

Самоотверженная работа И. В. Курчатова, всего персонала реактора и сотрудников других объектов комбината позволили преодолеть неоднократно возникавшие трудности и обеспечить в первой половине 1949 года завершение наработки и выделение необходимого для изготовления первой бомбы количества плутония.

Полупромышленная установка № 5, на которой в 1947 году были получены первые микрограммовые количества плутония. Установка была создана в 1946–1947 гг. в НИИ-9 (ВНИИИМ)

ПРАВДА
Сообщение ТАСС

Москва, Кремль, 1947 год

РАБОТЫ ПО СОЗДАНИЮ АТОМНЫХ БОМБ РДС-1 И РДС-2. НАЧАЛО РАБОТ НАД УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫМИ АТОМНЫМИ БОМБАМИ

15

В 1947–1949 годах для обеспечения эффективной работы КБ-11 по созданию атомных бомб РДС-1 и РДС-2 и исследованию возможности создания ядерного оружия других типов в развитие и дополнение Постановления СМ СССР от 21 июня 1946 года № 1286-525сс была принята серия новых постановлений СМ СССР.

Утвержденным 8 февраля 1948 года Постановлением СМ СССР № 234-98сс/оп «О плане работ КБ-11 при Лаборатории № 2 АН СССР» [22, с. 481–489; 15, с. 390–393] срок изготовления Конструкторским бюро № 11 первого экземпляра РДС-1 был перенесен с 1 января 1948 года на 1 марта 1949 года, а РДС-2 – с 1 июня 1948 года на 1 декабря 1949 года. Соответственно были перенесены сроки конструирования, изготовления и испытаний отдельных узлов РДС. Как было отмечено Л. П. Берия в его письме И. В. Сталину, в котором он комментировал представленный им на утверждение И. В. Сталину проект этого постановления, «отсрочка вызвана тем, что объем исследовательских и конструкторских работ из-за новизны и непредвиденных тогда научных и техниче-

ских трудностей проблемы создания РДС оказался значительно большим, чем предполагалось в 1946 году.

Намеченные новые сроки предусматривают изготовление РДС Конструкторским бюро № 11 через 2 месяца после изготовления необходимых количеств плутония и урана-235» [22, с. 480–481; 15, с. 389–390]. В самом тексте постановления в числе причин невыполнения Постановления СМ СССР № 1286-525сс от 21 июня 1946 года в части сроков отработки основных узлов РДС-1 и РДС-2 дополнительно названы задержка Конструкторским бюро № 11 подбора кадров, развертывания работ и задержка строительства для КБ-11 необходимых зданий и сооружений.

Следует отметить, что накануне утверждения И. В. Сталиным рассматриваемого постановления СМ СССР Л. П. Берия в соответствии с решением Специального комитета от 23 января 1948 года [22, с. 241] обратился к И. В. Сталину с письмом, в котором говорилось: «Прошу Вас заслушать, с участием членов Специального комитета и основных научных работников, отчет о проведенных за 1947 год работах и о программе работ на 1948 год в области использования атомной энергии (докладчик акад. Курчатова)» [22, с. 633–634]. И. В. Сталин не принял предложение Л. П. Берия. Как уже отмечалось выше, из имеющихся данных следует, что после 9 января 1947 года не состоялось ни одной встречи И. В. Сталина с учеными, работавшими над

проблемой использования атомной энергии и создания ядерного оружия в СССР.

Постановление СМ СССР № 234-98сс/оп обязывало И. В. Курчатова и Ю. Б. Харитона организовать в КБ-11 проведение теоретических работ, связанных с заданиями, выполняемыми КБ-11, и поручало Н. Н. Семенову направить с этой целью в КБ-11 с 10 февраля 1948 года сроком на один год группу работников теоретического отдела Института химической физики АН СССР во главе с Я. Б. Зельдовичем¹⁷. Так в КБ-11 началось формирование теоретического мозгового центра.

10 июня 1948 года И. В. Сталин утвердил Постановление СМ СССР № 1989-773сс/оп «О дополнении плана работ КБ-11», которое обязывало КБ-11 провести до 1 января 1949 года теоретическую и экспериментальную проверку данных о возможности осуществления нескольких типов новых атомных бомб, которым в постановлении были даны индексы РДС-3, РДС-4 и РДС-5, а до 1 июня 1949 года – проверку данных о возможности осуществления водородной бомбы, которая получила индекс РДС-6 [22, с. 494–495; 15, с. 447–448]. В Постановлении № 1989-773сс/оп было подчеркнуто, что дополнительные работы, предусмотренные этим постановлением, должны быть выполнены КБ-11 не в ущерб плану работ по РДС-1 и РДС-2. В тот же день было принято Постановление СМ СССР № 1990-774сс/оп «О дополнительных заданиях по плану специальных на-

---

¹⁷ Институт химической физики АН СССР Постановлением СМ СССР № 805-327сс от 9 апреля 1946 года был привлечен к выполнению по заданиям Лаборатории № 2 расчетов, связанных с конструированием атомных бомб, к проведению измерений необходимых констант и подготовке к проведению испытаний атомных бомб. Этим постановлением Институту химической физики была поручена также разработка теоретических вопросов ядерного взрыва и горения и вопросов применения ядерного взрыва и горения в технике [22, с. 429–430; 15, с. 101].

Подписание акта окончания этапа испытаний изделия 501 на полигоне 71 ВВС, 1948 год

учно-исследовательских работ на 1948 год», которое определяло ряд мер, направленных на обеспечение выполнения Постановления № 1989-773сс/оп [22, с. 495–498]. Это постановление, в частности, обязывало Институт физических проблем АН СССР (А. П. Александрова и Л. Д. Ландау) провести вычисления КПД атомных бомб РДС-1, РДС-2, РДС-3, РДС-4, РДС-5.

Указанным постановлением в Институте геофизики АН СССР было создано математическое бюро под руководством А. Н. Тихонова, первоначальной задачей

которого было выполнение расчетов по заданиям Института физических проблем. Этим же постановлением была усилена расчетная группа в Математическом институте АН СССР, руководство которой было возложено на И. Г. Петровского, а в Ленинградском филиале Математического института была организована расчетная группа под руководством Л. В. Канторовича. Обеим этим группам было поручено проведение расчетов по заданиям Лаборатории № 2 АН СССР (Ю. Б. Харитона и Я. Б. Зельдовича).

Теодор Холл

Клаус Фукс

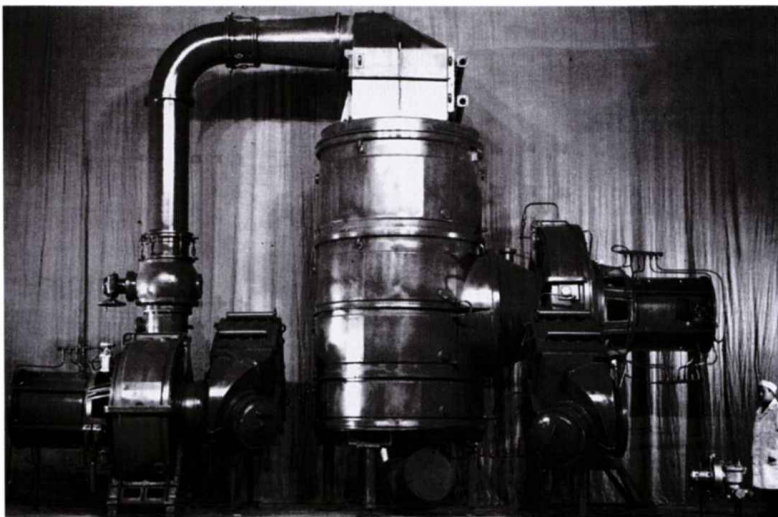
Давид Гринглас

Под РДС-3 в названных выше постановлениях понижалась атомная бомба имплозивного типа «сплошной» конструкции с использованием плутония-239 и урана-235. Под РДС-4 и РДС-5 – атомные бомбы имплозивного типа оболочечно-ядерной конструкции (с полостью, внутри которой подвешено ядро) соответственно с использованием плутония-239 и плутония-239 совместно с ураном-235 [22, с. 287].

Рассмотренные постановления были реакцией на информацию, переданную для СССР Клаусом Фуксом в марте 1948 года в Лондоне по каналам советской разведки [28–31; 15, с. 426–440, 840–843; 32, с. 93–111]. Переданные К. Фуксом материалы и сформулированные в постановлениях организационные меры стимулировали проведение в СССР работ по созданию усовершенствованных по сравнению с РДС-1 конструкций атомных бомб имплозивного типа и коренным образом сказались на ходе работ по проблеме создания в СССР водородной бомбы.

Полученная в СССР в 1948 году из-за рубежа информация по атомным бомбам и водородной бомбе явилась важным дополнением к ранее полученной в 1945–1946 годах разведывательной информации. Известными в настоящее время по литературным данным источниками информации 1945–1946 годов по атомным бомбам были Теодор Холл, Клаус Фукс и Давид Гринглас. Известным источником существенной информации 1945 года о ранних подходах в США к проблеме создания водородной бомбы был К. Фукс [32, с. 10–11, 24–39; 28–31, 33].

Возвращаясь к работам советских ученых над атомными бомбами, отметим, что бомба пушечного типа РДС-2 на основе урана-235, создание которой было предусмотрено Постановлением СМ СССР № 1286-525сс от 21 июня 1946 года и разработка которой проводилась в КБ-11 и привлеченных организациях параллельно с работами по РДС-1, так и не была испытана. После отмены испытания РДС-2 пу-

Фрагмент диффузионного оборудования для получения обогащенного урана-235

шечного типа смысл обозначения РДС-2 и охарактеризованный выше смысл обозначений РДС-3, РДС-4 и РДС-5 был изменен и индексы РДС-2, РДС-3, РДС-4 и РДС-5 были использованы для обозначения других усовершенствованных атомных бомб имплозивного типа, успешно испытанных в 1951 и 1953 годах. В бомбах РДС-2, РДС-4 и РДС-5 так же, как и в РДС-1, в качестве активного делящегося материала применялся плутоний-239, а в испытанной в 1951 году бомбе РДС-3 плутоний-239 использовался комбинированно с ураном-235, промышленное производство которого к этому времени было налажено в дополнение к ранее организованному производству плутония-239. Применение в бомбе РДС-3 наряду с плутонием-239 ура-

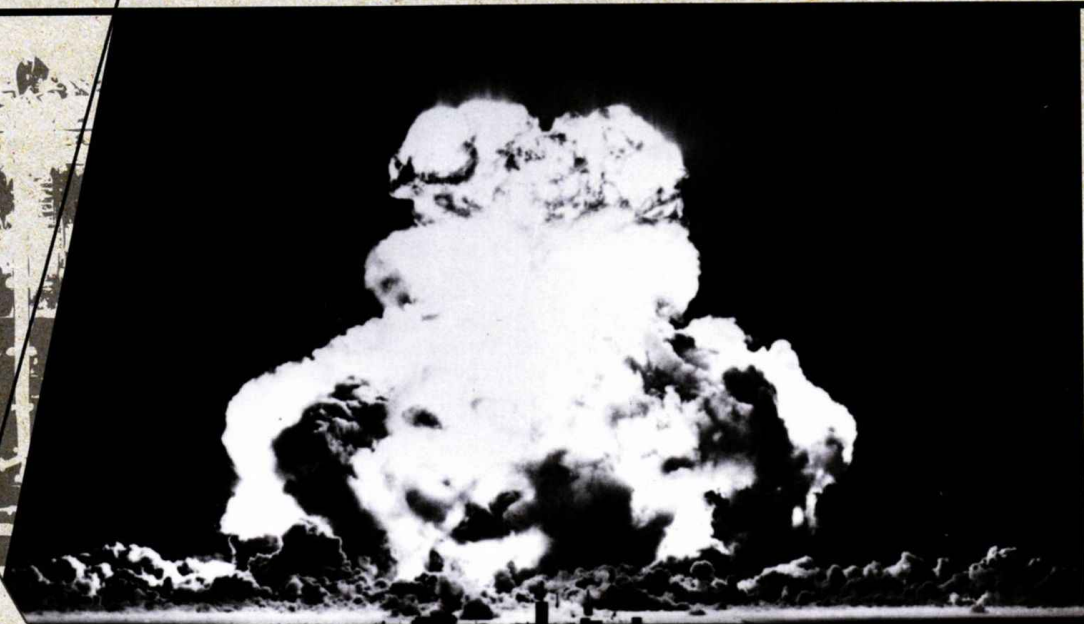
на-235 позволяло экономить дефицитный плутоний. При этом могли использоваться значительно меньшие количества урана-235, чем необходимые в бомбе на принципе пушечного сближения. Это и послужило причиной отказа от испытания РДС-2 пушечного типа. Нарушая хронологию изложения, отметим, что тротильовый эквивалент РДС-2 и РДС-3 примерно вдвое превысил тротильовый эквивалент первой отечественной атомной бомбы РДС-1 при заметно меньшем габарите и весе [23, с. 186–192].

Новые разработки были основаны не только на идеях, известных из зарубежных материалов, но и на предложениях и конструктивных решениях советских ученых и конструкторов.

...ое задание
...омиче бомбу

1. Проведена разработка в двух вариантах.
2 вариант 1 рабочим веществом является ...
3 вариант 2 ...

Начальная фаза взрыва первой отечественной атомной бомбы

ЗАВЕРШЕНИЕ РАЗРАБОТКИ И ИСПЫТАНИЕ ПЕРВОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АТОМНОЙ БОМБЫ РДС-1

16

Из-за задержки с наработкой необходимого количества плутония установленный Постановлением СМ СССР № 234-98сс/оп от 8 февраля 1948 года срок изготовления первого экземпляра РДС-1 – 1 марта 1949 года – не был выдержан, однако в августе 1949 года все работы по изготовлению компонент и подготовке РДС-1 к испытанию были завершены, а Семипалатинский полигон готов к проведению испытания и проведению исследований и измерений эффективности бомбы. План испытания предусматривал окончательную сборку бомбы на полигоне (без баллистического корпуса и приборов, необходимых при сбрасывании бомбы с самолета) и подрыв ее на башне высотой 33 метра.

18 августа 1949 года был подготовлен проект Постановления СМ СССР «О проведении испытания атомной бомбы», который был представлен Л. П. Берия на утверждение И. В. Сталину. Однако И. В. Сталин не подписал это постановление. Секретарь Специального комитета В. А. Махнев сделал на

ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ
НА АТОМНУЮ БОМБУ

1. Атомная бомба разработана в варианте I рабочим инженером В. А. Махневом
В варианте II —

СТРОГО СЕКРЕТНО
(ОСОВАЯ ПЯТКА)

ПРОТОКОЛ № 85

ЗАСЕДАНИЯ

Специального комитета
при Совете Министров СССР

От 26 августа 1949 г.

г. Москва, Кремль

Земля Спецкомитета ч.ч. Берия, Маленков
Ванников, Терехов, Байкалов, Курчатов, Мах-
мед.

ПРИСУТСТВОВАЛИ:
[подписи]

Об испытании первого экземпляра
атомной бомбы.

Принять внесенный т.т. Ванниковым, Курча-
товым и Тереховым проект Постановления Со-
вета Министров Союза ССР „Об испытании
атомной бомбы.“ и представить его на утвер-
ждение Председателя Совета Министров Союза
СССР товарища Сталина И.В.

✓ проект принимается.

Председатель
Специального Комитета
при Сов. Мин. СССР

И. Берия
И. Берия

первом экземпляре проекта отметку о том, что Л. П. Бе-
рия вернул оба экземпляра проекта постановления
и сообщил, что «вопрос обсуждался в ЦК [ВКП(б)] и Ре-
шение выноситься не будет» (т. е. постановление не бу-
дет приниматься) [22, с. 636–638; 15, с. 625–627].

26 августа 1949 года Л. П. Берия перед отъездом на
полигон подписал протокол заседания Специального ко-
митета, повестка дня которого была обозначена так: «Об
испытании первого экземпляра атомной бомбы». Сфор-
мулированное в протоколе решение гласило: «Принять
внесенный тт. Ванниковым, Курчатовым и Тереховым
проект Постановления Совета министров Союза ССР
“Об испытании атомной бомбы” и представить его на
утверждение Председателя Совета министров Союза
СССР товарища Сталина И. В. (проект прилагается)» [22,
с. 388–390; 15, с. 629–631].

Проект предусматривал назначение научным руко-
водителем испытания И. В. Курчатова, заместителями
научного руководителя испытания по различным во-
просам Ю. Б. Харитона, П. М. Зернова и П. Я. Мешка.
Проект предписывал «испытание атомной бомбы произ-
вести 29–30 августа 1949 года на полигоне № 2 (в 170 ки-
лометрах западнее г. Семипалатинска), построенном и
оборудованном в соответствии с Постановлением Совета
министров СССР от 19 июня 1947 года № 2142-564сс/
оп [15, с. 287–298]».

Рассматриваемый проект постановления, текст ко-
торого лишь незначительно отличался от текста проек-
та постановления от 18 августа 1949 года, также остал-
ся не подписанным И. В. Сталиным [22, с. 388–390; 15,
с. 629–631].

Испытание первой советской атомной бомбы РДС-1
было проведено на основании проекта постановления
СМ СССР, принятого Специальным комитетом.

Документальные свидетельства, которые объяс-
няли бы отказ И. В. Сталина утвердить постановление

СМ СССР об испытании первой советской атомной бомбы, неизвестны.

Следует отметить, что хотя американские прототипы РДС-1 (бомба, взорванная 16 июля 1945 года в Аламогордо, штат Нью-Мексико, и бомба, сброшенная 9 августа 1945 года на Нагасаки) сработали в режиме с большим энерговыделением, не вполне удачный исход испытания РДС-1 не мог быть полностью исключен, в том числе и по чисто физическим причинам (относительно большая вероятность преждевременного ядерного взрыва РДС-1 с малым энерговыделением из-за конструктивных особенностей этой бомбы).

Испытание РДС-1 состоялось 29 августа 1949 года.

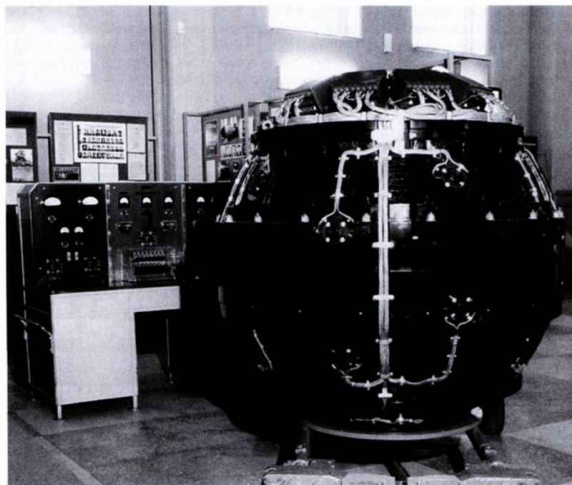
На следующий день после испытания, 30 августа 1949 года, Л. П. Берия и И. В. Курчатов подписали рукописный доклад на имя И. В. Сталина, в котором были изложены данные предварительной обработки результатов испытания.

В докладе говорилось:

«Докладываем Вам, товарищ Сталин, что усилиями большого коллектива советских ученых, конструкторов, инженеров, руководящих работников и рабочих нашей промышленности, в итоге 4-летней напряженной работы, Ваше задание создать советскую атомную бомбу выполнено.

Создание атомной бомбы в нашей стране достигнуто благодаря Вашему повседневному вниманию, заботе и помощи в решении этой задачи.

Докладываем следующие предварительные данные о результатах испытания первого экземпляра атомной бомбы с зарядом из плутония, сконструированной и изготовленной Первым главным управлением при Совете министров СССР под научным руководством академика Курчатова и главного конструктора атомной бомбы члена-корреспондента Академии наук СССР проф. Харитона:

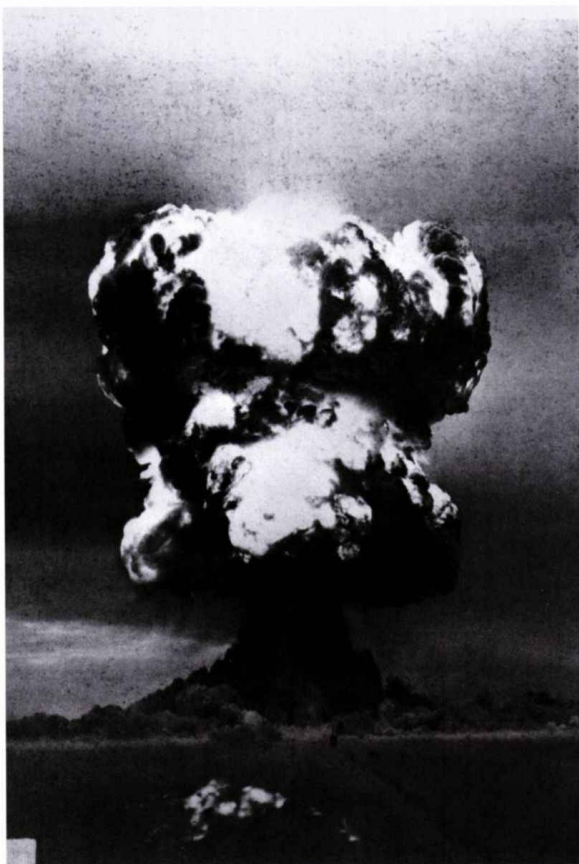

Макет первого атомного заряда и пульт, с которого был подан сигнал на подрыв РДС-1. Музей ядерного оружия ВНИИЭФ

29 августа 1949 года в 4 часа утра по московскому и в 7 утра по местному времени в отдаленном степном районе Казахской ССР, в 170 километрах западнее г. Семипалатинска, на специально построенном и оборудованном опытном полигоне получен впервые в СССР взрыв атомной бомбы, исключительной по своей разрушительной и поражающей силе мощности.

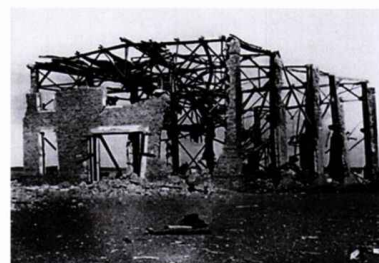
Атомный взрыв зафиксирован с помощью специальных приборов, а также наблюдениями большой группы научных работников, военных и других специалистов и наблюдениями непосредственно участвовавших в проведении испытания членов Специ-

Фазы взрыва первой отечественной атомной бомбы

Военная техника и промышленное сооружение после взрыва РДС-1

ального комитета тт. Берия, Курчатова, Первухина, Заверягина и Махнева.

В числе участников-экспертов испытания находился физик Мещеряков, бывший нашим наблюдателем испытаний атомных бомб в Бикини» [22, с. 639–643; 15, с. 644–645].

28 октября 1949 года Л. П. Берия подписал и представил И. В. Сталину (уже только за своей подписью) заключительный отчет о результатах испытания РДС-1 [22, с. 646–658; 15, с. 686–687]. В докладе, в частности, говорилось: «На основании данных, полученных физическими измерениями и исследованиями результатов взрыва, специалистами признано, что коэффициент полезного действия (т. е. выраженная в процентах доля массы плутония, подвергшаяся делению в процессе цепной ядерной реакции взрыва) атомной бомбы, испытанной 29 августа 1949 года, равен (...)»¹⁸, т. е. на 50 % выше, чем ожидалось по расчетным данным и сообщалось в нашем предварительном отчете от 30 августа».

На другой день И. В. Сталин утвердил Постановление СМ СССР № 5070-1944сс/оп «О награждении и премировании за выдающиеся научные открытия и технические достижения по использованию атомной энергии» [22, с. 530–562; 15, с. 688–689]. Постановление предусматривало представление наиболее отличившихся участников работ по созданию и обеспечению создания первой советской атомной бомбы к присвоению звания Героя Социалистического Труда, а лиц, уже имевших это звание, – к награждению второй золотой медалью «Серп и Молот», к награждению отличившихся участников работ орденами СССР, присвоению им звания лауреата Сталинской премии, выдачу им денежных премий и предоставление ряда льгот.

Постановление начиналось словами:

«Совет министров Союза ССР отмечает, что в результате совместных усилий большого коллектива ученых, конструкторов, инженеров, руководящих работни-

¹⁸ В цитированном документе, опубликованном в [22, с. 646–658], значение коэффициента полезного действия опущено.

ков, строителей и рабочих советской промышленности успешно выполнено задание Правительства о практическом решении в СССР проблемы использования атомной энергии.

Учитывая исключительные заслуги перед Советской Родиной в деле решения проблемы использования атомной энергии и в соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 21 марта 1946 года № 627-258, Совет министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

I.

1. КУРЧАТОВА Игоря Васильевича, академика, научного руководителя работ по созданию атомных реакторов и атомной бомбы:

- представить к присвоению звания Героя Социалистического Труда;
- премировать суммой 500000 руб. (помимо выданной ранее части (50 %) премии в сумме 500000 руб. и автомашины ЗИС-110)¹⁹.

Присвоить акад. Курчатову И. В. звание лауреата Сталинской премии первой степени.

Построить за счет государства и передать в собственность акад. Курчатову И. В. дом-особняк и дачу, с обстановкой.

Установить акад. Курчатову И. В. двойной оклад жалования на все время его работы в области использования атомной энергии.

Предоставить акад. Курчатову И. В. право (пожизненно для него и его жены) на бесплатный проезд железнодорожным, водным и воздушным транспортом в пределах СССР».

Приведем текст раздела постановления, относящийся к награждению и премированию Ю. Б. Харитона:

Дом-музей И. В. Курчатова

«XVII.

60. ХАРИТОНА Юлия Борисовича, члена-корреспондента АН СССР, главного конструктора атомной бомбы:

- представить к присвоению звания Героя Социалистического Труда;
- премировать суммой в 1000000 рублей (первой премией, установленной Постановлением Совета министров СССР от 21 марта 1946 года № 627-258) и автомашиной ЗИС-110.

Присвоить чл.-кор. АН СССР Харитону Ю. Б. звание лауреата Сталинской премии первой степени.

Построить за счет государства и передать в собственность чл.-кор. АН СССР Харитона Ю. Б. дом-особняк и дачу, с обстановкой.

¹⁹ В 1947 году за создание и пуск первого в СССР экспериментального ядерного реактора Ф-1 [26, с. 120–121].

№ КОЛЛЕКТИВНОЙ СПУБКАКОВАННОЙ. 249/1635

КАЖДО ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПЕРВОЙ РАДЫ СССР
КАЖДО ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕРХНЕГО СОВЕТА СССР
КАЖДО ЧЛЕНОВ СОВЕТА ПРЕЗДИДИУМА ФОРМАЦИ
КАЖДО ЧЛЕНОВ СОВЕТА ПРЕЗДИДИУМА РАЙОНА
КАЖДО ЧЛЕНОВ СОВЕТА ПРЕЗДИДИУМА РАЙОНА
КАЖДО ЧЛЕНОВ СОВЕТА ПРЕЗДИДИУМА РАЙОНА
КАЖДО ЧЛЕНОВ СОВЕТА ПРЕЗДИДИУМА РАЙОНА
КАЖДО ЧЛЕНОВ СОВЕТА ПРЕЗДИДИУМА РАЙОНА
КАЖДО ЧЛЕНОВ СОВЕТА ПРЕЗДИДИУМА РАЙОНА

КАЖДО ЧЛЕНОВ СОВЕТА ПРЕЗДИДИУМА РАЙОНА
КАЖДО ЧЛЕНОВ СОВЕТА ПРЕЗДИДИУМА РАЙОНА
КАЖДО ЧЛЕНОВ СОВЕТА ПРЕЗДИДИУМА РАЙОНА
КАЖДО ЧЛЕНОВ СОВЕТА ПРЕЗДИДИУМА РАЙОНА
КАЖДО ЧЛЕНОВ СОВЕТА ПРЕЗДИДИУМА РАЙОНА
КАЖДО ЧЛЕНОВ СОВЕТА ПРЕЗДИДИУМА РАЙОНА
КАЖДО ЧЛЕНОВ СОВЕТА ПРЕЗДИДИУМА РАЙОНА
КАЖДО ЧЛЕНОВ СОВЕТА ПРЕЗДИДИУМА РАЙОНА
КАЖДО ЧЛЕНОВ СОВЕТА ПРЕЗДИДИУМА РАЙОНА
КАЖДО ЧЛЕНОВ СОВЕТА ПРЕЗДИДИУМА РАЙОНА

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХНЕГО СОВЕТА СССР

О присвоении звания Героя Социалистического Труда научным, инженерно-техническим и руководящим работникам научно-исследовательских, конструкторских организаций и промышленных предприятий.

За исключительные заслуги перед государством при выполнении специального задания присвоить звание ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА с вручением ордена ЛЕНИНА и золотой медали "СЕРП И МОЛОТ":

- ✓ 1. ЛЕКСАНДРОВ Семею Петровичу. *ф. 21150*
- ✓ 2. ЛЕКСАНДРОВУ Анатолю Сергеевичу. *ф. 5.21.49*
- ✓ 3. АЛЕФЕРОВУ Владимиру Евановичу. *ф. 29.12.49*
- ✓ 4. БОРИСОВУ Николаю Андреевичу. *ф. 5.21.49*
- ✓ 5. БОЧВАРУ Андрею Анатольевичу. *ф. 12.21.49*
- ✓ 6. ВИНЮГАНОВУ Александру Павловичу. *ф. 5.21.49*
- ✓ 7. ГЕОРГИЕВСКОМУ Петру Константиновичу. *ф. 1*
- ✓ 8. ТОХОВАНОВУ Брису Николаевичу. *ф. 1*
- ✓ 9. ГРОМОВУ Борису Владимировичу. *ф. 31.6.50*
- ✓ 10. ДОЛЖИКИНУ Николаю Антоновичу. *ф. 5.21.49*
- ✓ 11. ЗАВЕНЯТИНУ Абраму Павловичу. *ф. 1*
- ✓ 12. ЗЕЛЬДОВИЧУ Якову Борисовичу. *ф. 12.21.49*
- ✓ 13. ЗЕРНОВУ Павлу Михайловичу. *ф. 5.21.49*
- ✓ 14. КАЛИСТОВУ Анатолию Назаровичу. *ф. 1*
- ✓ 15. КОМАРОВСКОМУ Александру Николаевичу. *ф. 1*
- ✓ 16. КУЗНЕЦОВУ Ивану Кузьмичу. *ф. 26.11.45*
- ✓ 17. КУРЧАТОВУ Игорю Васильевичу. *ф. 26.11.45*
- ✓ 18. МАШКЕВУ Михаилу Григорьевичу. *ф. 8.11.50*
- ✓ 19. МАКШЕВУ Василию Алексеевичу. *ф. 5.21.49*
- ✓ 20. НИКОЛОНОВУ Роману Владимировичу. *ф. 31.6.50*
- ✓ 21. НАВЧЕВУ Сергею Сергеевичу. *ф. 11.11.50*
- ✓ 22. ПЕРВУГИНУ Михаилу Георгиевичу. *ф. 5.21.49*
- ✓ 23. РАДОВУ Николаю Васильевичу. *ф. 16.11.49*
- ✓ 24. САДОВСКОМУ Михаилу Александровичу. *ф. 5.21.49*

- ✓ 25. САПРЕНУ Василию Андреевичу. *ф. 4.1.50*
- ✓ 26. САЛАСКОМУ Ефиму Павловичу. *ф. 16.11.45*
- ✓ 27. ФЛЕГОВУ Георгию Николаевичу. *ф. 12.21.49*
- ✓ 28. ХАРИТОНУ Юрию Борисовичу. *ф. 1*
- ✓ 29. ЦИХИНУ Виталию Григорьевичу. *ф. 11.11.50*
- ✓ 30. ПАРЕСКОМУ Михаилу Михайловичу. *ф. 5.21.49*
- ✓ 31. ЧУКОВУ Борису Николаевичу. *ф. 28.11.49*
- ✓ 32. ШЕЛКИНУ Кириллу Ивановичу. *ф. 2.11.50*
- ✓ 33. ЧСАКИНУ Николаю Михайловичу. *ф. 3.11.50*

Председатель Президиума
Верхнего Совета СССР - Н. ШЕРШНИК.
Секретарь Президиума
Верхнего Совета СССР -
(А. ГОРЬКА)

Москва, Кремль.
29 октября 1949 г.

Установить чл.-кор. АН СССР Харитону Ю. Б. двойной оклад жалования на все время его работы в данной области.

Предоставить чл.-кор. АН СССР Харитону Ю. Б.:

- право на обучение своих детей в любых учебных заведениях СССР за счет государства;
- право (пожизненно для себя, жены и до совершеннолетия для детей) на бесплатный проезд железнодорожным, водным и воздушным транспортом в пределах СССР».

В тот же день, 29 октября 1949 года, были приняты Указы Президиума Верховного Совета о награждении участников работ над советским атомным проектом в соответствии с Постановлением Совета министров № 5070-1944сс/оп [22, с. 563-605]. Одним из этих Указов И. В. Курчатову и Ю. Б. Харитону в числе 33 ученых, специалистов и руководителей было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Среди получивших это звание были А. А. Бочвар, А. П. Вино-

Б. Г. Музруков

Н. Л. Духов

градов, Н. А. Доллежал, А. П. Завенягин, Я. Б. Зельдович, П. М. Зернов, М. Г. Первухин, немецкий ученый Н. В. Риль, М. А. Садовский, Е. П. Славский, Г. Н. Флеров, В. Г. Хлопин, К. И. Щелкин. Начальник ПГУ Б. Л. Ванников, директор комбината № 817 Б. Г. Музруков и заместитель главного конструктора КБ-11 Н. Л. Духов были награждены второй золотой медалью «Серп и Молот». Орденами СССР было награждено свыше 800 человек. Среди награжденных орденом Ленина были А. П. Александров, Л. В. Альтшулер, Е. И. Забабахин, Е. К. Завойский, С. Б. Кормер, С. Г. Кочарянц, Л. Д. Ландау, Г. П. Ломинский, М. Г. Ме-

щеряков, К. А. Семендяев, Н. Н. Семенов, С. Л. Соболев, Д. А. Франк-Каменецкий, В. А. Цукерман. В числе награжденных орденами СССР были и сотрудники советской разведки: Л. Р. Квасников, В. Б. Барковский, С. М. Семенов, А. С. Феклисов, А. А. Яцков.

Документы о награждении и премировании участников работ над советским атомным проектом были предварительно рассмотрены и утверждены на заседании Президиума ЦК ВКП(б), состоявшемся 29 октября 1949 года [15, с. 691–693].

Отметим, что совместным Постановлением ЦК ВКП(б) и СМ СССР № 5039-1925сс от 29 октября 1949 года Л. П. Берия была выражена благодарность, ему была выдана Почетная грамота, он был представлен к награждению орденом Ленина и ему было присвоено звание лауреата Сталинской премии первой степени [25, с. 341–343; 15, с. 690–691]²⁰.

В ноябре 1949 года И. В. Сталину было направлено письмо, подписанное руководителями советского атомного проекта, учеными и специалистами. В письме была выражена благодарность за высокую оценку их работы в области производства атомной энергии и создания атомного оружия.

Обращает на себя внимание сделанное на письме И. В. Сталиным замечание: «Почему нет Риля (немец)?». Дело в том, что Постановлением СМ СССР № 5070-1944сс/оп от 29 октября 1949 года и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 октября 1949 года работавшему в СССР немецкому ученому Н. В. Рилу были присвоены звание Героя Социалистического

²⁰ Звание Героя Социалистического Труда было присвоено Л. П. Берия ранее – Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1943 года «За особые заслуги в области усиления производства вооружения и боеприпасов в трудных условиях военного времени...» [25, с. 342].

Почему нет
Решения (нашему)

Товарищу Сталину И.В.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Горючо благодарим Вас за высокую оценку нашей работы, которой Вартис, Правительство и лично Вы удостоили нас.

Только повседневное внимание, забота и помощь, которых Вы оказывали нам на протяжении этих 4-х с лишним лет кропотливой работы, позволили успешно решить поставленную Вами задачу организации производства атомной энергии и создания атомного оружия.

Обещаем Вам, дорогой товарищ Сталин, что мы с еще большей энергией и самоотверженностью будем работать над дальнейшим развитием порученного нам дела и отдам все свои силы и знания на то, чтобы с честью оправдать Ваше доверие.

Академик

Чл. корр. АН СССР

Академик

Чл. корр. АН СССР

А. Веря (А. Веря)
И. Курчатв (И. Курчатв)
В. Куртин (В. Куртин)
Ф. Фляунг (Ф. Фляунг)
И. Бочвар (И. Бочвар)
А. Виноградов (А. Виноградов)
И. Завенки (И. Завенки)

Профессор,
доктор технических наук

Директор Лабор. № 87

Инженер Лаборатория

Лаб. завода № 8 Лаборатория
№ 87

Чл. корр. АН СССР

Академик

Научный руководитель
завода № 8
Академик

Чл. корр. АН СССР

Чл. корр. АН СССР

Нач. конструкторского

Профессор, доктор

Конструктор

Конструктор

Академик

Академик

Академик

Науч. руководи-
тель Лаборатории науки
Академик

Чл. корр. АН СССР

Директор завода № 12

Главный инженер завода № 12

Директор института

Великану (А. Долгачев)
Морозову (А. Морозов)
Б. Муромов (Б. Муромов)
С. Савин (С. Савин)
Б. Фролов (Б. Фролов)
Г. Гурьев (Г. Гурьев)
В. Махров (В. Махров)
И. Переломов (И. Переломов)
В. Фурсов (В. Фурсов)
С. Соловьев (С. Соловьев)
В. Алексеев (В. Алексеев)
Г. Завенков (Г. Завенков)
Т. Березин (Т. Березин)
К. Шапкин (К. Шапкин)
И. Дузов (И. Дузов)
В. Авераров (В. Авераров)
А. Фрунтин (А. Фрунтин)
А. Савин (А. Савин)
Манду (А. Манду)
М. Савин (М. Савин)
И. Петров (И. Петров)
А. Виноградов (А. Виноградов)
И. Калинин (И. Калинин)
В. Соловьев (В. Соловьев)
И. Шевченко (И. Шевченко)

Труда (что уже было отмечено выше), звание лауреата Сталинской премии первой степени, он получил денежную премию и другие отличия [22, с. 556, 564], однако его фамилия не была внесена в список лиц, подписавших благодарственное письмо на имя И. В. Сталина.

В 1950 году денежные премии получила еще одна большая группа участников советского атомного проекта. Премирование было произведено утвержденным И. В. Сталиным 16 мая 1950 года Постановлением СМ СССР № 2108-814 «Об утверждении списков премируемых в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 29 октября 1949 года № 5070-1944 научных, инженерно-технических работников, рабочих и служащих, отличившихся при выполнении специальных заданий Правительства» [34, с. 49–130].

Возвращаясь к событиям 1949 года, следует отметить сложность политической обстановки, в которой в этот период находился СССР. После испытания 29 августа 1949 года у СССР в течение нескольких месяцев не было ни одного экземпляра атомной бомбы, так как еще не было наработано необходимое, хотя бы для минимального боезапаса, количество плутония. Изготовление комплекта деталей из плутония для первой атомной бомбы боезапаса планировалось к 1 ноября 1949 года, для второй бомбы – к 28 декабря 1949 года. Остальные узлы и детали этих атомных бомб должны были быть изготовлены к 1 декабря 1949 года [22, с. 392].

В США в 1949 году, по некоторым оценкам, имелось уже порядка 200 атомных бомб. С этим, вероятно, и связано содержание сообщения ТАСС от 25 сентября 1949 года, которое было сделано в связи с заявлением 23 сентября 1949 года президента США Г. Трумэна о том, что, по данным правительства США, в одну из последних недель в СССР произошел атомный взрыв [15, с. 675–680]. В сообщении ТАСС не был подтвержден факт проведения в СССР испытания атомной бомбы. Однако

ПРАВДА

ан Центрального Комитета и МК ВКП(б).

23 СЕНТЯБРЯ 1949 г., № 268 (11375)

Сообщение ТАСС

23 сентября президент США Трумэн объявил, что по данным правительства США в одну из последних недель в СССР произошел атомный взрыв. Одновременно аналогичное заявление было сделано английскими и канадскими правительствами.

Вслед за опубликованием этих сообщений в американской, английской и канадской печати, а также в печати других

1947 года министр иностранных дел СССР В. М. Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказал, что этого секрета давно уже не существует». Это заявление означало, что Советский Союз уже открыл секрет атомного оружия, и он имеет в своем распоряжении это оружие. Получившие круги Соединенных Штатов Америки назвали это заявление В. М. Молотова как

в нем говорилось, что «Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 году» и «имеет в своем распоряжении это оружие». «Что касается тревоги, распространяемой по этому поводу некоторыми иностранными кругами, то для тревоги нет никаких оснований. Следует сказать, что советское правительство, несмотря на наличие у него атомного оружия, стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия».

Отметим, что до конца 1951 года в СССР было изготовлено 29 экземпляров первой атомной бомбы РДС-1 [34, с. 549]. В дальнейшем серийно изготавливались атомная бомба РДС-2 и другие усовершенствованные по сравнению с РДС-1 атомные бомбы. В последующие годы все они были заменены атомным оружием новых поколений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание и успешное испытание первой советской атомной бомбы в трудных условиях послевоенного времени в чрезвычайно короткий по историческим меркам срок явилось триумфом отечественной науки, техники и промышленности, результатом беспрецедентной концентрации государством интеллектуальных усилий, материальных и духовных ресурсов во имя решения жизненно необходимой для страны задачи. Это событие явилось переломным в мировой истории: монополия одной страны в обладании ядерным оружием была ликвидирована, и с этого времени начался процесс достижения стратегического равновесия между СССР и США, хотя и осложненный созданием в обеих странах термоядерного оружия и сопровождавшийся гонкой ядерных вооружений (сдержанной лишь в последние годы), но способствовавший глобальной стабильности в мире и предотвративший новую мировую войну.

Ю. Б. Харитон поставил свою подпись под следующими проникновенными словами: «Я поражаюсь и преклоняюсь перед тем, что было сделано нашими людьми в 1946–1949 годах. Было нелегко и позже. Но этот период по напряжению, героизму, творческому взлету и самоотдаче не поддается описанию... Через четыре года после окончания смертельной схватки с фашизмом моя страна ликвидировала монополию США на обладание атомной бомбой. Через 8 лет после войны первой в мире создала и испытала водородную бомбу, через 12 запустила первый спутник Земли, а еще через четыре года впервые открыла человеку дорогу в кос-

мос... Вы видите, что это вехи непреходящего значения в истории цивилизации!..»

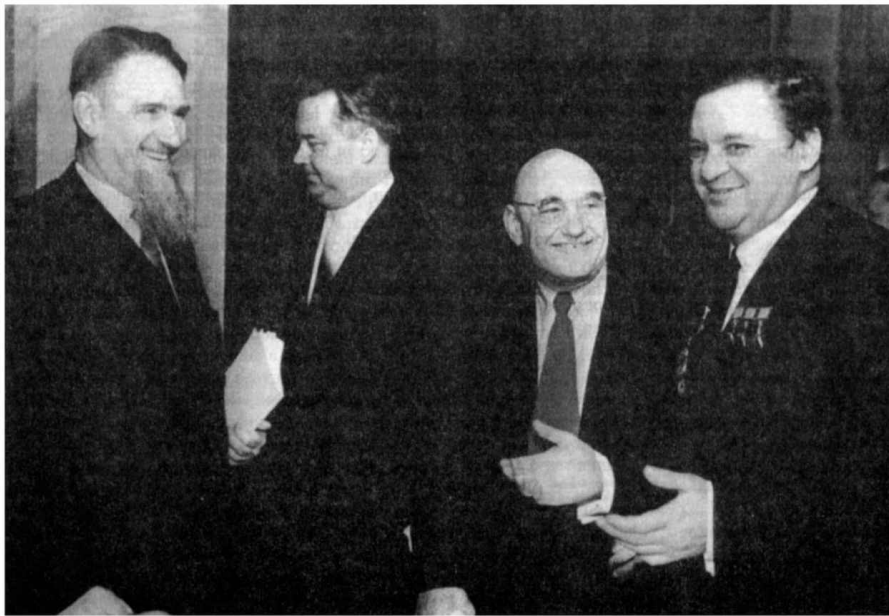
Создание ракетно-ядерного оружия потребовало предельного напряжения человеческого интеллекта и сил. Быть может, оправданием здесь является то, что почти пятьдесят лет ядерное оружие своей невиданной, разрушительной силой, применение которой угрожает жизни на Земле, удерживало мировые державы от войны, от непоправимого шага, ведущего к всеобщей катастрофе. Вероятно, главный парадокс нашего времени в том и состоит, что самое изощренное оружие массового уничтожения до сих пор содействует миру на Земле, являясь мощным сдерживающим фактором...» [35, с. 165].

Со времени написания этих строк прошло уже много лет. Как и предыдущие, это были годы глобальной стабильности в мире.

В 2009 году в России будет отмечаться 60-летие со дня испытания РДС-1. Торжества по случаю этой знаменательной даты с полным правом могут быть проведены под лозунгом – 60 лет со дня испытания первой отечественной атомной бомбы – 60 лет мира.

В современной, все еще достаточно сложной международной обстановке ядерное оружие продолжает выполнять свою сдерживающую роль, обеспечивая стратегический баланс сил мировых держав.

Достижение стратегического баланса сил было бы невозможным без феноменального прорыва, который был осуществлен Советским Союзом, когда в трудный

Есть чем гордиться, чему радоваться

послевоенный период в кажущиеся сейчас невероятными короткие сроки была создана отечественная атомная промышленность и первая атомная бомба, а затем и высокосоввершенное ядерное и термоядерное оружие. На первом этапе ускорению атомного проекта способствовала также информация из-за рубежа.

В конечном итоге в СССР была проведена огромная работа по созданию новых технологий, новых лабораторных и промышленных установок, новых рас-

четно-теоретических и экспериментальных методов, реализованы оригинальные физические и конструкторские идеи, организовано эффективное функционирование сложнейшего научного и производственного атомного комплекса.

Особое значение в этих работах имело создание первой отечественной атомной бомбы.

Известным и недавно совсем неизвестным страницам истории ее создания и посвящена настоящая книга.

1. Атомный проект СССР. Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. I. 1938–1945. Часть 1 / Сост. Л. И. Кудинова (отв. сост.), Г. С. Синицына, Н. М. Осипова. М.: Наука. Физматлит, 1998.
2. Зельдович Я. Б., Харитон Ю. Б. Кинетика цепного распада урана // ЖЭТФ. 1940. Т. 10. Вып. 5. С. 477–482.
3. Петржак К. А., Флеров Г. Н. // Докл. АН СССР. 1940. Т. 28. Вып. 6. С. 500–501.
4. Петржак К. А., Флеров Г. Н. // ЖЭТФ. 1940. Т. 10. № 9/10. С. 101.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 644, оп. 2, ед. хр. 1.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 644, оп. 2, ед. хр. 3.
7. Тимербаев Р. М. Россия и ядерное нераспространение. / М.: Наука, 1999.
8. Кузнецова Р. В., Селезнева Н. В. Тревожный колокол Георгия Флерова. Письма Г. Н. Флерова 1941–1945 гг. // Курчатовский институт. История атомного проекта. 1998. Вып. 13. С. 5–99.
9. Атомный проект СССР. Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Книга 2 / Сост. Г. А. Гончаров (отв. сост.), П. П. Максименко. М.: Наука; Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2000.
10. Гончаров Г. А. О публикации искаженных версий писем Г. Н. Флерова 1941–1942 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 3. С. 35–56.
11. Гончаров Г. А. Письма Г. Н. Флерова 1941–1942 годов: мифы и реальность // Бюллетень по атомной энергии. 2006, № 2. С. 57–64.
12. У истоков советского атомного проекта: роль разведки, 1941–1946 гг. (по материалам архива внешней разведки России) // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. № 3. С. 97.
13. Флеров Г. Н. К вопросу об использовании внутриатомной энергии (с предисловием Р. В. Кузнецовой) // История атомного проекта. Вып. 14. М.: Курчатовский институт, 1998. С. 162–184.
14. Кафтанов С. В. По тревоге // Химия и жизнь. 1985. № 3. С. 6–10.
15. Атомный проект СССР. Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Книга 6 / Сост. Г. А. Гончаров (отв. сост.), П. П. Максименко. М.: Наука; Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2006.
16. Holloway D. Stalin and the Bomb // New Haven & London: Yale University Press, 1994.
17. Гончаров Г. А., Михайлов В. Н. И. В. Курчатов и создание ядерного оружия в СССР // Атомная энергия. 1999. Т. 86. С. 275–296.

18. Гринберг А. П., Френкель В. Я. Игорь Васильевич Курчатов в Физико-техническом институте. Л.: Наука, 1984.

19. Кириллов М. Откуда номер два? // Химия и жизнь. 1985. № 6. С. 20.

20. Атомный проект СССР. Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. I. 1938–1945. Часть 2 / Сост. Л. И. Кудинова (отв. сост.), Ю. В. Фролов. М.: Изд-во МФТИ, 2002.

21. Архив Президента Российской Федерации. Ф. 93, ед. хр. 2/44.

22. Атомный проект СССР. Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Книга 1 / Сост. Г. А. Гончаров (отв. сост.), П. П. Максименко, В. П. Феодоритов. М.: Наука; Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1999.

23. Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было // Под ред. Е. А. Негина. Нижний Новгород – Арзамас-16, 1995.

24. Архив Президента Российской Федерации. Ф. 93, ед. хр. 80/45.

25. Атомный проект СССР. Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Книга 4 / Сост. Г. А. Гончаров (отв. сост.), П. П. Максименко. М.: Наука; Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2003.

26. Атомный проект СССР. Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Книга 3 / Сост. Г. А. Гончаров (отв. сост.), П. П. Максименко. М.: Наука; Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2002.

27. Самарский А. А. Прямой расчет мощности взрыва // Наука и общество: история советского атомного проекта (40–50-е годы) / Труды международного симпозиума ИСАП-96. М.: ИздАТ, 1997. Т. 1. С. 214.

28. Гончаров Г. А. Основные события истории создания водородной бомбы в СССР и США // УФН. 1996. Т. 166. Вып. 10. С. 1095. [Goncharov G. A. Physics-Uspekhi. 1996. Vol. 39, № 10. P. 1033].

29. Goncharov G. A. Thermonuclear Milestones // Physics Today. 1996. Vol. 49, № 11. P. 44.

30. Гончаров Г. А. К истории создания советской водородной бомбы // УФН. 1997. Т. 167. Вып. 8. С. 903. [Goncharov G. A. Physics-Uspekhi. 1997. Vol. 40, № 8. P. 859].

31. Гончаров Г. А. Необычный по красоте физический принцип конструирования термоядерных зарядов // УФН. 2005. Т. 175. Вып. 11. С. 1243. [Goncharov G. A. Physics-Uspekhi. 2005. Vol. 48, № 11].

32. Атомный проект СССР. Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. III. Водородная бомба. 1945–1956. Книга 1 / Сост. Г. А. Гончаров (отв. сост.), П. П. Максименко. М.: Наука; Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2008.

33. Albright J., Kunstel M. Bombshell. New York: Times Books, 1997.

34. Атомный проект СССР. Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Книга 7 / Сост. Г. А. Гончаров (отв. сост.), П. П. Максименко. М.: Наука; Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2007.

35. Харитон Ю. Б. Эпизоды из прошлого // Под ред. Р. И. Ильяева. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1999.

О СОЗДАНИИ ПЕРВОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АТОМНОЙ БОМБЫ

Г. А. ГОНЧАРОВ, Л. Д. РЯБЕВ

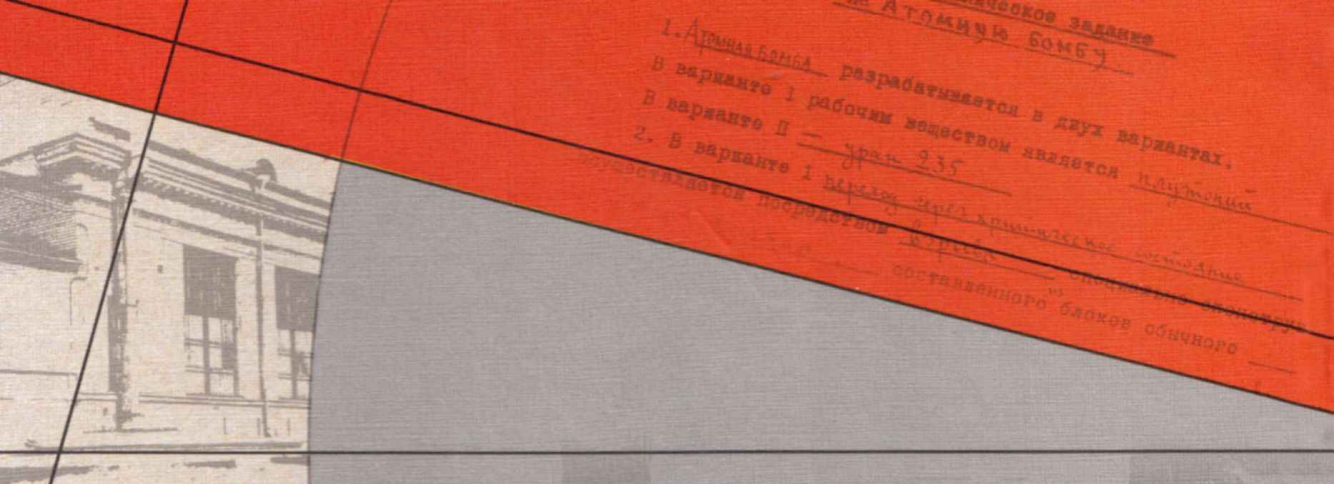
Редактор: Л. В. Мазан
Художественный редактор: Т. В. Андреева
Обработка иллюстраций: Т. В. Андреева, В. В. Ельцов

Подписано в печать 20.05.2009 Формат 75х90/16 Печать офсетная
Усл. печ. л. ~8,5 Уч. изд. л. ~7 Тираж 1000 экз. Зак. 294-2009

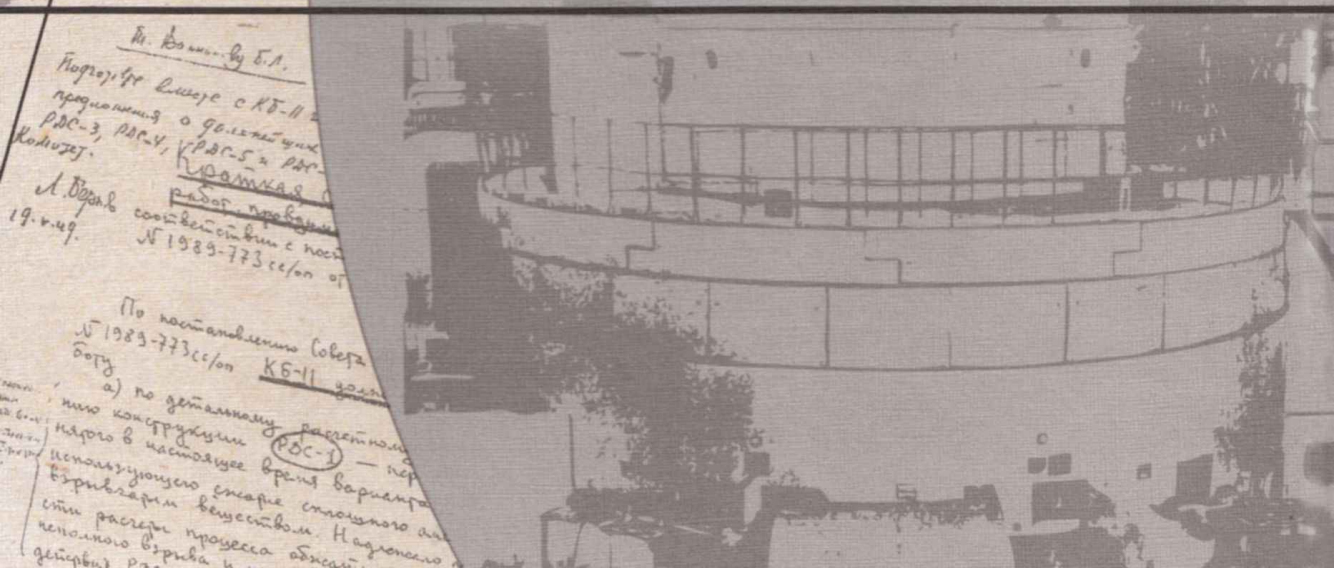

Издательско-полиграфический комплекс ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ»
Россия, Нижегородская обл., г. Саров, ул. Силкина, д. 23

...Атомного здания
 ...Атомную бомбу

1. Архивная бомба разрабатывается в двух вариантах.
 В варианте I рабочим веществом является плутоний
 В варианте II — уран 235
 2. В варианте I взрыв центр красно-желтого составляющего
составляющего блоков обычного

И. Винограду Б.А.
 Подпись выше с КБ-11
 продолжения о долевых
 РС-3, РС-4, РС-5 и РС-6
 Копия
 А. Винограду
 19.11.49

По постановлению Совета
 № 1983-773сс/оп КБ-11
 а) по детальному варианту
 тно конструкции РС-1
 нного в настоящее время варианта
 исполняющего старое сплоченное
 взрывчатим веществом Нагдопено
 эти расчерты процесса обдсай
 полностью взрыва и
 действии)